

Светлана Шёпот

Ведьма

Вильгельма

Проснулась я резко, словно и не спала вовсе. Хлопнув несколько раз сонными глазами, нахмурилась. Мало того, что я не на кровати, так ещё, кажется, куда-то еду. И езда, скажу я вам, какая-то странная. Конечно, в нашей родной стране дороги то ещё удовольствие, но всё же не до такой степени — трясло нещадно. Даже странно, как при такой тряске я умудрилась вообще спать. Но даже не это было интересно. Если я и ехала, то явно не в машине. Не было ни характерного звука, ни окон, ничего такого знакомого и привычного. Я сидела в какой-то коробке, с одной стороны которой было крохотное окошечко, завешенное тряпкой.

Сердце забилося с такой силой, что мне пришлось прикрыть глаза, чтобы хотя бы немного успокоиться. Как я тут оказалась? Так, надо вспомнить, что было вчера. Мысли скакали, как блохи, затрудняя мне тем самым работу. Но даже так удалось всё-таки вспомнить вчерашний день, вернее, вечер.

Ко мне заскочила подруга, с которой мы не виделись со времен школы. Она приехала с Питера к родителям. Хотя мы и не виделись почти десять лет, но активно общались в соцсетях. Сама я в Питере не была, хотя она сотню раз звала погостить, но я была та ещё домоседка. Да и если честно причина была далека от той, которую я постоянно озвучивала. На самом деле я очень стеснялась.

Всё дело в том, что почти сразу после универа я попала в аварию и повредила позвоночник. Вот с тех пор ходить не могу, передвигаюсь на коляске. Я была благодарна, что вообще осталась жива, хотя тело и «украшало» теперь столько шрамов, что вообще удивительно, как я не умерла тогда с такими повреждениями. Не скажу, что то время было самым моим счастливым. Были слезы, сопли, отчаяние, но я была не одна и смогла выползти из того шаткого состояния. Это случилось в тот день, когда я огляделась однажды и увидела свою маму, которая, казалось, постарела на десять лет. Она похудела, осунулась, и под глазами залегли тени. Вот тогда я и поняла, что хватит, не одной мне плохо.

Конечно, пойти работать по специальности я не могла. Поэтому начала искать такую работу, чтобы не сидеть на шее у родителей и для которой не потребуются ноги. Пришлось за эти десять лет помыкаться. В последнее время я занималась тем, что писала статьи. Деньги были не великие, но на жизнь хватало.

Так вот, вернемся к вчерашнему вечеру. Ленка прискакала радостная, вся такая надушенная, накрашенная, прямо фея какая-то. Не знаю, как ей удалось, но она меня всё-таки смогла вытащить из дома. Погулять, как она сказала.

На этом моменте воспоминания начинают туманиться. Становятся какими-то рваными, обрывочными, будто швейцарский сыр. Я помню, как болтали, она рассказывала, что снова беременна, уже третьим, как счастлива. Помню, была рада за неё, хотя сама я так и осталась не тронутой — до универа думала, что встречу там, во время никто не нравился, а после аварии я слишком стеснялась своей неспособности ходить. Иногда я ей даже завидовала, хотелось тоже ощутить, каково это быть любимой, как это быть матерью. Но, видимо, моё время либо не пришло, либо никогда не придёт.

Помню, сидели в кафе на набережной, потом Ленка вроде как с кем-то танцевала. А вот что дальше было, из памяти словно вышибло. Что же случилось? И куда я еду и на чём?

Открыла глаза и едва удержала вскрик. Пришлось даже рукой рот себе закрыть. И как я сразу не заметила? Напротив меня, только чуть с боку сидела женщина, судя по всему, она спала. В этой коробке было темно, поэтому видно было плохо, но даже такого скудного освещения хватило, чтобы понять — одета она как-то странно.

Отняв руку от лица, опустила голову и осмотрела себя. Что за ерунда? На мне и самой было какой-то странное платье. Длинное, с широкими юбками и, если я не ошибаюсь, то их на мне целая куча.

Снова пришлось прикрывать глаза и дышать медленно и глубоко, чтобы успокоиться. Где я? Куда меня везут? Зачем переодели? Кто эта женщина? Меня украли? Для чего? Выкуп? Так мы не так богаты, чтобы затевать все это. Или это мы с Ленкой что-то начудили? Ну, может, мы записались в какую-нибудь странствующую труппу. Хотя вроде как и не пили. Даже странно, не пили, а воспоминания, будто мы вчера хорошо так приняли на грудь.

Когда немного успокоилась, открыла глаза и потянулась к тряпке, висевшей на окне — может, хоть места знакомые проезжаем.

В этот момент женщина, видимо, чем-то разбуженная что-то сказала, отчего я едва не подпрыгнула, отдергивая руку. Через секунду поняла, что язык хоть и кажется мне знакомым, но я ничего не поняла. Хотела сказать, что не понимаю её, как голову сдавило так, что я всё же вскрикнула, хватаясь за нее. Кажется, перед тем, как потерять сознание от боли, мне почудилось на мгновение, что я видела мельком металлический штырь, который раскалённым гвоздем входил мне в правый глаз.

Второе моё пробуждение принесло с собой головную боль и обречённое понимание — Ульяна Мурашова умерла. Как давно это было, трудно сказать. Я всё вспомнила. В тот вечер к Ленке прицепились какие-то типы. Мы сразу поняли, что нетрезвые товарищи, ведущие себя не лучшим образом, могут стать проблемой, поэтому поспешили убраться. Уйти мы ушли, но очень скоро нас догнали на машине. Ленку затолкали на заднее сидение. Я же попыталась закричать, но кто-то из них толкнул ногой мою коляску так, что она начала падать. Последним моим воспоминанием был как раз тот штырь. Кусок арматуры, торчащий по какой-то неизвестной мне причине из земли, вошёл точно в правый глаз. Было ли больно? Невероятно. Хорошо, хоть недолго. Я довольно быстро отключилось.

Что было потом, не ясно. Но дальше у меня начинаются совсем другие воспоминания. Ульрика Хольм, дочь барона Вилмара Хольм. Старый замок, добрый и любящий отец, куча слуг, множество игрушек, ненавистные уроки и учителя. Потом была академия, в которой — я была удивлена — обучали будущих магов и ведунов. Ульрика не любила учиться, да и способности ведуньи у неё были неважные. Но любимого отца расстраивать не хотела, поэтому прилежно зубрила. Доучиться Ульрика не успела — началась война, в которой погиб её отец. Ульрика была единственной наследницей. Если бы у нее были способности мага, то она бы стала полноправной баронессой. Но Ульрика была всего лишь ведуньей, и наследовать титул они не могли. Именно поэтому её судьбу решил король. Королевству необходим был союз со светлыми эльфами.

Она даже не увидела своего мужа. Свадьбу сыграли без её согласия, и даже без её присутствия. Ульрика лишь знала, что её муж самый младший сын Светлого Князя и что зовут его Охтарон. И это было странно — никто в здравом уме не подумал бы, что их положение одинаковое. Где сын Светлого Князя и где просто дочь человеческого барона.

Увидеть не увидела, но прекрасно поняла, что мужу она совершенно не нужна. Вместе с ней выслались все замковые слуги и жители ближайших деревень. Видимо, Светлейшему не нужны были люди на его земле. Скорее всего, король просто пожертвовал не таким уж большим баронством — земли у Хольм было не так много. Да и лес эльфов был как раз на самой его границе.

Ей дали время собрать вещи, а потом сунули в карету, и выставили вон из замка, который был её домом на протяжении восемнадцати лет. Ей лишь сказали, что Светлейший Охтарон отправляет свою законную супругу в свои владения. Когда было названо место, Ульрика едва не потеряла сознание от страха. Сумеречный Вильгельм. Лес, о мрачности и загадках которого ходят леденящие душу слухи. Теперь становилось понятно — её просто списали. Выжить в Вильгельме было невозможно и Охтарон просто рано или поздно станет вдовцом.

Ульрика с детства была любима, разбалована отцом, поэтому, когда всё поняла, то разразилась такая истерика, что слугам пришлось очень долго успокаивать разбушевавшуюся девушку. После истерики пришла горячка, которая продолжалась несколько дней. С ними было несколько эльфов, которые запрещали останавливаться, поэтому эти дни, почти в полубреду Ульрика провела в дороге.

Что послужило тому, что я вспомнила свою прошлую жизнь, которую прожила как Ульяна, не ясно. Но что есть, то есть. Я просто проснулась с воспоминаниями не об одной жизни, а о двух. Надо же, Ульяна и Ульрика, даже имена немного похожи.

Повернувшись набок, вздохнула. По спине прошлись мурашки — я ведь тут могу ходить! От осознания чуть не вскочила, но в последнее мгновение замерла. Надо сначала узнать, где мы и как там снаружи.

Позади меня что-то зашуршало. Я напряглась.

— Госпожа, как вы?

Тут же расслабилась, вспоминая этот голос.

— Уже лучше, Ингрид. Где мы сейчас? Почему стоим?

Сев, я немного отодвинула край ткани, понимая, что мы в палатке. Конечно, здешняя палатка, совершенно не такая как на Земле, скорее это просто кусок ткани на палках, но смысл тот же. Судя по всему, на улице был вечер. Недалеко горел костер, вокруг которого собрались люди. Имена многих послушно всплывали в голове.

— Когда вы сознание потеряли, я заставила остановиться и разбить лагерь. Вам бы похорошему полежать дня три, госпожа.

— Не думаю, что нам дадут столько времени. Да и я уже чувствую себя хорошо.

Повернувшись, я ничего не увидела, так как в палатке было темно. Но мне этого и не нужно было, я и так помнила лицо своей кормилицы. Мать Ульрики умерла родами, поэтому Ингрид была со мной с самого рождения.

— Ложись, завтра поедем дальше, — сказала я, решив, что сейчас толку вставать не было — только внимания к себе привлеку. Да и вдруг эти сумасшедшие эльфы заставят нас двигаться дальше, а мне не хочется, чтобы люди мучились по темноте.

Ингрид позади поворчала что-то и вроде как засопела. Я же принялась думать. Что мы имеем? Там я умерла. Моя душа здесь уже восемнадцать местных лет, и это ещё неизвестно, сколько прошло времени между смертью и новым рождением. Вспомнились родители, захотелось заплакать, но пришлось силой заставить себя прекратить. Слезами помочь нельзя, так что нечего и плакать.

Этот мир явно другой. Чего стоят только эльфы и магия. Эльфов, кстати, я так и не видела. В академии людей они не учились, по нашим городам не ходили. Да и тех, что сопровождают нас, тоже не видела, так как мои мысли в тот момент были далеки от них. Про своего мужа вообще молчу. При этой мысли в груди похолодело. Муж, надо же.

Может кто-то и был бы счастлив стать женой целого эльфа, вот только я хорошо понимала, что нужна ему как пятая нога собаке. Он был бы счастлив видеть меня в могиле, а лучше и вовсе не видеть. Можно было его за это возненавидеть, вот только я хорошо знала, что политика дело весьма грязное. Судя по всему, этого брака он желал не больше чем я. Конечно, меня задевало, что даже свадьбы как таковой не было, но я решила, что не стоит об этом вообще думать. Сейчас нужно направить все свои мысли и силы на то, чтобы выжить.

Вильхельм. Уже одно название наводило на меня ужас. Древний лес, который с двух сторон граничит с горами Хальдор, ещё одной с эльфийским лесом, и последней с великой пустыней Сальдис. Говорят, Вильхельм был на земле ещё в те времена, когда миром правили боги. Хотят слухи, что лес живой. Достоверно известно, что из него время от времени вылетают, выползают, выходят такие твари, которых никто и никогда до этого не видел. Так же все знают, что те, кто вступал под кроны деревьев леса Вильхельм, никогда более не возвращались. Это дорога в один конец.

Повернувшись на другой бок, пошевелила ногами, чувствуя, что они прекрасно меня слушаются. От осознания на лице сама по себе расцвела улыбка. Но моё настроение было мгновенно испорчено мыслями о родном доме, родителях, ситуации, в которой я сейчас нахожусь. Стало больно и тоскливо. Захотелось закричать, расцарапать кому-нибудь лицо, убежать, вернуться домой. В голове запульсировал один единственный вопрос: «За что?»

Как уснула, совсем не заметила, проснулась я от осторожного прикосновения. Сначала не поняла, что, кто, где, но потом воспоминания нахлынули.

— Как вы, госпожа?

Я помотала головой, буркнула, что хорошо, и поползла на выход. Перед тем как встать на ноги, я минуту постояла на коленях, ощущая, как сердце бьется где-то в горле. А потом медленно встала, едва удержав в себе ликование. Я стою! У меня отняли так много, засунули в такую клоаку, на зато даровали ноги! Конечно, одно это не нивелирует всё остальное, но хотя бы немного примиряет с происходящим.

Как бы мне не хотелось поглядеть по сторонам, но распахнутая дверца кареты как бы намекала, что мне не дадут даже в кустики сходить. Рядом с дверцей я, наконец, увидела эльфа. Что могу сказать? Эльф был высок, строен и смазлив. Длинные светлые волосы были хитро заплетены. Глаза цвета свежей зелени недовольно сверкали. Нос ровный, губы пухлые и какие-то капризные что ли. Кожа чистая и, казалось, буквально светится изнутри. Одет эльф был в штаны, рубашку, безрукавку. Всё светлых оттенков зеленого, бежевого. На одежде видна вышивка. На поясе с одной стороны висел меч, с другой арбалет, за спиной торчал лук, и видны были оперения стрел. Серьезно вооружен товарищ, ничего не скажешь.

— Мне нужно в уборную, — сказала и для убедительности вскинула подбородок.

А что? Я хочу в туалет, вообще-то. Да и умыться с утра не мешала, про еду я молчу.

Эльф скривился так, словно лимон целиком зажевал.

— Проводят, — бросил он, отворачиваясь.

— Пойдёмте, госпожа, — рядом нарисовалась Ингрид.

Через пятнадцать минут мы снова сидели в карете. Я даже перекусить успела. Людей со мной шло много, что и странно. Но, видимо, им никто не сказал, куда именно мы

направляемся, вряд ли бы они так спокойно топали. Конечно, они нервничают, но, думаю, если бы они знали, что идем мы в Вильхельм, то нервничали бы сильнее.

Вообще, одеты все были бедно, я бы даже сказали, по-нищенски. Да и у меня платье оставляло желать лучшего. Ткань грубая, краска тусклая, хорошо хоть корсета нет. Карета — коробка на колесах. Ни о каких рессорах речи не шло. А ведь я, как Ульрика считаю, что всё просто отлично. То есть платье по последней моде, карета дорогая и престижная, а люди так вообще чуть ли не богачи. Вот только я, как Ульяна вижу, понимаю, что люди в этом мире находятся сейчас где-то на уровне глубокого средневековья.

И ладно бы в столице было лучше, но и там я видела это же. Баронство Хольм было хоть и маленьким, но по местным меркам богатым. А все потому что по нему бежала река, которая брала начало где-то в горах Хальдор. Вот в ней и намывали крупницы золота. Мало, но небольшому баронству хватало.

Я начала думать, что делать, ведь благодаря тому, что писала статьи, натыкалась на множество разной информации, но тут же одернула себя — сначала надо посмотреть на тот лес. Если он действительно настолько страшен, как говорят, то нужно будет как-то избавиться от надзора эльфов и бежать. Людей бросить я не могла, хотя Ульрика и не испытывала к ним никакого тепла, но я так не могла. И вообще, пора завязывать разграничивать нас, ведь Ульрика это та же я.

Мне было интересны места, по которым мы едем, но каждый раз, когда я выглядывала, постоянно натыкалась на хмурое лицо эльфа. Их было двое. Поначалу я их даже не различала, до такой степени они были похожи в своей идеальной красоте, но потом всё-таки увидела различия. Небольшие, но этого вполне хватало, чтобы понять, что они разные. Разговаривать с ними не пыталась, видела, как их кривит, когда к ним кто-нибудь из людей обращается.

Насколько я помню себя, то я тоже вполне себе симпатичная. Ну, мне так кажется. Конечно, до такой идеальной красоты мне как до вершины Эвереста пешком, но для людей я была красива. Жгучая брюнетка с темно-серыми, почти черными глазами. Волосы выются крупными кольцами. Если распустить, то длиной до поясницы. Нос прямой, ровный. Губы, правда, тонковаты, но общее впечатление не портили. Бледновата, на мой взгляд, но тут мода на белых кожей. Невысокая, наверное, метр шестьдесят где-то. Вполне стройная, грудь размера второго. В общем, нормальная, симпатичная девушка восемнадцати лет. Не модель, но посмотреть приятно.

Мне всё же удалось узнать, где именно мы едем. Оказалось, что по окраине эльфийского леса. Вглубь нас никто пускать не собирался, поэтому ехали почти в объезд. Ничего эльфийского я в лесу не увидела. Совершенно обычный лес, на мой взгляд. Деревья, кустарники, трава, ягоды кое-где. Если говорить о времени, то ехали мы почти пятнадцать дней. Сказать, что я устала трястись в этой карете, не сказать ничего. Отсидела себе всё, что только можно отсидеть. Тело требовало движения, которое приходилось с боем выбивать себе по утрам и вечерам. Через пару дней эльфы привыкли и давали мне полчаса на небольшую разминку.

То, что мы приехали, я поняла сразу по голосам снаружи. Ждать не стала, толкнула дверь и вышла на улицу, тут же поворачиваясь в ту сторону, куда мы всё это время ехали. Вдали, над верхушками деревьев виднелись совсем другие деревья. Исполины! Видны были несколько, которые буквально возвышались над всеми остальными. Высота их на первый взгляд была не меньше ста метров. Остальные пониже, но даже так это были просто гиганты.

Я помню, у нас на Земле тоже были деревья, высота которых превышала ста метров. Кажется, это были секвойи, и возраст у них был, я вам скажу, приличный. Значит, этот лес и правду очень старей.

— Мы проводим до границы, потом проследим, как войдёте, — сказал ближайший эльф, кивнув в сторону кареты.

Огляделась, замечая, какими глазами люди смотрят на деревья впереди. Кажется, они только сейчас поняли, куда именно мы всё это время двигались. Убегут? Что ж, это будет их выбор. Каждый должен сам преодолеть свой страх.

Не став ничего говорить, вернулась в карету, и мы продолжили путь. К вечеру добрались до окраины леса. Колона встала. Эльфы что-то кричали, но, как я поняла, люди отказывались входить в лес.

Когда услышала истошный крик какой-то женщины, вздохнула. Я понимаю, что этих двух мы можем сейчас прикончить, убежать отсюда, но ведь потом за смерть этих эльфов нас всех убьют. Этот лесной народ очень мстителен и убийц своих сородичей не жалеет.

Распахнув дверь, подобрала платье и вышла.

— Коня мне, — приказала парнишке, который со страхом смотрел в сторону леса. Услышав приказ, он тут же встрепенулся и скрылся. Через минут пять мне привели оседланную лошадку. Забравшись на неё с трудом — и почему я раньше никогда не училась ездить на лошадях? — осторожно тронула вожжи и поехала в сторону Вильгельма. Люди молчали, даже как-то странно. Волновалась ли я? Нет, потому что прилагала все силы, чтобы не свалиться с лошади. Когда оставалось несколько шагов до входа в лес, остановилась и кое-как повернула лошадь к людям. — Как бы ни хотелось остальным, я не умру! И вам не позволю! Мы люди сильные и если жизнь так повернулась, то нам только и остаётся, что сделать Вильгельм нашим новым домом!

Это потом я, может быть, буду сожалеть, проклинать этот день и то, что я решила не бежать, а остаться в этом лесу, но здесь и сейчас, мне надо было, чтобы люди пошли со мной, так как одна я вряд ли справлюсь. Снова кое-как повернув лошадь, заставила её сделать эти несколько шагов, входя под тень исполинов Сумеречного Вильгельма.

В то, что Вильхельм живой я как-то сразу поверила. Стоило мне переступить невидимую черту и показалось, что на мне скрестилось тысячи взглядов, которые смотрели куда-то вглубь души. Показалось, что внутри бегают разряды электрического тока. Волосы встали дыбом, а мурашки на спине превратились в самых натуральных слонов. Никогда до этого я не испытывала ничего подобного.

Лошадь подо мной тревожно всхрапнула, но продолжала идти дальше. Я же, расправив плечи, сидела и смотрела невидящим взглядом вперёд. Не сдамся! Мне больше некуда идти. Бежать? Глупости, от эльфов не сбежишь. Найдут и вернут. Им живая я не нужна, но и убивать своими руками они не станут, всё-таки жена младшего сына светлого Князя. А в таких делах магия крови быстро им по ушам настучит. А вот так, отправив меня в такое опасное место, тем самым подписав мне смертный приговор, самое то. Но это ещё надо посмотреть, умру ли я тут или нет.

Я в прошлой жизни не умерла, хотя жить калекой хуже нет, а здесь, имея полностью здоровое тело, сдать, как следует не поборовшись последнее дело.

Давление постепенно начало спадать, отчего я выдохнула и оглянулась. Люди заходили следом за мной. Женщины и дети все поголовно плакали, а мужчины стискивали в руках вилы и палки. Все были бледными, глаза то и дело бегали по сторонам, но все шли следом. Уверена, многие меня сейчас проклинаят.

Людей примерно было человек двести, не больше. Десятка два лошадей с телегами. На них ехали самые маленькие дети и беременные женщины. Удастся ли нам тут выжить? Насколько правдивы слухи? Неизвестно. Остаётся только сражаться и постараться выжить.

Я посмотрела туда, где заканчивался лес. Двое эльфов зорко следили, чтобы никто не сбежал. Интересно, неужели у них в душе ничего не шевельнётся? Неужели им не жалко хотя бы маленьких детей? Возможно, и жалко, но, думаю, выбора им тоже никто не оставил. Конечно, можно попробовать поискать выход, но я больше чем уверена, что кроме этих двоих поблизости есть ещё эльфы, которые следят.

Испытывала ли я ненависть к ним? К своему мужу, которого так ни разу и не увидела? К тем алкашам, из-за которых я умерла в прошлой жизни? А ведь Ленке, скорее всего, досталось больше. И моим родителям. Какого это узнать, что твоего ребёнка убили, даже думать не хочу, иначе точно расплачусь. Я лишь надеюсь, что им воздалось за поступки соразмерно.

Ненависть... Странно, но я испытывала лишь небольшой страх, волнение, какое-то иррациональное предвкушение и любопытство. Ненавидеть мужа я не могла, понимая, что всего мне не известно. Хотя и очень злилась на него, а ещё на нашего короля. Вот его я бы с удовольствием прикончила. Понимаю, политика, но зачем же так жестоко? А ведь мы для него не более чем цифры и безликие имена.

Когда последний человек вошёл в лес, мне показалось, что резко потемнело. Наверное, просто солнце скрылось за горизонтом, но эффект был такой, что женщины завывали ещё сильнее, а мужчины принялись лихорадочно осматриваться по сторонам.

— Успокойтесь! — крикнула. На меня тут же обратили внимания. Мне даже показалось, что многие вздохнули облегчённо, словно при виде меня у них появилось чуть

больше уверенности. — Сегодня уже поздно идти дальше. Будем ночевать тут.

— Может, вертаем обратно? Ушастые скрылись как бы, — предложил молодой парень, который до этого привёл мне лошадь. Кажется, его зовут Рун. Работал он у нас на конюшне.

— Нет, — я спешила, хотя едва не упала из-за того, что раньше этого не делала, да и длинное платье очень мешало. — Они скрылись с глаз, но не ушли. Больше чем уверена, что вблизи границы ещё несколько дней будут сидеть и караулить, чтобы мы не сбежали. Ночевать будем прямо тут. Телеги ставьте так, чтобы получился круг. И поторопись развести костёр, скоро тут вообще темень будет.

Люди тут же забегали, начиная стаскивать телеги, собирать хворост, разводить костёр, готовить пищу. Работа она вообще имеет свойство выталкивать другие мысли. Когда руки делают, голове меньше заботы. Сама же я привалилось к стволу одного из гигантов, чувствуя, как у меня поджилки трясутся. Не знаю, как остальные, но я ощущала себя так, словно меня выворачивает наизнанку и просушивает на ветру изнутри. Облизав губы, прищурилась, смотря, как весело потрескивает разведённый костер.

— Госпожа, — рядом присела Ингрид, подавая мне глиняную кружку с водой.

— Спасибо, — аккуратно забрала воду и когда начала пить, поняла, что до этого просто умираю с жажды.

— Вам плохо? — спросила кормилица. Она осторожно положила руку мне на лоб. Я не стала противиться и отрицать. Я действительно чувствовала себя неважно.

— Кажется, этот лес и правда живой, — прохрипела я. — ты что чувствуешь?

Женщина на мои слова напряглась, потом прислушалась, даже прикрыла глаза. Но потом просто покачала головой.

— Ничего, госпожа. Немного прохладно. Кушать хочу, ноги гудят. Но ничего необычного не ощущаю.

— Понятно, — я вздохнула. — Походи среди людей, поспрашивай. Если кто-то чего не так ощущает, приведи.

Ингрид поклонилась, встала и ушла. Сколько её не было, не знаю. Мне показалось, я даже вздремнуть успела, хотя это скорее было полузабытьё, чем сон.

— Никто ничего особенного не ощущает, госпожа, — голос Ингрид показался мне слишком громким. Вздрыгнула, открывая слипающиеся глаза. — Всем страшно, устали, нервничают, но и только. Там вам почивальню приготовили, пойдёте?

— Пойду, только поесть принеси.

— Конечно, госпожа.

Кормилица опять ушла, а я кое-как встала и поплелась. Сделав шагов десять, огляделась. Ага, вон подобие палатки и есть почивальня. Когда дошла до постели, рухнула на неё. Но уснуть мне не дала Ингрид, которая притащила поесть.

— Скажи мужикам, чтобы выставили караулы. Ещё не хватало, чтобы нас ночью застало врасплох какое-нибудь животное. И почему отец увел всех воинов на эту войну? Мог бы и оставить кого-нибудь.

— Так повелел король, — тихо напомнила Ингрид.

Вот опять. А не было ли это спланировано заранее? А что? Отца убивают, меня оперативно замуж, баронство забирают, меня опять же в лес, подальше с глаз. Воинов нет, защитить некому, так что можно обо мне больше и не беспокоиться. Странно, что вообще затеяли эту свадьбу. Хотя, если вспомнить закон, то там вроде говорится, что если нет наследников, то земля делится на части и уходит соседям. Ага, понятно. А нашему

милостивому королю не нужно было, чтобы баронство разодрали на части наши соседи. Ему надо было отдать его эльфам, а чтобы сделать это по закону, то нужно было отдать меня замуж. Но почему тогда за такого важного эльфа? Не поверю, что не нашлось какого-нибудь советника, или же сына советника, которому можно было отдать такую честь взять меня замуж. О чем это может говорить? Да не знаю. Слишком мало что мне известно, чтобы сделать хоть какие-нибудь выводы.

Перед тем как уснуть я пыталась подумать о том, что делать дальше, но, то ли я уснула, то ли просто потеряла сознание. Знаю лишь то, что меня просто отключило.

Я слышала шепот, и мне казалось, что я схожу с ума. Меня рвало на части и склеивало обратно. Мне было холодно, а в следующее мгновение я сгорала в огне, желая лишь одного — что бы это ни было, поскорее бы оно закончилось. В какой-то момент меня буквально облило прохладной водой, отчего я открыла глаза. Огляделась и тут же заметила недалеко заросшую травой и мхом пирамиду. Высокой она не была, метров пятнадцать не больше, но что-то такое в ней было мистическое и непостижимое, что не понятно чего хотелось больше, подойти или поскорее уйти отсюда.

Сплотнула, стиснула кулаки и сделала шаг вперёд, тут же куда-то проваливаясь. Я летела вниз по каменному туннелю, отчего сердце буквально колыхалось от страха в горле. Я же разобьюсь сейчас! Не разбилась. Перед самым полом что-то или кто-то поймал меня.

Я смотрела в глаза существу и понимала, что в жизни всё может случиться. Никогда бы не подумала, что попаду в такую ситуацию и увижу нечто подобное, а вот, пожалуйста, смотри.

Я висела просто в воздухе, в метрах пяти от гиганта, который был буквально распят на стене. Я могла бы назвать его человеком, но с человеком его связывало лишь строение тела. То есть у него было две руки, две ноги, туловище и голова. А вот детали... Начнём с того, что кожа у него была глянцевой и абсолютно чёрной. Ноги слишком длинные и мощные. Тело было жилистым и кое-где видны были проблески чешуи, похожей на рыбью. Половых признаков не было видно, но строение тело было мужским. На голове вместо волос толстые хлысты, которые время от времени, как змеи шевелились. Прямо Медуза Гаргона. Лицо вытянутое, губ и носа не видно вообще, зато глаза на пол лица. Громадные, обрамлённые пушистыми и длинными ресницами. Глаза сияли голубым светом, будто галагеновые лампочки. Зрачок вытянутый. Ах да, ростом это существо было не меньше пяти метров. Я по сравнению с ним просто букашка.

— Человек.

Он сказал лишь слово, а мне показалось, что у меня сейчас от напряжения мозг через уши вытечет.

— Не... кричи, — задыхаясь и плача, попросила я, понимая, что второго такого давления на голову могу и не выдержать.

— Прости, забыл, что вы слабые существа, — тут же отозвался в голове более тихий, но всё-таки довольно громкий голос. Разобрать, кому он принадлежал мужчине или женщине было невозможно. Какой-то усреднённый, безликий, но от этого не менее приятный. Хотя от него и было по-прежнему больно.

— Кто ты? — немного отдышавшись, спросила. — И где это я?

— Моё имя на твой язык не переводится, зови меня, как тебе нравится. И ты у меня в гостях.

— Но как я сюда попала? Я ведь была совсем в другом месте.

— Здесь лишь ты, твоего тела тут нет.

— А... Ясно. И зачем я тут?

— Ты желаешь силы, я могу помочь тебе.

Существо замолчало, я же задумалась. Что мы имеем? Либо это сон, либо у меня галлюцинации, либо всё по-настоящему происходит. Отбросим пока мысли о сне и про галлюцинации и предположим, что всё происходит на самом деле.

Есть неизвестное существо, которое ни с того, ни с сего предлагает мне какие-то там силы, утверждая, что я сама этого желаю. Что это может значить? Не думаю, что брать что-то у того, кто даже имя своё не сказал хорошая идея. Да и ничего бесплатного в этом мире, да и не только в этом нет.

— Какая сила? Какая будет плата? И кто ты? Мне не нужно имя, но кто ты, какой расы?

Мне показалось, что гигант тяжело вздохнул и немного прикрыл свои громадные глаза.

— Я вижу, что у тебя есть дар, я могу усилить его в сотни раз. Будет больно, но ты сильная, поэтому есть все шансы, что вытерпишь. Плата? Моя свобода. Я тут уже многие тысячи лет и хочу выбраться. Кто я? Мы называли себя хелгами. Служители богов, их верные воины.

— Что же случилось, почему ты тут?

— Это плата. Давно, очень давно хелги служили богам. Боги были милостивы. Они создавали миры и тех, кто населял эти миры. Но однажды те, кому мы предано служили, начали уничтожать свои творения. Поначалу хелги ничего не поняли, но потом стало ясно, что в некоторых богах проросла тьма. Хелги просили, умоляли прекратить, но боги не слушали. Хелги восстали против своих хозяев, защищая собой уцелевшие миры. Но боги есть боги, а мы были лишь слугами. Каждого хелга они пленили, заковали и оставили скованными в мирах, сказав, что раз нам так нравятся миры, то мы должны охранять их целую вечность. С тех пор я тут.

— А куда смотрели остальные боги?

Честно говоря, я не сильно во всё это верила. Вид у этого хелга был такой, что он больше смахивал на какого-нибудь демона, чем на слугу богов.

Существо опять тяжело вздохнуло.

— Боги, они другие.

Что это может значить, я не поняла, но переспрашивать не стала. Другие так другие. Может это означает, что им никакого дела нет ни до чего, мало ли.

— Ясно. Скажи, зачем ты хочешь дать мне силу?

— Чтобы ты потом помогла мне снять оковы.

Ага, логично. Вот только кто мне даст гарантии, что вот этот черный, голый гигант не местный Люцифер? Никто. А это значит? Что нужно рисковать. Либо принимать предложение, либо уйти отсюда и забыть.

— Я понимаю твои сомнения. Доказать я не могу. Тут поможет одна лишь вера.

Я задумалась. Окинула взглядом гиганта. Скажу честно, выглядел он хоть и пугающе, но это только поначалу, а потом, приглядевшись, я поняла, что он не так уж и страшен. И эти глаза... Они просто бездонны.

— Хорошо, — сказала, а сама почувствовала себя так, словно в колодец вниз головой нырнула. — Я поверю тебе. Но знай, обманешь, найду даже в следующей жизни.

— Хорошо. Уверяю, после того, как я передам часть своей силы тебе, ты сможешь меня найти легко в любой из своих следующих жизней.

— Вот как, — я даже не знала, что и сказать. — Больно будет?

— Будет, — ответил он.

А потом я потонула в океане боли, которая меня едва ли не расплющила на атомы. Я горела, плавилась, замерзала, разваливалась на куски, заживо сгнивала и кричала, кричала, кричала. Хотя, больше чем уверена, из моего рта не вылетело ни звука.

Утром же я проснулась так, словно ночью ничего не было. Будто мне всего лишь приснился кошмар. Никаких изменений в себе я не ощущала. Так было до тех пор, пока я не выползла из палатки на улицу и не посмотрела по сторонам.

Мир изменился. Нет, изменилось моё восприятие. Если раньше я думала, что хорошо вижу, то сейчас понимала, как ошибалась. Тоже и остальных органов чувств. Было ощущение, что всё вокруг стало более объёмным, ярким, душистым, насыщенным. Словно до этого у меня на голове был мешок, который приглушал ощущения.

Голова тут же закружилась, меня затошнило и зашатало. Видимо, не всё в голове успело перестроиться. Хотела опереться на палатку, но вспомнила, что сооружение это весьма хлипкое и я свалюсь вместе с ней. Краем глаза заметила Ингрид, которая что-то говорила и выглядела встревоженной.

Меня сейчас стошнит! Осмотрелась и нашла взглядом подходящие кусты, к которым и устремилась, чувствуя, как меня под локоть поддерживает Ингрид. Рвало долго. Приятного в этом мало. Но хотя бы после этого голова перестала кружиться, а желудок проситься наружу. Я даже воды попила.

— Как вы? — голос Ингрид был совсем другим, каким-то незнакомым, но более полным, звучным и довольно громким. Надо же как слух поменялся.

— Нормально, — ответила, присаживаясь на небольшой стульчик, непонятно откуда взявшийся рядом со мной. — Как остальные?

— Все себя чувствуют хорошо. У малыша Ильгуль зубик режется, вот он и плачет. Да старая Вильмина всё на сердце жалуется. С остальными нормально.

Кто эти люди я знала. Ильгуль работала в замке служанкой, вышла замуж за сына кузнеца и недавно родила. А Вильмина лет десять назад работала в замке прачкой, потом ушла, так как руки от старости стали болеть.

— Это хорошо, что со всеми всё нормально. Кто что говорит? Думает?

Самочувствие моё с каждой минутой становилось всё лучше, поэтому я даже позволила себе открыть один глаз и осмотреться. В нашем импровизированном лагере было тихо. Только малыш Ильгуль плакал, остальные же ходили хмурыми, сосредоточенными. В глазах людей я отчетливо видела страх и отчаяние, смешанное с крупными надеждой. Все так или иначе посматривали в мою сторону.

— Людям страшно, — ответила Ингрид, поёжившись. — Место такое, что не по себе.

Я открыла второй глаз, вытерла накопившиеся в уголках слезы и осмотрелась. Громадные стволы деревьев, покрытые темно-зеленым мхом. Земля усыпана пожухлыми листьями, иголками и сухими ветками. Много травы, очень похожей на папоротники. Если прислушаться, то слышно, как скрипят деревья и в вышине шелестят листья. Животных не слышно, даже птицы и те не поют. По земле стелется полупрозрачный туман.

Ну, на самом деле действительно мрачновато и страшновато. Обычным этот лес назвать не повернется язык. Конечно, в любом лесу есть что-то такое неуловимо мистическое, но в этом становится просто ясно, что здесь надо быть готовым ко всему.

Когда организм пришёл в относительный порядок, я встала. Надо поговорить с людьми. Попросив Ингрид позвать сюда всех взрослых, постаралась придать себе более-менее нормальный вид. Конечно, мне бы ванну принять, голову помыть, да платье сменить на что-нибудь более чистое. Но чего нет, того пока нет. Но волосы я все же переплела немного, чтобы сильно не торчали.

Когда многие подошли ближе ко мне, я перестала дёргаться и замерла, осматривая каждого человека.

— Люди, — начала я. Говорила я тихо, отчего даже те, кто до этого шептался, притихли. — Все знаю, как с нами поступил наш король?

Толпа возмущённо загудела, давая мне понять, что по поводу моего замужества знают даже дети. Женщины выкрикивали проклятья, мужчины плевались и потрясали кулаками, насылая на голову нерадивому королю все беды мира. Я подождала, пока гул стихнет, и только тогда продолжила:

— Мы стали не нужны королевству. Нас попросту выбросили за ненадобностью. Отправили в место, которое испокон веков считается гиблым. Мы никому отныне не нужны. У нас есть только мы сами. Мы должны быть сейчас, как никогда быть сплочёнными, ведь неизвестно, что это за место и какие опасности оно таит. И только вместе мы сможем побороться за нашу жизнь. Поодиночке мы никто и погибнуть прощу простого. Вильхельм неприветлив, но никто точно не знает, что тут. Неизвестность это очень плохо, поэтому нам нужно хотя бы немного осмотреться. Выходить обратно из леса пробовали?

— Пробовали! — крикнул мужчина лет пятидесяти. — Не пускает обратно.

— Не пускает? — спросила и нахмурилась.

— Ага. Мы туды, а там стена прозрачная.

— Стена, — я приподняла юбки и пошла к выходу из леса. Благо мы были не так далеко, и идти пришлось недолго. Я думала, что мне совсем стало лучше, но не тут-то было, стоило мне пройти десяток шагов, как снова немного затошнило. Подойдя к выходу, протянула руку и с удивлением поняла, что она действительно во что-то упирается. Во что-то мягкое, тёплое, прозрачное и упругое. Было такое чувство, словно я прикоснулась к боку какого-то большого животного, у которого коротенькая шерсть. Чуть надавив, я каким-то шестым чувством поняла, что смогу пройти, что меня эта преграда пропустит. Но делать этого не стала. Уйти нам всё равно сейчас не дадут, больше чем уверена, что с той стороны эльфов в засаде больше чем надо. А раз уйти мы не можем, то не нужно людей зря обнадёживать. — Действительно, стена.

— Вот и мы так, — просветил меня всё тот же мужчина.

— Ладно, — вздохнула. И что теперь делать вообще? — Раз туда дороги нет, то мы должны узнать это место так хорошо, чтобы оно стало нашим новым домом. Сейчас мы немного отойдём от входа. Необходимо найти поляну, на которой мы все поместимся. Нужно будет сделать пока что шалаши, чтобы защититься от непогоды. Хорошо бы настрогать частокола от хищников, натаскать хвороста поболее — любой зверь боится огня. Разобрать вещи, узнать, сколько у нас продуктов. Это план минимум. Сейчас пять пятерок из мужчин пойдут в разные стороны — отыщите место, где мы встанем пока что лагерем. Вооружитесь, если есть чем. Возьмите факелы, на всякий случай. Старайтесь далеко не уходить. Делайте себе пометки, чтобы не заблудиться. Сильно не шумите — не стоит лишний раз нервировать зверей. Всем всё понятно?

— Насчёт женщин, — не дала я разбрестись прекрасной половине. — Вы занимаетесь продуктами. Соберите в одну кучу, рассортируйте, тщательно упакуйте. Проверти вещи, приведите в порядок те, которые нуждаются в починке. Следите за детьми, не позволяйте им уходить далеко от лагеря. Пока что всё будет общим, так что никакой ругани и склок.

Люди закивали. Видно было, что начали думать в совсем другом направлении. Всё-таки работа избавляет от многих проблем. Были, конечно, недовольные тем, что им придётся

делиться с остальными, но таких быстро приструнили остальные, я же запомнила этих людей. Так, на всякий случай.

Сама же решила немного посидеть. Меня всё ещё немного подташнивало. Не так сильно, как с утра, но всё же. Ингрид принесла мне жидкой каши. Отказываться не стала. Медленно ела, стараясь приспособиться к своему необычному восприятию.

Неужели мир на самом деле такой? Невероятно. Мы не видим, не слышим, не ощущаем и половины из того, что в нём есть. Даже такой мрачный лес сейчас казался мне ярким, сочным и насыщенным. Про звуковой фон вообще молчу. Если прислушаться, то можно было понять — вокруг нас буквально кипит жизнь, хотя обычным слухом её и не услышишь. Мелкие жучки, таракашки, пауки. Все они шебуршились, создавая негромкий, но постоянный шорох. На его фоне голоса, шаги и даже дыхание людей казалось оглушающим.

Доев, отдала чашку Ингрид.

— Мой набор трав ты захватила? — спросила, поднимаясь.

— Да, госпожа. Принести?

Кивнула. Это хорошо, что мой набор со мной. Что за набор? Самый обыкновенный — для варки различных снадобий. Конечно, я не доучилась, но рецепты многих зелий знаю наизусть. Чтобы сварить то же зелье для укрепления здоровья, нужны некоторые весьма редкие травы. Я, как Ульрика, хоть и не особо любила учёбу, но мне всегда нравилось собирать, сушить и заготавливать травы для зелий. Травы хорошо пахнут, поэтому в своё время я собрала целую коллекцию редких ингредиентов.

Минут через пять Ингрид принесла мне мой короб, в котором я хранила мешочки с перемолотыми травами.

— Что ж, попробуем, — буркнула себе под нос, перебирая мешочки и освежая в памяти знания из академии. Надо же, так странно, я по-прежнему ощущаю себя Ульяной, но и точно знаю, что я Ульрика. Весьма своеобразное чувство, не особо приятное я бы сказала. Это будто сон, который вам приснился, оказался вовсе не сном, а реальностью, только какой-то другой. И помните вы этот сон так же чётко, как и свою собственную жизнь. Думаю, я ещё буду размышлять на эту тему, но сейчас пора заняться кое-чем более интересным.

Котел отыскался быстро, как и вода, которую люди взяли с собой с запасом. Когда вода закипела, я принялась кидать в неё травы согласно инструкции, которая была в моей голове. При этом я не забывала шептать укрепляющее заклинание. И старательно посылала вместе с шепотками травы крупицы своей силы. Мне, как Ульяне, всё это действие казалось таким бредом и шарлатанством, что улыбка то и дело наползала на лицо. Мне то и дело приходилось одергивать себя и сосредотачиваться. Я хорошо помнила, что любая неосторожность может привести к катастрофе.

Конечно, у меня в мешочках были не только травы. Перетёртые засушенные грибы. Вываренный мох, который растет в темных и сырых подвалах. Высушенные и потёртые в порошок внутренности некоторых животных. Или же смолотые в порошок насекомые. Был даже настой из паутины.

Но сейчас я варила самое простое укрепляющее зелье, которое не требует ничего экзотического. Просто травы, заклинание и капельку магии. Обычно, принимая моё зелье, люди не замечали в себе никаких изменений. Что и не удивительно, ведь магии во мне были самые крохи. Вот мне и стало интересно, как изменятся зелья, после встречи с тем существом. Станут ли сильнее? А может, ничего и не измениться, а вся сила ушла лишь в моё восприятие мира.

Краем глаза я отмечала, что часть мужчин ушла искать подходящее место для временного лагеря. Женщины тоже занимались своими делами. Дети постарше помогали взрослым. Мелкота же окружила меня, и смотрели на мои действия, чуть ли не открыв рот от любопытства. Время от времени они шептались, хотя мне и было всё отлично слышно.

Прогонять я их не стала — пусть будут тут. Дети такие существа, которые только что тут, а через секунду уж не пойми где и заняты чем-нибудь весьма опасным.

Так всё закинула теперь только мешать, не забывать о заклинании и концентрации. От котелка поплыл такой сильный запах, что я даже немного растерялась, но быстро взяла себя в руки, продолжая варить. Остановиться, значит, потерять весьма дорогие травы.

Минут через сорок, когда запах перестал быть таким резким, а зелье загустело и стало однородного зелёного цвета, я убрала котелок с огня и убрала его в сторону. Пусть остынет, а потом я опробую его. Наверное, придётся пробоваться на себе. Я в своё время столько перепробовала своих зелий, что сейчас точно смогу сказать — отличается ли от старого или нет.

Хотя тут и пробовать не надо, чтобы понять — разница есть. Во-первых, сделать зелье таким густым у меня еще ни разу не получалось. Во-вторых, цвет просто идеальный, что тоже немаловажно и говорит о том, что зелье сварено весьма сильной ведуньей. Думаю, не стоит напоминать, что таковой я до этого дня не являлась.

Кто бы знал, чего мне стоило дожидаться, пока зелье остынет. Дети, которые будто чувствовали моё нетерпение, тоже ходили вокруг котелка, посматривали то на меня, то на него. При этом они задавали столько вопросов, что я даже благодарна была — отвлекают.

Момент истины! Я зачерпнула немного зелья, как раз на одну порцию. Понюхала. Даже с моим новым нюхом запах не ощущался. Покатала по половнику, наблюдая, как густая масса стекает по деревянным стенкам. Цвет прекрасный, густота замечательная. Преподаватель зельеварения остался бы доволен.

Не став больше тянуть, опрокинула в себя зелье. Покатала его во рту, подмечая, что вкус приятный, а потом сглотнула. Замерла, готовясь в любую минуту бежать в кусты, вызывать рвоту. Поначалу ничего не происходило. Но не долго. Сначала была крохотная волна. Она брала своё начала где-то в районе солнечного сплетения и расходилась по всему телу. За ней пришла вторая, более мощная, более горячая. А после я сбилась со счёта, чувствуя только, как моё тело буквально пылает. Но этот жар не был обжигающим, наоборот, это было приятное тепло. Я сама не замечала, как улыбаюсь. Такого эффекта я даже представить себе не могла. Не соврал, значит, мне тот, кто зовёт себя хелгом. Что ж, если суждено нам снова встретиться, то обязательно отблагодарю его. А сейчас, надо попробовать зелье на ком-нибудь, кто лишен магии совсем.

Я оглянулась по сторонам, выискивая того, на ком можно было поставить опыт. Но искать не пришлось. Рядом стояла старая Вильмина, которая заинтересованно заглядывала в котелок.

— Зелье у тебя, деточка, уж больно хорошо выглядит. Не дашь попробовать старой? Совсем уж поясница измучила окаянная, да и руки ломит, про ноги вообще молчу.

Немного поколебавшись, всё-таки решилась — наполнила глиняную кружку и протянула Вильмине. Не думаю, что наврежу ей. Всё-таки я опробовала на себе, да и рецепт слишком простой, чтобы умудриться что-то в нём перепутать или испортить. Вообще, укрепляющее зелье одно из простейших. В него входят самое малое количество компонентов, да и заклинание совсем небольшое.

Старушка покряхтела, пожаловалась на старость ещё немного и одним махом выпила зелье. Я даже дышать перестала, стояла неподвижно и наблюдала. Конечно, Вильмина не помолодела на глазах, но я заметила, как она немного выпрямилась, как дыхание перестало быть таким тяжёлым, а чуть мутноватые глаза, прояснились. Думаю, пару лет старая Вильмина сейчас сбросила. Если она пропьёт укрепляющее зелье дней десять, то почувствовать себя станет заметно лучше.

— Ох, — Вильмина удивлённо хлопнула глазами, а потом, отдав мне кружку, развернулась. — Хорошо зелье. Отродясь такого не пила.

Я чуть улыбнулась и кивнула. Полагаю, что это была похвала.

— Захаживайте ко мне иногда, — сказала, а потом подумала, что мы теперь в такой ситуации, что загадывать наперёд не стоит.

— А-то ж, конечно, найду. Вот как хоромины тебе сладим, так и буду захаживать, — отозвалась всё-таки бабулька. — Эт чевой-то ты тут, окаянная, творишь? — заворчала она на какую-то женщину.

Я же отвернулась, улыбнувшись. Итак, что мы имеем? А имеем мы усиление моих способностей. Думаю, если таким сильным вышло простое зелье, то многокомпонентное или сверхкомпонентное станет чем-то нереальным.

Конечно, для того, чтобы варить такие вещи нужно определённое мастерство. Но, если мне дадут время, то я смогу сварить и зелье полета, взрыва, растворения, изменения, оборота. Эти зелья повышенной сложности и раньше я не могла и мечтать сделать нечто подобное.

Странное дело, будучи Ульяной я и просто суп варить не любила, да и как Ульрика особо любви к своей предрасположенности не питала, училась, так как этого хотел отец, но и только. Сейчас же я буквально загорелась. Мне кажется это таким интересным, необычным. Сами посудите, сварила варево, выпила и, вуаля, летай.

Загустила зелье до состояния кашицы, намазала ту же метлу и, пожалуйста, личный самолёт готов. Хоть я и помню всё, чему училась в академии, но всё равно мне кажется это чем-то сказочным и запредельным. А кто из нас не любит сказки? Главное, чтобы не было плохого конца.

Стоило об этом подумать, как настроение тут же начало падать. Подозвав девушку, сказала раздать зелье между теми, кто чувствует себя плохо, а сама решила немного пройтись.

То, что мы найдём поляну и организуем временный лагерь, это понятно. Но что нам делать дальше? Как быть?

Во-первых, нужно оружие. Во-вторых, укреплённые дома. А оружие это металл. Где в лесу взять металл? Конечно, может, где в земле и есть жилы с рудой, но, насколько я знаю, большое скопление обычно в районе гор. Кажется, бывает ещё в болотах. По-моему, она так и называется болотной рудой. Кузнец у нас есть, так что наверняка поймёт тот ли это камень или нет.

Хорошо, значит, нужно, либо искать болото, либо просто двигаться в сторону гор. В пользу второго варианта играет ещё и то, что где горы там и камни, а где камни, там и каменные дома. Конечно, я помню как делать кирпич, но для этого нужно найти глину.

Кстати, надо ещё не забыть, что нам нужна река или же озеро с пресной водой. Хотя река лучше. На ней можно поставить мельницу и молоть муку. Но не забыть, что в период дождей реки могут выходить из берегов.

Да, климат в этом мире совершенно не такой, к какому я привыкла в прошлой жизни. Лето тут жаркое, осень мягкая, зимы нет, вместо неё несколько месяцев стоят туманы, идут дожди и температура понижается до плюс пяти. Изредка температура падает до минусовой. После наступает тёплая весна, хотя дожди во время неё всё ещё могут идти.

Так, я отвлеклась. В общем, решено, двигаемся в сторону гор, ищем реку. Кстати! Совсем забыла, я же могу сварить зелье поиска. М-да, всё бы хорошо, но это многокомпонентное зелье и такие я никогда не варила. Рецептуру, естественно помню, но даже всех ингредиентов у меня нет.

Можно собрать по дороге, главное точно определить железную руду и растереть её в порошок. Хорошо, что у меня есть немного жемчужной крошки, иначе ничего бы не вышло.

Решено. Идем к горам, ищем реку, собираем ингредиенты, практикуемся в варке зелий, чтобы, когда надо без ошибок сварить то, что нужно.

Ещё нужно подумать о том, кто назвал себя хелгом. Мне одно не даёт покоя — он дал мне силы явно для того, чтобы я ему помогла. Но чем может помочь обычная ведунья? Понимаю маг, дунул, плюнул, прочитал заклинание и полгоры снёс. Это я утрирую, конечно, но смысл понятен.

А ведуны таким не занимаются. Мы всего лишь варим зелья. Ещё можем заговаривать болезни. Завораживать, хотя это под большим запретом. Запрет касается только людей. Хотя если заморозить животное будет в последствие нести опасность для жизни человека, то это тоже запрещено.

Некоторые могут гадать и пророчествовать. Дар этот очень редкий и сложный. Практически никто его не развивает, так как на это требуются десятилетия. Да и так по мелочи всякое.

Но это не идёт не в какое сравнение с магами, которые кидаются огненными шарами, ледяными сосульками, которые возникают из ниоткуда. Помню, читала в библиотеке академии, что раньше были маги, которые могли преодолевать громадные расстояния в долю секунды.

Ага, память Ульяны подсказывает, что они просто телепортировались или же строили пространственные порталы. Вот тоже странность в прошлой жизни ни магии, ни магов не было, а люди столько всего знали о магии, словно оно когда-то была, ушла, а знания всё-таки остались и сохранились. Всё может быть.

Так о чём это я? Ах, точно, чем я могу помочь хелгу? Если подумать, то его удерживают оковы, и именно эти оковы надо снять. Не думаю, что их можно снять огненным шаром или же сосулькой, хотя если приловчиться... Нет, нет. Речь сейчас не об этом. Ну, конечно, как я сразу не подумала. Можно же сварить многокомпонентное зелье растворения. Будет ли этого достаточно? Всё-таки оковы наложили сами боги.

Если мне не изменяет память, то бывает ещё сверхкомпонентное зелье расщепления. Но чтобы его сварить мне надо тренироваться не один месяц, а то как бы и не один год. Там только ингредиентов под сотню. Это я молчу, что их все нужно правильно обработать, затем в правильной последовательности соединить. Выдержать при этом необходимые промежутки, правильно мешать, поддерживать нужную температуру. О заклинании, которое я не знаю, попросту умолчу. До таких сложных зелий я не успела доучиться. Это вам не простейшее зелье укрепления. Даже не среднее малого исцеления.

Но даже так, хватит ли этого? Сможет ли какое-то зелье, пусть и очень сложное

растворить оковы, наложенные богами в наказание? А может, я не о том думаю, и желгу моя помощь будет нужна вовсе не в этом? Ладно, пока что не буду об этом заморачиваться, рано или поздно он сам скажет. Так что нечего голову понапрасну ломать.

— Госпожа, пойдёмте кушать, — отвлекла меня от размышлений Ингрид.

Я тут же встрепенулась. Кушать хотелось и довольно сильно. От утреннего недомогания не осталось и следа. Я чувствовала себя преотлично.

— Мужчины ещё не возвращались? — спросила, присаживаясь на небольшую лавку, сделанную из двух пеньков и простой, плохо обтесанной доски.

— Нет, госпожа.

Я кивнула, принимаясь за самую обыкновенную и незамысловатую кашу. Память подсказывала, что раньше мы тоже сильно не жировали. Нет, на столе часто было мясо, но изысками здешняя кухня не изобиловала. Обычные мучные лепешки, мясо либо пожаренное, либо сваренное, каши, супы. Все очень простое.

После еды я снова принялась ходить и думать. Тревога снедала меня. Я боялась. Всё-таки не так просто взвалить на себя в одночасье судьбы сотен людей. Я никогда раньше не думала о таких вещах, как построить дом в кратчайшие сроки, да так, чтобы он ещё и стоял, не разваливаясь. Не думала, как искать железо, какое дерево для досок лучше, а какое быстро сгниёт. И уж точно никогда не касалась темы сельскохозяйственных работ или же животноводства.

Да, о некоторых вещах я читала, о чём-то слышала, про некоторые вещи видела в фильмах. Но всё это не то! Опыт, вот что мне не хватало. Видеть, слышать, читать это одно, а делать самой... Нет, никогда до этого мне не нужно было ничего из этого.

Немного прощу было с зельями. Хоть я ещё немного не привыкла к этому, но память Ульрики изобиловала сотнями рецептов, многими томами знаний. Пусть она раньше и не любила учиться и занималась этим практически из-под палки, но прочитанное никуда не делось и сейчас мне очень пригодиться. На свою память я никогда не жаловалась, так что многие вещи очень хорошо помню.

Через пару часов пришла первая пятёрка. Я тут же перестала нарезать круги и двинулась в их сторону.

— Что там?

— Дык, не нашли мы ничего. Везде эти деревья проклятущие. Ни просвета, ни прохода. Хорошо хоть бурена нет, только деревья эти.

Я кивнула. Расстроилась, но показывать не стала.

— Идите, перекусите, отдохните.

Мужики радостно заулыбались.

— Это мы всегда.

Расстраивалась не долго. Следующая же пятёрка пришла с новостью, что они нашли нужную поляну. Настроение у меня поднялось ещё больше, когда я поняла — поляна в той стороне, в которой горы. Конечно, до них идти не меньше месяца, но время у нас есть. Если сидеть на месте не будем, то благополучно доберемся и даже успеем к сезону дождей соорудить себе крыши над головой. А уж после сезона построим нормальные дома, найдём руду, сделаем оружие.

Хотя сейчас нужно будет поговорить с мужиками, обсудить. Пусть вооружается топорами, вилами, тяпками. Всем, что у них есть. Надо кузнеца потрясти, уверена, у него найдётся что-нибудь интересное. И пусть у нас нет воинов, но за свою семью любой мужик

до смерти будет драться.

— Далеко та поляна? — спросила, рассматривая пятёрку, которая принесла новость.

— Недалече. Ходу часа полтора отсель.

Кивнула.

— Выдвигаемся. Мужчин вооружайтесь всем, чем можно. Впереди пусть пойдут несколько. Смотрите по сторонам, если что предупреждайте. Сзади тоже пусть пойдёт пятёрка, поглядывайте нам за спину, как бы кто не решился напасть. Детей в телеги, беременных тоже туда. Женщины идите около телег, если что, нырять под них, вместе с детьми. Не разбегаться! По одиночке нас просто переловят и убьют. Мужчины идут по краю. Смотрите по сторонам, любой шум, любое подозрительное движение, сообщайте. Не кричать, сильно не шуметь, в кусты по нужде не отходить, — я сглотнула, от долгой речи в горле пересохло. — В общем, помните, мы тут пока что чужие, ничего не знаем, а значит, надо быть максимально осторожными.

Развернувшись, я пошла вперёд, прямо за мужчинами, которые показывали дорогу. Приходилось поднимать высоко платье, так как оно цеплялось за траву и сухие ветки. Да и вообще такая одежда явно не предназначена для прогулок по лесу, но деваться было некуда. Может, когда-нибудь я и введу моду на женские брюки. Если доживу до того славного времени.

— Видели кого-нибудь? — спросила, так как мне было интересно. Мы уже столько в Вильгельме, а я не услышала своим слухом ни единого звука от крупных животных.

— Не, не видали. Даже птиц нет. Станный лес, жуткий. Я это, чего надумал. Коли животин тут нету, так чего мы жевать станем, когда каша кончится?

У меня у самой мелькала такая мысль. То, что хищников нет — это хорошо, но мы, люди, и сами в каком-то смысле хищники, а это значит, нам надо чем-то или кем-то питаться.

— Это лес. Тут должны быть животные, — ответила уверенно, хотя той уверенности во мне было с гулькин нос. — Думаю, такая толпа народу просто всех распугала. Вот и кажется, что лес опустел. К тому же всегда можно отыскать грибы, ягоды, коренья. Я знаю несколько десятков растений, чьи листья пригодны в пищу. Есть деревья, чью кору можно варить. Отвар, даже сваренный простым человеком из такой коры очень полезен. И мы должны сохранить зерна для посадки. Мы же не собираемся скитаться всё время. Найдём место подходящее, построим новый дом.

Я говорила и говорила, а сама лишь надеялась, что всё будет не так плохо, хотя сердце в груди то и дело испуганно екало и замирало. Мне так и хотелось закричать, мол, что вы от меня хотите, я сама толком ничего не знаю, не умею и вообще, хочу домой. Но приходилось сжимать подол платья сильнее, до побелевшей кожи на пальцах, стискивать зубы и шагать вперёд.

Поляна оказалась дальше, чем мы рассчитывали, поэтому пришлось ненадолго останавливаться, чтобы люди смогли утолить естественные потребности организма. В это время я рассказала людям о своих мыслях насчёт нашего дальнейшего будущего. Из-за этого у нас случился спонтанный совет, и на нём было решено, что останавливаться на найдённой поляне надолго мы не станем. Чем быстрее найдём подходящее для жилья место, тем лучше.

Встал вопрос о том, как нам не сбиться с пути. Было решено, что изредка кто-нибудь будет забираться на деревья и поглядывать по сторонам, благо горы Хальдор весьма высокие и видно их издалека. Правда придётся тратить на такие остановки довольно много времени — деревья ведь не самые маленькие. Но лучше уж так, чем заблудиться в Вильхельме и блуждать.

Иногда я смотрела на людей и удивлялась. Как Ульрика я считала такое повиновение мне нормальным, но как Ульяне мне было удивительно. Если смотреть со стороны, то я ведь просто совсем ещё молодая девушка, а эти несколько сотен людей даже не ставят под сомнения ни одного моего слова. Сказала, встаём лагерем, и все останавливаются, сказала, идёт к горам, там будем строить новый дом, и все согласны. Почему?

Я бы не переживала так по этому поводу, просто, вдруг я по неопытности чего неправильно делаю и ведь не подскажет никто. Даже по поводу так называемого «совета», я просто озвучила свои мысли, и люди согласно покивали. Хотя, может, это и хорошо. Но нужно быть осторожнее, внимательнее и думать, прежде чем делать. Всё-таки у меня за спиной люди и я несу за них ответственность.

Поляна оказалась на самом деле очень удобной. Большая, покрытая низкой и мягкой травой. В траве виднелось множество цветов. Мы уже на неё заходили, когда мой глаз зацепился за алые лепестки.

Едва не вскрикнув, я подняла руку и сделала шаг назад. Мужики рядом со мной тут же ощерились вилами и топорами в разные стороны. Я отчётливо слышала, как их дыхание ускорилося. Но сейчас меня волновал лишь цветок Тивил, которого тут было видимо невидимо. Низенький цветочек с алыми лепестками, формой, напоминающей лепестки ромашки, был очень редким ингредиентом для многих сложных и многокомпонентных зелий.

Осмотревшись, я поняла, что одна я буду его собирать целый день точно. Такого себе позволить мы не могли. А если привлекать людей, то небольшой процент затоптанных, испорченных цветов всё же будет. Жалко, но терять целый день... Да и сейчас всё равно уже вечер, надо вставать лагерем.

— Все нормально, — успокоила я людей. — Пока устраиваемся прямо тут. На поляну не заходить.

— Почему?

На меня смотрели с непониманием. И я их хорошо понимаю.

— Видите эти цветы? — я опустила на колени и аккуратно сорвала один из алых цветков. — Это Тивил, очень редких компонент для зелий. Его добавляют во многие лечебные зелья. — Я не стала уточнять, что его добавляют также в зелье расщепления, полета и ещё вкучу других. — Сами понимаете, что каждый может заболеть и такие зелья

нам очень пригодятся. Сегодня мы переночуем на окраине поляны, завтра с утра аккуратно соберём все цветы. Чтобы не задерживаться надолго, решите, кто именно будет мне помогать. Нужны аккуратные женщины и девушки, в крайнем случае, юноши.

Детей и мужчин я не стала бы брать себе в помощники. Многие дети слишком неусидчивы, подвижны и могут ненароком затоптать ценные цветы, а у многих мужчин пальцы не так подвижны. Всё-таки это не скрипачи и не пианисты, а трудяги, которые пахнут поля и рубят колуном дрова.

После моих объяснений все с любопытством стали посматривать в сторону поляны. Но никто не лез, даже детей придерживали. Лагерь уже привычно разбили между деревьев. Женщины тут же хлопотали над кострами, готовя пищу на всех. Дети собрались в кучу. Заметила там несколько девушек, видимо, сегодня их очередь следить за младшими. Мужчины тоже без дела не сидели.

Пару пятёрок я отправила походить поблизости, посмотреть, чего и как. Ещё несколько человек собирали хворост для костров. Остальные обустроивали места для ночёвки.

Охотники вызвались побродить, поискать следы животных, но я не пустила на ночь глядя. Хоть они и уверяли, что будут смотреть только по близости, но я знала, что такое азарт. Увидят след, станет любопытно и пищи пропало.

Я же отыскала себе котелок, нашла место поспокойнее и решила тренироваться. Достав свои ингредиенты, разложила их на покрывало, внимательно осмотрела, проверяя, нет ли испорченных. Потом немного подумала и решила сварить зелье малого исцеления. Пока идём, естественно будут царапины, вывихи, всякие растяжения. Всё же не по асфальту шагаем, а по лесу. Это я ещё надеюсь, что никакое животное не нападёт на нас, про всяких тварей, которые, как говорят, выходили из Вильгельма я вообще молчу.

Можно было сварить какое-нибудь зелье с Тивилом, но для того, чтобы обычный цветок стал ингредиентом, его мало просто сорвать. Его нужно высушить, растолочь, затем выварить на медленном огне, а потом полученную кашу ещё раз высушить. И только тогда Тивил можно будет добавлять в зелья. Собственно, не только его нужно столько готовить. Почти все ингредиенты перед тем, как попасть в зелье, проходят свою собственную обработку.

Пока размышляла над тем, что быть ведуньей это очень и очень не просто, руки сами по себе работали. Когда вода закипела, я стала закидывать нужные компоненты, не забывая начитывать заклинание. Самое интересное в зельях, что заклинания для простых и средних короткие, но их нужно читать практически на протяжении всей готовки. А вот для сложных, многокомпонентных и сверхкомпонентных заклинания длинные, но и читаются они лишь единожды.

— Госпожа!

Я дернулась, сбиваясь. С расстройством наблюдала, как почти готовое зелье меняет окраску, вспучивается и тускнеет. Ещё через десять секунд оно покрылось пленкой, а потом расцвело радугой. Всё, это теперь может быть всё что угодно, но только не зелье малого исцеления.

— Да? — повернувшись, вздохнула. В следующий раз нужно будет предупреждать, чтобы меня не беспокоили по мелочам.

— Там, Валидка притащил чего.

Совсем ещё молодая девушка, почти ребёнок, прижимала в нетерпении руки к груди и выглядела взволнованной.

— Показывай.

— Госпожа!

Встретил меня хор голосов. Я даже хотела поморщиться, так как для моих ушей это было слишком громко, но не стала, боясь, что люди примут это на свой счёт.

— Вот, смотрите, госпожа.

Народ расступился, открывая мне взор на нечто непонятное. Я не стала спрашивать, просто обошла это по кругу, с удивлением понимая, что коричневая гора, похожая на ком старых тряпок, на самом деле какое-то животное. Мёртвое животное.

Нахмурилась.

— Я ведь запретила охотникам уходить из лагеря, — начала я, осматривая люди. Найдя глазами одного из охотников, хмуро поджала губы, отчего уже взрослый мужчина как-то весь сжался и опустил взгляд.

— Дык, это же не они!

Я тут же повернулась к говорившему.

— Да? А кто же?

— Мы же это.

Я смотрела мужчину. Ага, один из тех, кого я посылала просто осмотреться поблизости. Странно, животное есть, но я его не слышала.

— Рассказывай. И поверните его кто-нибудь. Хоть посмотреть, что это за зверь такой.

Мой приказ тут же выполнили. Зверя повернули так, что его стало хорошо видно. Чем-то похож на крысу, только вот размер у неё с хорошую такую собаку. Длинный и голый хвост, удлинённая морда, уши маленькие. Кожа собрана складками, как у шарпея, только намного сильнее.

— Ходили, мы, значица, ваш приказ выполняли. Глядели по сторонам, как и было велено. А потомо наткнулись на вот энтово.

— На живого?

— Не,дохлого.

— Ага, — теперь понятно, почему я не слышала его.

Присела около зверя, принимаясь внимательно его осматривать. Надо же знать, от чего он умер. Если от какой-нибудь болезни, то это не очень хорошо. Мало ли она передаётся по воздуху.

Ран не нашла, поэтому сильнее заволновалась.

— Унесите его подальше, заройте поглубже. А лучше сожгите. Руками не трогать. Те, кто его принёс сюда, помыть руки тщательно горячей водой.

Я развернулась и пошла обратно к своему котелку. Надо приготовить зелье среднего исцеления и раздать людям — будет профилактика. Только нужно предупредить, чтобы меня не беспокоили.

Ещё когда подходила к месту, где у меня был котелок начала волноваться. Там собрались дети. Сама не заметила, как побежала.

— Что тут происходит? — спросила, с ужасом смотря в котелок.

Зелье изменило цвет и стало песочно-бежевым. А ещё его явно стало меньше.

Дети от моего голоса подались назад, но остались стоять на месте.

— Рассказывайте.

Дети упорно молчали, некоторые даже всхлипывать начали.

Вздохнула.

— Хорошо. Кто пробовал зелье. Не бойтесь, ругать не стану.

Дети переглянулись, и одна девочка робко потянула руку.

— Мы помешали сначала. Оно красивое такое было, цветное, но потом мы все испортили, — девочка всхлипнула и заплакала. — Простите, нас, мы не хотели.

Я присела на корточки и погладила по голове девчужку.

— Ну, ну, чего ты. Так что дальше было?

— Оно цвет сменило. А нам Вильмина сказывала, как выпила зелье ваше и будто молодой снова стала. Вот я и...

Я чуть не засмеялась. И куда ребёнку ещё молодеть? Или она думала, что наоборот вырастит от этого?

— Изменения в себе чувствуешь?

— Не, — девочка уже перестала плакать. — У меня только волосы вот отрасли. Быстро так.

— Да, да, прямо ух!

— Плям мгновение и волось длиний!

— Я тоже так хочу!

Мальши загомонили. Я же посмотрела на волосы девочки. Они и правда были длинными, почти до земли, густыми и шелковистыми.

Ещё раз вздохнула. Ещё надо будет озаботиться, чтобы без меня к зелью никто не подходил. Это хорошо ещё, что оно было почти готово и всего лишь поменялось. Девочке сегодня повезло, обычно такие зелья не такие мирные.

Отчитывать девушку, которая присматривала за детьми, не пришлось — женщины надавали ей оплеух. Оказывается, девушка отвлеклась на мальчишку и упустила детей из виду. Её тут же из-за этого определили в самые черновые работы. Понятное дело, что девушка рада совсем не была.

Получившееся зелье отдала Ингрид. Уже на следующий день многие ходили с длинными косами и выглядели довольными. Наверное, именно из-за этого цветы были собраны в рекордные сроки. Буквально за пару часов. Естественно, оставаться на месте до того момента, как Тивил высохнет не было хорошей идеей, поэтому освободили две телеги, тщательно вычистили их и рассыпали по дну цветы. Конечно, слой получился слишком толстым, и они бы вряд ли бы таким образом хорошо просушились. Именно поэтому приходилось постоянно ворошить Тивил, чтобы цветки не запрели.

По Вильхельму мы двигались почти неделю. Постоянно останавливались. То колесо у какой-нибудь телеге отлетит, то лошадь захромает, то надо на дерево лезть и сверять направление. Я не жаловалась, понимая, что деваться всё равно некуда.

Станным было то, что за всё это время мы не встретили никакой живности. Я имею в виду хищников, да и птиц тоже не было. Хотя охотники несколько раз притаскивали крупных рогатых, похожих на знакомых мне лосей. Мясу все были рады. Я немного волновалась, что с ним может быть что-нибудь не так, но всё было нормально.

Понятное дело, что я не верила в такие совпадения или же в удачу. Мне кажется то существо как-то причастно к такому нашему спокойному продвижению.

За это время случилось ещё кое-что достойное внимания. Хотя поначалу я не придавала этому значения, но когда это повторилось в третий раз, поняла — неспроста.

В тот день я леглась спать как обычно и размышляла о том, что нас ждёт дальше. Ложилась я в палатке, к которой уже привыкла. Люди в лагере тоже начинали расходиться.

За те несколько дней, что мы провели в пути, мужчины уже привыкли дежурить по ночам посменно, поэтому никаких непоняток с этим не происходило. Дети так и вовсе давно уже спали.

Как обычно я совершенно не заметила перехода в сон. Отличия от привычного начались в тот момент, когда во сне я себя осознала. Естественно, и в обычном мы себя осознаём, но не так. Тут же я вполне отчётливо поняла, что сплю и могу делать то, что я захочу сама, а не то, что навязывает мне сновидение.

Я помню, в прошлой жизни читала про осознанные сны. Даже хотела научиться, чтобы иметь возможность ходить хотя бы во сне. Несколько раз пробовала, но, понятное дело, безрезультатно. Как и в любом деле в этом тоже нужна практика, которой, увы, у меня не было — я просто не успела.

И вот тут я, без всяких практик, да что говорить, даже не желая этого особо, осознала себя во сне. Первой моей мыслью было, что сейчас проснусь, ведь сон бывает столь хрупок, что рвётся от каждой неловкой, не понятно откуда взявшейся в этот момент мысли. Но я не проснулась.

Конечно, мне стало любопытно. А кому бы не стало? Тем более находилась я не понятно где. Вокруг было белёсая дымка, будто в этом месте с десяток человек выкурили, по меньшей мере, с пару пачек сигарет. К тому же воздух был каким-то вязким и тягучим. Я специально сделала шаг, и у меня появилось такое ощущение, словно я под толщей воды и идти вперёд мне мешает сопротивление воды.

Я было испугалась — вдруг меня опять куда занесло, ещё захлебнусь ненароком — но потом поняла, что дышать мне не обязательно.

Немного привыкнув, принялась всматриваться в то, что скрывается за «дымом». Кажется, это была комната. Очертания предметов мебели просматривались, хотя чётких линий не было, всё искажалось, подрагивало и расплывалось. Толком рассмотреть обстановку не получалось, единственное, что поняла — комната явно была светлой.

Поначалу я не обратила внимания на то, что в комнату кто-то вошёл, так как была увлечена рассматриванием предполагаемого окна. Но вот когда явно живое существо оказалось прямо передо мной, я невольно отшатнулась в испуге. Мне показалось, что меня видят. И как мне доказать, что я не воровка?

Мысли метались в голове, а слова застревали от неожиданности в горле. Но судя по тому, как этот кто-то просто отвернулся и принялся расхаживать по комнате туда-сюда я поняла, что меня не видят. Окно было тут же позабыто. У меня был объект поинтереснее.

Как описать того, кого я видела? Ну, в центре полыхал ярко-зелёный шар, который подрагивал, из-за дымки искажался, то вытягиваясь, то сжимаясь. От шара во все стороны исходил мягкий свет, почему-то белый. А всё тело просматривалось так, словно я смотрю в инфракрасном зрении. Понятное дело, что ни о каких чертах лица речи не шло. Могу сказать, что человек был мужского пола и высоким, ну, ещё не толстый.

То, что меня не видят, я уже поняла. Но моё любопытство зашло дальше. Мне стало интересно — почувствует ли этот человек моё прикосновение.

Сказано — сделано. Это я так упрощаю. На самом деле пока я приноровилась к его постоянному мельтешению, пока подгадала момент. Зато наградой мне стало то, что мужчина явно ощутил моё прикосновение. Он вздрогнул, остановился и будто бы прислушался.

Не знаю почему, но я решила, что этого мне мало. Наверное, моё подсознание всё же

верило, что это просто сон, поэтому в нём можно делать всё, что я хочу. Этот человек явно был чем-то сильно расстроен, ведь не просто так люди мечутся по комнате, будто запертые в клетку звери. А раз расстроен, значит, надо утешить.

Приблизившись к по-прежнему замершему на месте человеку, я подняла руку и аккуратно погладила его по голове, приговаривая, что всё будет хорошо, что всё образуется и все проблемы однажды просто растворятся, словно их и не было.

Не знаю, на что я надеялась, но вот на то, что от меня отпрыгнут, а потом в мою сторону полетит сгусток чего-то сияющего нестерпимым белым светом, точно нет. Надо же, а человек оказался магом. Хотя, если подумать, то тот зелёный шар внутри мог быть как раз тем самым очагом магии, который есть у всех магов.

Я бы испугалась, если бы успела. Белый сгусток пролетел сквозь меня, не причинив вреда. Я хотела уже выдохнуть облегчённо, но в этот самый момент проснулась.

Вот с того раза я каждую ночь оказываюсь там же, где и этот незнакомый мне человек. Я засыпаю и начинаю осознавать себя в другом месте. Поначалу я всегда одна, но потом рядом оказывается он. Сначала я думала, что это кто-то другой, но потом поняла, что нет. А ещё после того первого раза мне даже не нужно было касаться его — он явно ощущал меня. Стоило мне осознать себя во сне, как человек тут же подходил к тому месту, где была я. Мне кажется, он пытается со мной говорить, но я не слышу. Да и не вижу, шевелятся ли его губы. И губ тоже не вижу.

Что это такое и зачем я не понимала, но была уверена, что всё не просто так.

— Идём правильно? — я села у костра и, приняв у Ингрид тарелку с кашей, поблагодарила её.

— Да, госпожа. Горы отчётливо видны.

Парень, который был назначен на то, чтобы лазить на деревья, так как был самым ловким, стоял около меня и с любопытством рассматривал. Вот тоже странность. Заметила, что люди постоянно так смотрят на меня, будто я картина в музее или же на худой конец нечто весьма интересное и увлекательное. Видят же каждый день, так чего постоянно меня так пристально рассматривать?

— Далеко они?

— Далече. Если так телепаться, то месяца не хватит.

Я кивнула. Собственно, не новость. Я и так знала, что идти придётся долго, но реальность оказалась намного суровее. С таким количеством людей быстро передвигаться по лесу не реально. Хорошо хоть пока что всё идёт более-менее нормально.

— Видел ещё что-нибудь интересное?

— Видал. Птицы большие кружат недалече.

Я вскинула взгляд.

— Что за птицы?

— Почто я знаю? Птицы, только больно уж большие. Если такая сядет, то телегу изломает. Кружат в одном месте.

Снова кивнула. Кружат... Может там добыча какая для них. Главное, чтобы нам они проблем не принесли. Хватает и того, что время от времени натыкаемся на мёртвые тела животные.

— Иди, — отпустила парнишку, углубляясь в размышления.

Из мыслей меня выдернуло чувство, что что-то изменилось. Подняв голову.

Нахмурилась. Туман. Густой, словно молоко. Он медленно наползал на нас, заставляя людей волноваться и почему-то оглядываться на меня. Вот тоже — я не бог ведь, что они так смотрят на меня? И самое интересное, глянут, видят, что спокойна и тоже успокаиваются.

А туман, между тем, наползал. Всё никак не привыкну к этому миру. То лес странный, то магия, то сны непонятные, сейчас вот туман. И ведь ползёт, будто живой.

— Собраться всем вместе. Детей посадить на телеги. Женщин в центр, мужчины к оружию. Привязаться друг к другу верёвками. Собрать вокруг костры! Быстрее!

Я и сама подскочила, начиная укладывать хворост вокруг телег на небольшом расстоянии. Люди, будто очнувшись, последовали моему совету. Не знаю, что это за туман такой, но спокойствия он мне не внушает. В нём очень удобно охотиться.

Убедившись, что люди выполняют всё, что я им сказала, я встала на месте, закрыла глаза и напрягла все мои новые чувства. Поначалу я ничего не слышала и не ощущала, зато потом... В тумане кто-то был. И не один. Они двигались тихо, практически ничем не пахли, но я всё равно знала, что это белое спокойствие, которое, будто необратимая смерть, двигается на нас, не пуста.

Резко открыв глаза, я скрипнула зубами. Думала, что нам дадут спокойно пройти по лесу, ведь то существо... А что оно? Что я о нём знаю? Ничего, только то, что оно мне само рассказало.

В тот момент, когда туман накрыл нас, мы были готовы. Напряжение ощущалось так же отчётливо. Как и холодная изморось, которая оседала на коже. Люди молчали, даже дети и те не плакали.

Через пару минут туман стал таким густым, что не стало видно костров, которые горели буквально в нескольких шагах от нас. Я даже ощущала тепло от огня, но совершенно его не видела.

В какой-то момент ощутила, что прямо напротив меня что-то стоит. Я втянула воздух, чувствуя неприятную горечь. А ещё едва уловимо билось сердце, глухо, мощно, не более десятка ударов в минуту. А потом щеки коснулось чужое дыхание и оно явно не принадлежало человеку. Любой на моём месте вскрикнул, отшатнулся, запаниковал, а меня буквально сковало изнутри. Не страхом, а чем-то таким непостижимым, будто я чего-то ждала.

Подняв руку, кончиками пальцев прикоснулась к тёплой шерсти. Сердце в груди сделало кульбит. Наконец, пришёл страх. Я прикусила губу и коротко выдохнула.

Рядом урочно зарычали, а затем, ощущение шерсти пропало, зато по коже мазнул лёгкий ветерок. Чувства, что рядом кто-то есть больше не было. Опустила руку, которая мелко дрожала.

Минут через десять туман, будто сполз с нам и устремился дальше в лес.

— Проверьте, все ли на месте! — крикнула я, всё ещё ощущая, как меня потряхивает.

В то, что те, кто был в тумане травоядные, я не поверила ни на секунду, но когда мне сказали, что все на месте, поняла, что, то существо всё же хранит нас. Это давало надежду, а ещё накладывало ответственность. Ведь за такие авансы придётся изрядно потрудиться.

Присев на корягу, которая и до этого служила мне стулом, прислушалась к голосам людей. Они явно ничего не поняли, но видя меня побледневшую и встревоженную, сами всё время оглядывались в ту сторону, в которой исчез туман.

Я же сидела, смотрела на огонь и терла отчего-то занывшие запястья. Опустив на них взгляд, приподняла ткань и с удивлением заметила странные красноватые узоры, которые

опоясывали запястья и были похожи на неглубокие ссадины.

Устало откинула прядь волосы, выбившуюся из незамысловатой причёски. Вот уже несколько дней мы стоим на месте. Причина? Мы натолкнулись на широкий и глубокий овраг. Естественно, были мы хотя бы без телег, то вполне переправились бы. Но по понятным причинам бросать телеги нам не хотелось.

Почти сразу, как мы натолкнулись на овраг, в обе стороны были высланы самые быстроногие, которые должны были выяснить — как далеко простирается это естественное препятствие.

Ждать я не стала и приказала рубить небольшие, но крепкие деревья. Деревья выбирались такие, чтобы их длины хватило от одного края до другого. Хотя в этом лесу небольшие деревья были редкостью, но всё же попадались. Я, конечно, немного помучилась — ведь не зря у меня было ощущение, что лес живой. А вдруг мы тут будем деревья сейчас рубить, а потом сутра не проснемся, потому что лес нам за это решит отомстить?

Но деваться было некуда, особенно когда под вечер вернулись бегуны и сказали, что они бежали по краю оврага полдня, и краю ему видно не было. Если люди налегке бежали полдня, и так и не увидели край, то мы можем тащиться вдоль оврага ни одну неделю. Так что мосту быть!

Вот мы второй день и сооружаем нечто, которое будет потом громко именоваться мостом. Деревья были найдены, кое-как срублены и даже подтащены к заранее выбранному месту. Сейчас же мужчины поднимали деревья стоймя, а потом толкали их в сторону другого края оврага. С той стороны люди подтаскивали бревна друг к другу вплотную и связывали их верёвками, чтобы они не разъезжались.

Потом и с той стороны и с этой будут насыпаны насыпи, чтобы можно было подняться на этот мост — всё же стволы не доски, на которые можно легко заехать телегой.

Конечно, я не принимала слишком активное участие в строительстве. У меня была своя работа. Напрягать память не пришлось. Уже к концу первого дня я сварила зелье на кратковременное увеличение силы. Такое зелье действовало от трёх до пяти часов. Оно было средней сложности, в него входило десять компонентов, парочка из которых была весьма редких. А ещё им нельзя было увлекаться. Если принимать это зелье слишком часто, то со временем мышцы на теле начинают атрофироваться и отмирать. Но от одного раза ничего не будет.

Понятное дело, что многие загорелись иметь такое зелье постоянно, так как сила в таком месте и в таком путешествии многое решает. Пришлось вдумчиво объяснять последствия. Мужики прониклись. Женщины же почему-то спросили, а не повредит ли оно мужской силе. Пришлось успокаивать, заверяя, что с одного раза ничего не будет.

Сегодня же решила сварить ещё несколько лечебных зелий, разлить их по бутылочкам и оставить на всякий случай. Конечно, у каждого зелья есть свой предел в хранении, но с моей новой силой этот предел может быть отодвинут намного дальше.

Естественно, чем искусней ведун, варившей зелье, чем больше у него мастерства и силы, тем дольше может храниться зелье, сваренное им. Естественно, есть такие зелья, которые по своим особенностям могут храниться вечно. Но обычно спустя определённое время оно становится негодным. Хорошо ещё вас после него пробыёт на посидеть в туалете, а то ведь

можно и случайно умереть. Заметить то, что зелье уже не пригодно очень просто — сила, обычно растворенная в нём, начинает скатываться в небольшие светящиеся шарики.

Это только кажется, что стоять около котла, помешивая варево и нащёптывая заклинания просто, а на самом деле сил уходит просто море. И даже не магических, а обычных, физических. Тело банально устаёт от невозможности длительное время толком шевелиться. Ведь одно неверное движение, пауза, неправильно сказанное слово и зелье может быть испорчено.

Со стороны моста послышались радостные вопли. Ага, ещё одно дерево получилось удачно уложить.

Посмотрела по сторонам, со вздохом замечая почти на границе видимости знакомый туман. Да, никуда он не делся. Туман следовал за нами по обе стороны. Люди поначалу от этого нервничали, я, признаться тоже. Ведь не понятно было, то ли нас так охраняют, то ли просто присматривают, как к добыче, которая может убежать. Но с того дня прошло достаточно времени и никакой агрессии существа из тумана не проявляли. Люди успокоились быстрее меня, всё-таки бояться постоянно нельзя, в какой-то момент непременно наступит момент, когда человек попросту привыкает к раздражителю, пусть и такому жутковатому. Я же, зная, что внутри тумана кто-то есть, продержалась подольше, но потом тоже плюнула, лишь изредка косилась, но и только.

Сев на пенёк, вздохнула и несколько раз потянулась — спина от напряжения затекла, сейчас бы массаж. Рукава платья от такого движения скользнули вниз, открывая вид на то, что меня все эти дни нервирует даже больше, чем туман.

Опустив руки, в тысячный раз принялась рассматривать сейчас уже белёдые рисунки, опоясывающие оба запястья. Поначалу они чесались, потом жгли, болели, затем краснота прошла, и рисунки стали стремительно белеть. И только тогда я вспомнила что это.

Сейчас уже никто не вспоминает об этом, так как прошло ни одно тысячелетие после последнего случая. В старом здании библиотеки при академии я как-то отыскала древнюю почти истлевшую книгу, которая находилась на самом верхнем ярусе и попала в мои руки лишь по чистой случайности. В этой книге автор описывал старые ритуалы, их значения, применения, последствия и визуальные эффекты.

В те далёкие времена свадьба была именно ритуалом, при котором просили богов одобрить союз или же указать на его несостоятельность. Ритуал был долгим и требовал крови обоих супругов. Будущие муж и жена давали клятвы, которые больше походили на заклинание призыва, чем на обычную клятву.

Так вот, если боги одобряли союз, то на запястьях у супругов расцветали узоры. По ним можно было сказать очень многое. О магической силе супруга, о том насколько муж и жена подходят друг другу. Если рисунок как-то менялся, то это тоже несло разные значения. Если же один из супругов умирал, то рисунки сначала чернели, а потом постепенно исчезали.

Книга была очень старой и почти рассыпалась в руках. Много я не смогла прочесть по причине того, что некоторые страницы не подлежали не только прочтению, но даже магическому восстановлению. Конечно, библиотекарь немного укрепил книгу, но потерянных страниц было уже не вернуть.

Так что я теперь примерно представляю, что именно у меня на руках. Вот только я не понимаю, почему оно там взялось. Если был какой-то ритуал, я бы точно запомнила, не говоря уже об изъятой у меня крови или же о клятвах, которые нужно было произносить. Понятное дело, что ни первого, ни второго, ни третьего не было.

А супружеские кольца были. И это походило на какую-то насмешку судьбы. Одёрнув рукава, я горько хмыкнула. Мужа не видела, согласия на свадьбу не давала, а на теле уже есть знак, что я принадлежу другому человеку. Вернее, не человеку, а эльфу.

Это, скажу я вам, весьма неприятно, когда кто-то решает за тебя, причём так бесцеремонно, не спросив согласия даже для приличия. Хватило и того, что меня выдали замуж. Так богам, которые, оказывается, всё ещё есть у этого мира, этого показалось мало, они решили ещё и так напомнить мне, что на моё мнение наплевать не только людям, но и им.

Стиснув зубы, я прищурилась. Мечь — это слишком громко сказано. Но я однозначно, если мне представится возможность, не откажусь от неё и усложню жизнь всем этим любителям решать за других людей. Конечно, я понимала, что против богов я сделать ничего не смогу, но ведь есть хелг, которого можно освободить. Не знаю, правду ли он мне говорил или нет, но если его история истина, то, может, его освобождение, хотя бы заставит поморщиться богов. Было бы неплохо.

А люди и эльфы, которые стоят за тем, что со мной произошло... ну, Вильхельм меня ведь совершенно не держит. В этом я могла убедиться в самом начале, когда поняла, что барьер может меня спокойно пропустить. Почему не ушла ещё тогда? А куда? И зачем? Да и не отпустили бы меня эльфы.

Если вспомнить о «браслетах» на руках, то по ним сразу можно определить, что муж у меня светлый маг жизни. Почему? Браслеты белые и рисунок у них имеет цветочный орнамент. Все элементарно и просто. Да и среди светлых эльфов это самый распространённый тип магических способностей. Они там все маги жизни почти поголовно.

Стандартный мне какой-то эльф попался. Нет бы был каким-нибудь некромантом или же черным призывником. Было бы интереснее и необычнее, а тут самый обыкновенный эльф. Наверное, он ещё и лучник отменный. Высокомерен, красив и так далее по устоявшемуся шаблону. А как иначе? Эльфов другими не делают. Они одинаковы во всех мирах.

На этих мыслях весело хмыкнула. Подумаешь, какая невидаль, эльф. Да кто их не видел? Стандарт, шаблон. А ничего, что в прошлом моём мире никаких эльфов никто не видел, а если и видел, то после этого прописался в психбольнице?

Казалось бы, ну какая разница? Эльф, человек, строение тела ведь похожу, так, немного отличий. А вот и нет. Даже люди отличаются друг от друга. И я сейчас не про внешность. Я про то, что у них внутри. Вот бывает, смотришь на человека, вроде всё то же самое, а вот и нет. Есть в нём нечто, что отличает, словно что-то идёт у него изнутри, отчего он кажется другим. Более харизматичным, более привлекательным и притягательным. А бывает человек и красив и ухожен, а толку никакого нет. Люди смотрят, любят, но ничего не испытывают. Будто смотрят на куклу в витрине магазина.

Так и эльфы. Кроме красоты есть в них что-то, что делает их непохожими на людей. И это чувствуется. Это невозможно определить, но и проигнорировать не получается. Кого-то это привлекает, кого-то отталкивает, кого-то злит, кого-то заставляет ненавидеть. Но это есть.

— Госпожа, мост почти готов.

Ингрид подошла тихо и незаметно. Как и всегда.

Я подняла голову и посмотрела по сторонам. Вечер неуклонно приближался.

— Пусть заканчивают. Ночевать будем тут. Смысла сейчас идти дальше не вижу.

Ингрид кивнула и ушла. Я же смотрела в след женщине и понимала, что это путешествие даётся ей нелегко. Она немного осунулась, похудела и в последнее время постоянно молчала. Я вздохнула, поднимаясь — что ж, сегодня я ещё успею сварить зелье малой регенерации. Думаю, на десять порций компонентов мне хватит.

А ночью мне опять снился сон, в котором я была, если я правильно поняла, в каком-то лесу. Была почти ночь и тот, к кому меня притягивало во сне, спал на земле около костра. Вокруг я видела ещё людей, много.

Стоило мне появиться, как человек вздрогнул и поднялся, повернувшись в мою сторону. Мне даже казалось, что он смотрит мне в глаза.

Приблизившись, присела рядом с ним и безотчётливо погладила его по руке, замечая, что в том месте есть какая-то неправильность. Я минут пять вглядывалась, пока не поняла, что так выглядит порез. От этого нахмурилась. Я уже поняла, что жизнь этого человека не сахар, поэтому мне захотелось хотя бы немного облегчить боль.

Как в моей руке оказался один из флаконов с лечебным зельем, я так и не поняла. Забегая вперед, скажу, что одного я с утра так и не досчиталась. Даже пустой склянке не осталось.

Так вот, с удивлением я справилась быстро. Откупорив флакон, замерла, не совсем понимая, как именно мне передать зелье. Если я правильно понимаю, то мы с этим человеком на разных планах бытия. Что-то вроде он с лицевой стороны мира, а я на изнанке. Или же наоборот. Вполне может статься, что он вообще в другом мире. Или же это всё плод моего воображения.

Но всё это было сейчас не важно. Не придумав ничего лучше, я просто осторожно вылила зелье на рану, замечая, как человек дёрнулся, словно ему причинили боль. Зелье разлилось непонятной кляксой по руке, а потом медленно впиталось. Самое интересное, что я видела — зелье не прилегалo плотно к человеку, а висело в сантиметре от кожи, но всё равно медленно впиталось внутрь. Неправильность в теле человека стала постепенно пропадать, пока не исчезла совсем. Я видела, как он поднял руку и повертел её перед своим лицом, рассматривая.

Опустив её, он протянул её ко мне, но естественно рука его прошла сквозь меня.

Улыбнувшись, я хотела прикоснуться к нему, но в этот момент проснулась. Открыла медленно и глаза и прислушалась. На улице был дождь.

Благо до земли долетало не так много, поэтому мы быстро перекусили, свернули лагерь и выступили. Сидеть времени не было совершенно — неумолимо приближались сезон дождей. Конечно, до него ещё всё-таки далеко, но нам за это время надо успеть дойти до гор, найти место, пригодное для жилья, построить хотя бы что-то, что сможет защитить нас в непогоду. Так что вперёд и только вперёд.

К обеду дождь всё расходился. Мужчины, которые постоянно бродят поблизости от колонны, нашли неподалёку растение, которое очень смахивало на лопух. Вот только листья его были просто громадными. Чтобы понять примерный размер, скажу, что один лист такого лопушка спокойно закрывал собой всю телегу, ещё и немного свисал по краям.

Когда я напрягла память, то вспомнила, что это растение вполне можно использовать для зелий. Компонент из него не слишком ценный, да и годится только для того, чтобы сварить зелье против самой обыкновенной простуды, но листья я приказала после дождя скрутить и сложить на одной из телег. Потом надо будет их просушить и подготовить для варки зелий.

Ближе к вечеру я приказала вставать лагерем. Дождь всё расходился и даже тут внизу он стал весьма ощутим. Да и температура опустилась — стало заметно холоднее. Ингрид притащила мне старый и ветхий плащ, который я совершенно не узнавала. Ну, не было у меня такого.

Все встретили остановку с облегчением, даже немного повеселели, хотя и ненадолго. В лагере тут же закипела работа. Кто-то сооружал костры, кто-то собирал шалаши, которые потом накрывались лопухами, кто-то принимался готовить.

Мою палатку поставили в рекордные сроки. Рядом развели большой костер и, спросив, не нужно ли ещё чего-нибудь, ушли делать дела. Люди уже привыкли, что я не прошу для себя ничего необычного. Я хорошо помнила, что аристократы в этом мире весьма капризные существа. Их раздевали, одевали, купали, причесывали, чуть ли не с ложечки кормили. Кажется, в моем прошлом мире тоже было нечто подобное.

Именно поэтому на меня первое время странно косились, ожидая, когда же я потребую к себе девушек, чтобы те ухаживали за мной. Но мне этого было ненужно, лишнее мельтешение перед глазами только мешало. Пришлось Ингрид объяснять, что мне теперь это не нужно, так как отвлекает от мыслей. Мол, я стараюсь вспомнить все рецепты, выученные мною, а люди, которые будут постоянно вертеться рядом со мной, станут меня отвлекать.

Кормилица поворчала что-то о приличиях и о том, что неуместно мне как обычной девке самой переодеваться, но быстро смирилась, время от времени посматривая на меня тоскливо. Я однажды спросила её, что не так и почему она на меня так смотрит. На мой вопрос Ингрид расплакалась и сказала, что это путешествие меняет меня, и ей страшно, что однажды я стану вместе с мужиками бегать по лесу и буду вести себя совсем неподобающе дочери аристократического рода.

Я лишь вздохнула на это и ответила, что, если для того, чтобы мы все выжили, мне потребуется пробежаться по лесу, матерясь и ежесекундно сплевывая, то я незамедлительно это сделаю. На это Ингрид округлила глаза и схватилась за сердце, причитая, что неуместно, совсем неуместно.

Переубеждать женщину я не стала. Пусть думает что хочет. Конечно, я не материлась и уж тем более не плевалась, просто вела себя так, как мне удобно и как я привыкла.

— Госпожа.

Я чуть отодвинула ткань палатки и выглянула наружу. Один из охотников стоял рядом и неловко переминался с ноги на ногу. Вот тоже странность. Люди хоть и делают всё, что я скажу, но при этом стараются говорить со мной как можно меньше, лишь смотрят часто со стороны, будто постоянно убеждаясь, что я всё ещё с ними. А уж если кому и надо со мной поговорить, то сразу видно, что они робеют.

— Что случилось? — спросила, выходя из палатки.

— Вы просили приносить всё, что найдём необычного.

Я кивнула. Действительно просила. Просто мои ингредиенты не бесконечны, а некоторые так и вовсе почти кончаются. Подумав, что в таком лесу обязательно можно найти редкие растения или же хотя бы те, что сгодятся для слабых и обычных зелий. Тивил и лопух тому пример.

— Вот, мы принесли всё, что показалось нам необычным.

Мужчина протянул мне сверток, который я аккуратно приняла у него из рук. Поблагодарив, я чуть приподняла кончики губ, отчего мужчина, которому от силы было лет тридцать пять, зажмурился, поклонился и чуть ли не бегом ушёл. Его уже ждали свои, с

которыми он тут же начал о чём-то весело разговаривать.

Я не слушала, так как уже зашла в палатку и развернула свёрток. А ничего они так насобирали. Тут были и грибы, и растения, и разные цветные камни, и мхи. Удивительно, но почти всё, можно было использовать для тех или иных зелий. Я даже перепроверила всё, но мне пришлось признать, что этот лес просто кладёшь ингредиентов. Конечно, все их ещё обрабатывать, но это не проблема — обо всех процессах я знаю. Даже о том, как камни превратить в нужный мне песок, не затрачивая много усилий.

После того, как все узнали, что необходимые мне ингредиенты валяются у них чуть ли не под ногами, мне стали стаскивать столько всего, что я просто диву давалась — как они вообще успевают что-то искать. Понятное дело, что работы мне прибавилось. Нужно было отбирать, обрабатывать, варить, сушить и так далее.

По сторонам я смотрела только вечером, когда сидела у своего отдельного костра и потягивала какой-нибудь укрепляющий отвар.

В один из дней, когда охотники в очередной раз не смогли найти ни единого животного в округе, около лагеря нашли ещё тёплую тушу рогатого. Осмотрев, я поняла, что убили его совсем недавно и, причём не здесь. Были видны следы волочения. Поначалу я хотела приказать оттащить подальше, но потом увидела то, что поменяло моё решение.

Привычный туман, который нас будто бы преследовать, чуть рассеялся, и я отчётливо увидела тёмную фигуру. Люди рядом со мной тоже это видели и буквально застыли соляными столбами от ужаса. А ужасаться было чему. Если это не оптическая иллюзия, то существо не меньше двух метров роста. Даже отсюда нам было видно, что это может быть кто угодно, но не человек и не обычное животное. А уж когда существо повернулось в профиль, рядом и вовсе кто-то вскрикнул и, кажется, упал в обморок. Я лишь плотнее сжала губы, понимая, что мне сейчас нельзя показывать слабость.

Длинная пасть, горбатая спина, согнутые в обратную сторону ноги, хвост. На ум приходили лишь вервольфы. Не знаю, такими они должны быть или нет, может, это вообще мутанты какие-нибудь или же просто чудовища этого леса, но при виде этого существа я почему-то подумала именно о вервольфах. Тем более я помню, что моя рука упиралась тогда во что-то покрытое шерстью. Почему во что-то? Тогда я была уверена, что это была грудь, но сейчас, увидев рост существа, подумала, что это вполне мог быть и живот или же и вовсе плечо.

Существо стояло так с минуту, а потом растворилось в тумане. Люди помолчали, а потом кто-то завыл. И нет, вой шёл не из леса, какая-то женщина не выдержала и в прямом смысле слова завывала, как волчица.

— Прекратить! — чуть громче, чем обычно сказала я. — Если бы нас хотели убить, то сделали бы это уже давно. Взять и разделать, — кивнула я в сторону животного, которого, как я поняла, нам принесли.

Вой тут же прекратился, причём, как я поняла, женщину заткнули.

— Госпожа, не опасно ли? — спросил мужчина лет пятидесяти, кивая в сторону мертвого парнокопытного.

Я лишь покачала головой, поворачиваясь.

— Что они в тумане я знала с самого начала. Они не враги, но и лезть к ним не стоит. Берите — нас угощают. Отказываться от подарка не вежливо.

Люди ещё пошептались, покосились то в мою сторону, то в сторону тумана, но потом всё-таки принялись за работу. Вечером же, на полный желудок, около костра слышались

крики и описания одно страшнее другого. Существо из тумана с каждой минутой всё меньше и меньше походило на само себя. После этого люди ещё некоторое время опасались уходить далеко от колонны, но уже через несколько дней поставки сырья для ингредиентов вновь возобновились и моя работа продолжилась.

— Госпожа! Горы! Они совсем рядом!

Мальчишка, который сегодня должен был лезть на дерево, буквально подкатился ко мне под ноги, чем изрядно меня напугал.

— Что? — спросила, не сразу успокоив себя. Просто я была глубоко в своих мыслях, обдумывая свой сегодняшний сон. — Горы? Как близко они?

— Так, недалече совсем! Тут рядом бугорок есть, а там деревья совсем коротки, видать оттуда ой как хорошо.

— Веди, — приподняв юбки, приказала.

Мальчишка тут же поспешил вперёд, радостно всем вещая, что горы совсем рядом, что мы почти дошли. Люди от этого тоже загомонили, поднялся шум. Следом за нами тут же пристроилась вереница. Вздохнула. Можно было всех разогнать, но у нас тут и так не так уж много радостей, так что пусть идут.

Мальчишка не соврал. Исполины как-то резко закончились, и перед нами предстал довольно высокий бугор, вокруг которого были обычной высоты деревья. Это была даже не возвышенность, а полноценная гора, только небольшая, скалистая и на ней совсем не было никакой растительности. А ещё её заливал солнечный свет, от которого мы в полутёмном лесу совсем отвыкли.

Взобравшись на самый верх, посмотрели вперёд. Действительно, горы были совсем рядом. Ещё дня три и мы будем у их подножия.

Рассматривать пейзаж я не стала. Хоть горы и были впечатляющими, но времени долго торчать тут не было. Просто так идти к горам смысла не было никакого. Нужно было уже сейчас искать подходящее место. Скитаться всем табором тоже идея не из лучших, а значит, надо отправлять людей, чтобы осмотрелись и потом нужно будет скорректировать наше дальнейшее продвижение.

Всё это я и втолковала мужчинам. Спорить никто не стал — просто молча собрались и отправились. Подумав, что времени у меня пока что полно, решила сварить парочку зелий. Тем более и погода была хорошей и настроение приличным.

Всё-таки дошли. Я бы не сказала, что за время путешествия по лесу у нас было море трудностей, наоборот, нам явно сопутствовала удача, или же, если по-простому, то нам помогали. Никто из людей не умер, если и были раны, то только мелкие. Мы не голодали, хотя, казалось, в лесу нет ни одного зверя, которого можно употребить в пищу. Да, было жутко, страшновато, но мы дошли. Конечно, неизвестно, что будет дальше, но это и так уже не мало.

Через пару дней мужчины вернулись. Две пятерки сказали, что реки не встретили, три другие отчитались — река есть. Начинает своё начало она где-то в горах, и течёт вдоль них какое-то время, пока не уходит в лес. Я немного подумала и пришла к выводу, что это, должно быть, та же река, которая течёт по нашему старому баронству. Конечно, карты не было и я не могу сказать с уверенностью, но вроде бы всё сходится.

Расспросила ещё немного о тех местах и решила, что мы пойдём к небольшой долине

перед горами. Долина была крохотной, по словам мужчин. Но по ней текла река. С одной стороны долину закрывали горы, а с трех других Вильхельм. По какой-то причине исполины там не росли. Они нашли даже плодовые деревья. Сказали, что там есть и птицы, и зверьё видали.

Моя паранойя вкнула о том, что такой прям рай тут неспроста, но по лицам людей было видно, что эта дорога им уже поперёк горла. Пришлось приглушить свои сомнения и разрешить путь именно к долине.

На исходе второго дня мы стояли на возвышении и смотрели вниз, любуясь нашим новым домом. Долина и в правду была небольшой, но даже отсюда была видна не очень широкая лента реки, которая буквально сияла из-за заходящего солнца. Нормально размера деревья росли не везде и были видны большие промежутки, в которых потом вполне можно будет распахать поля и засеять их. Горы выглядели величественными и устрашающими. Они не портили картину, наоборот, придавали ей особое очарование. Я вздохнула. Кажется, это становится моей привычкой.

— Становимся лагерем. Спускаться вниз будем завтра, — сказала, развернувшись. Перед тем, как уйти под тень одного из исполинов, ещё раз обернулась и посмотрела на долину через плечо. В свете заходящего солнца она казалась раем на земле, но будет ли она таковой на самом деле? Ответа я не знала, лишь надеялась, что мне удастся со всем справиться.

По тому, как повеселели люди, стало понятно, что Вильхельм их всё-таки угнетал. Их можно понять — лес довольно мрачный, хотя лично мне он не доставлял никаких неудобств. Наоборот, такой богатый на ингредиенты лес становился для меня восхитительным местом.

Видно было, что всем надоела дорога. Хоть многие и настаивали на том, чтобы строиться чуть ли не в первом же попавшемся месте, но я была категорически не согласна.

Пришлось много походить самой и посмотреть. Сама не понимаю почему, но мне не нравилось в выбранных людьми местах, то одно, то другое. Но в один момент я просто поняла, что вот, это то, что нужно. И река недалеко, и горы на приемлемом расстоянии, а местность чуть ли не идеально ровная, и деревьев для деревянных построек в самый раз, и глина чуть ли не под боком. В общем, идеальной просто некуда.

Я немного подумала, из чего мы будем строить дома. Конечно, люди сразу же начали присматривать деревья. Оно и понятно. Тут строили либо из камня, либо из дерева. На обработку камня у нас не было времени сейчас. Оставалось только дерево.

Но я всё-таки размышляла.

Дерево. Что я знаю о строительстве? Не очень многое. Дерево в любом случае нужно сушить, иначе со временем оно усыхает, и строение будет деформироваться. Если дерево не обработать, то от влаги оно начнет гнить, не сразу, но всё же. Опять же, если не обработать, то до него могут добраться всякие древоточеры и попросту сожрать дом изнутри. Но самый главный минус дерева — оно горит. Не дай бог пожар и от дома не останется ничего, это хорошо, если остальную деревню не зацепит.

Камень. С этим всё понятно. Времени на обработку булыжников у нас совершенно нет.

Кирпич. Из минусов нужно выделить то, что для такого дома надо будет делать серьезный фундамент. К тому же нужны печи. А ещё то, что я совершенно не помню, как делать цемент, который просто необходим.

Ещё я помню, что дома делали саманными. Смешали глину, воду и соломы, и вперёд, лепите кирпичики, а потом собирайте из них дом. Минусов у такого дома тоже хватает, это и та же усадка, и слабость к влаге, и долгая сушка.

Так и из чего же строить?

Все свои сомнения я и выложила людям, ничего не утаивая и говоря так, как есть. Вот тут я и натолкнулась на непонимание. Мол, чего загадывать так далеко? Подумаешь, усядет, поправим. Пожар? Да ладно вам, пожары редкое явления, а если и случиться, так новый дом построим, долго, что ли.

Такое отношение меня несколько покорило, но это лишний раз доказало мне, что с местными лучше не советоваться, а делать, не спрашивая.

В итоге я приказала строить несколько больших барачков, в которых можно будет переждать сезон дождей. Тесновато, но времени почти не осталось. Каждой семье по дому мы все равно не успеем построить, даже если будем делать это из дерева. А там может, я вспомню из чего делать цемент, ну или на худой конец то, чем его можно заменить. Если я не ошибаюсь, то цемент можно заменить смесью глины и извести. Глина у нас есть. А известь получают путём обжига известняка или мела. Горы рядом, так что такое там точно должно быть, осталось найти.

Спорить со мной, естественно, никто не стал. Но отдельный дом мне всё же построили, причём так быстро, что я была очень удивлена. Самое интересное, что строили его, бросив на это все силы. Выбрали недалеко от будущего поселка место, такое, чтобы сам поселок хорошо просматривался, на небольшом возвышении, и меньше чем за неделю сделали мне деревянный дом.

Конечно, это был далеко не замок и не дворец, но первое время сойдёт. Печь сложили из камней, и всё той же глины. Сделали её так, чтобы мне удобно было ставить свой котелок для варки зелий. Сколотили кровать, стол, понатыкали везде полочек. Стекла у нас не было, поэтому окошко вырубил крохотное. Его нужно было закрывать специальными ставнями и открывать, когда нужно проветрить помещение.

Пол тоже выложили плоскими камнями, усыпали его чем-то вроде камыша и закидали обработанными шкурами от тех рогатых, что мы употребляли в дороге.

Смотрелся мой новый дом довольно дико. А если учесть, что стены практически сразу были завешены всевозможными пусками трав, полки заставлены склянками и бочонками, то создавалось полное впечатление о берлоге или травника или же колдуна. Это я ещё молчу о постоянной полутьме. А что вы хотите, электричества тут нет, приходится пользоваться масляными лампами.

Баракы возвели тоже быстро. Больше полсотни здоровых мужчин это весьма серьезно. Юноши, подростки, да даже дети и те помогали, про женщин вообще молчу. Когда баракы были сделаны и люди туда переселились, то я показала план будущего поселка. Ничего необычного, просто я не хотела, чтобы люди начали строить, как попало.

Когда стройка немного улеглась, я стала посылать некоторых мужчин осмотреться. Нужно знать долину так хорошо, как только можно. Ещё указала места, которые можно будет в следующем году засеять. Люди тут же разбили будущие поля на наделы и застолбили. Некоторые даже сразу же вспахали, очистив от деревьев, кустов и камней.

Не забывала я так же пополнять свои запасы зелий и ингредиентов. Люди исправно носили мне всё, что только попадалось им на глаза. Я даже стала замечать, что они соревнуются между собой, кто принесет мне то, что меня больше всего обрадует или поразит. Оставить такое без внимания я не могла, поэтому придумала награды. Мол, тот, кто поразит, получит такое-то зелье, кто обрадует другое. Люди приняли идею с радостью. Какое-то время мне даже стало немного надоедать, что меня постоянно дергают. Но потом привыкла, даже с удивлением обнаружила, что люди несут действительно стоящие вещи.

Времени до сезона дождей оставалось все меньше.

Я напоследок много гуляла по округе, понимая, что в ближайшее время из-за практически непрекращающихся дождей погулять будет весьма сложно.

Природа вокруг начала готовится. Некоторые листья пожелтели и облетели. Трава и вовсе стала совсем жёлтой.

Пошли поздние ягоды и грибы. Женщины и дети целыми днями их заготавливали. Я тоже походила, так, чтобы на зелья насобирать, да и скучно всё время только и делать, что стоять около котелка и варить.

Всё это время мне постоянно снился тот человек. Я уже давно поняла, что если он и из этого мира, то явно на той войне, в которой погиб мой отец, барон Вилмар Хольм. Да, я Ульяна и Ульрика так склеились, что я перестала уже различать, где кто. Для меня оба мира стали родными.

Уже не единожды я лечила моего странного знакомого незнакомца. Один раз даже

испугалась, настолько серьезной была рана, но мне удалось. Хорошо ещё в тот день я как чувствовала и сварила зелье высшего исцеления. Угробила все свои самые редкие ингредиенты, но видно само проведение нашептало мне под руку тогда, что сделать это необходимо.

Сама не понимаю, зачем я это делаю, и почему мне все это снится, но каждую ночь, когда я вижу его, то радуюсь. Мне бы хотелось увидеть его вживую, посмотреть, какого цвета глаза, какие у него черты лица, узнать, какой у него характер, услышать голос, ощутить тепло тела. Но каждый раз я понимаю, что это вряд ли когда произойдёт. От этого становится немного грустно. Но приходится мириться.

Сегодняшняя ночь стала исключением. Я давно уже засыпала с неким чувством предвкушения, но сегодня я оказалась там, где не ожидала.

Передо мной снова было то существо, которое я увидела давно. Хелг был, как и тогда прикован. Он смотрел на меня своими невозможными глазами и молчал.

— Человек, — сказал он точно так же как и в прошлый раз. — Ты снова тут.

— Да. Ты меня сюда позвал? — спросила, поглядывая по сторонам. Пещёра явно была либо где-то в горах, либо под землёй.

— Позвал, — он на мгновение прикрыл глаза. — Я почти закончил.

— С чем? — тут же спросила, обращая на него всё своё внимание.

— Завязывать нити Вильгельма на тебя.

Я округлила глаза.

— Это ещё зачем?

— Это место погибнет без своего создателя. А я собираюсь уйти из этого мира. Так что ты станешь его хранителем и хозяином.

Сглотнула.

— Я же выходить смогу?

— Сможешь.

— Это хорошо. Скажи, как мне тебе помочь?

— Ты знаешь ответ. А теперь тебе пора. Тебя ждут.

— Кто? — спросила, лихорадочно вспоминая, чего ещё я хотела бы узнать у хелга.

— Тот с кем тебя связала судьба.

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, или же хотя бы понять, о ком говорит хелг. Но мир кувыркнулся, и едва не упала, оказавшись рядом с человеком, который снился мне почти каждую ночь. Улыбка сама по себе появилась на лице, даже вредный хелг вылетел из головы.

Я уже по привычке проверила состояние человека, убеждаясь, что он всего лишь сильно устал, но ранений никаких не было.

В последнее время мне стало казаться, что я могу ощутить его. Самую малость, так, лишь на краю восприятия, но что-то такое было. Привычно протянув руку, я коснулась его лица и вздрогнула. Он тоже вздрогнул и невольно отшатнулся. И было отчего. Могу поклясться, что я ощутила горячую кожу. Было такое ощущение, будто я просто прикоснулась к лицу человека.

— ... ты?

Я стояла и не дышала. Слышу! Очень плохо, не ясно, но ведь я уловила какой-то звук! Или же мне просто померещилось? Не может быть! Почему так происходит, отчего?

— ...то...

Нет, не мерещится, однозначно.

Я уже хотела ответить, но резко проснулась. Сердце в груди колотилось, а губы высохли. Я облизнула их, желая стереть волнение. В доме было темно, на улице слышался шум небольшого дождя. Вздыхнув, перевернулась на другой бок, решив ещё немного поспать.

Но негромкий скрежет в стороне двери заставил моё сердце буквально кувыркнуться в груди. Конечно, на двери есть засов, но в такой момент в голову лезет всё, что угодно.

Медленно встав с кровати, я быстро оделась и закусил губу. Что делать?

— Госпожа.

Голос был глухим и хриплым. Я впервые его слышала. Могу зуб дать, что ни у одного из людей не было такого голоса.

— Кто ты? — спросила, сжимая в руки склянку с зельем ослепления. Ничего опаснее у меня пока что не было. Подумав немного, на всякий случай схватила со стола нож. Пусть будет, вдруг пригодится.

— Моё имя Бьярде.

— Не знаю такого.

Я нервничала всё сильнее. Все дело в том, что говор этого человека был совсем не таким, как у моих людей. Те хоть и говорили правильно, но в речь всё-таки вплетали слова из простой речи. Вроде того не «недалече» или же «знамо». А это же говорил точно так же как и я, то есть на языке аристократов. Та и эти рычащие нотки...

— Мы знакомы с вами. Я один из тех, кто ходит с туманом.

Я стиснула зубы сильнее. Не сложно догадаться, кто именно там ходит. Значит, это всё-таки какие-то оборотни.

— Что тебе нужно? — выходить мне совсем не хотелось, хотя я и понимала, что этот самый Бьярде, пришёл не просто спросить как у меня дела.

— Вильхельм меняется, мы связаны с ним, вы наша новая госпожа. Вы должны привязать нас к себе.

— Это обязательно? И что будет, если я этого не сделаю?

— Обязательно. Мы попросту сойдём с ума.

Я немного подумала нужно мне, чтобы у меня тут под боком бегала стая сошедших с ума оборотней или кем они там являются. Не хотелось бы. А если врёт? В любом случае, я не узнаю, если и дальше буду стоять просто так. Наверно, это глупо с моей стороны, но я всё-таки аккуратно отодвинула засов. Почему? Возможно, потому что слышала в этом голосе нотки, которые убедили меня. Или же это из-за моей молчащей интуиции. А может это обычная глупость, кто знает.

Отворив дверь, я сделала шаг вперёд, тут же натыкаясь взглядом на высокую фигуру.

— Госпожа, — прорычал он и блеснул жёлтым светом жутковатых глаз.

Если говорить о внешности моего ночного гостя, то можно с уверенностью говорить, что это не человек. Хотя и до образа вервольфа, который был у меня в голове, он тоже не дотягивал.

Мужчина был высоким, слишком мощным, ноги, насколько я успела увидеть, были вывернуты в обратную сторону. Конечно, вся фигура смотрелась весьма пропорционально и даже как-то гармонично. Руки только длинноваты.

Лицо же было почти человеческим. На скулах видна была короткая шерсть, и нос был слегка приплюснут, а ещё на голове торчали уши, которые назвать человеческими было сложно. Про цвет глаз, который не выглядел естественным, уже сказала, нужно лишь добавить, что сверкали они точно так же как и кошек в темноте.

Одет мужчина был в обрешанные до колен штаны и распахнутую на груди рубаху. Эта самая грудь была не просто волосатой, а попросту покрытой шерстью, как и ноги и руки.

— Что дальше? — спросила, понимая, что пока я рассматривала Бьярде, он делал тоже самое. Странно, я думала, они там уже все успели на меня за время нашего путешествия насмотреться. Это меня тут же напрягло.

— Прошу прощения, госпожа. Я не видел вас раньше так близко, — тут же сказал Бьярде. Я даже слегка напряглась, вдруг они ещё и мысли читать могут. Не хотелось бы. — Нам нужно в Вильхельм.

— А мы разве... — начала я, но потом поняла, что мы действительно ведь не в самом Вильхельме, а в долине. — И как мы туда попадём?

Я поинтересовалась, представляя, что мне придётся снова топтать до леса. Честно говоря, не особо хотелось. Я ведь завтра хотела сварить одно зелье, про которое напрочь забыла. Оно должно помочь нам в строительстве. Всё-таки плюсы в том, чтобы быть ведуньей есть. Я не помнила состав цемента, но зато вспомнила одно зелье. Думаю, если добавить зелье в смесь глины и песка, то должно получиться отличное связывающее вещество.

Вот это я и хотела проверить. Всё-таки просто сварить зелье это одно, а ведь нужно выяснить, сколько нужно зелья, чтобы состав не схватывался моментально, а лишь тогда, когда это будет нужно. Да и сколько этого зелья надо будет. А глины? Песка? То есть это ни на один день работы. Но зато к концу дождей у нас будет состав, который поможет заменить нам цемент.

— Не стоит волноваться. Я вас понесу, тогда дорога не займёт у нас много времени. Надеюсь, вы не против?

Против ли я? Не особо мне хочется куда-то идти на ночь глядя.

— Подождите немного, — отвечать на вопрос я не стала, так как врать не хотелось, а правда вряд ли бы что-нибудь изменила.

Ну, скажу я что против, что это изменит? Мы будем тащиться до Вильхельма с моей скоростью, а значит, это займёт далеко не пару часов. А терять столько дней я была не согласна.

Натягивая поверх платья ещё одно, а сверху ещё и плащ — ночью всё-таки прохладно, поэтому приходится спать вместо всяких сорочек в платье — размышляла над тем, как это я должна привязать их к себе. Думаю, если я сейчас начну задавать вопросы, то мы простоим тут до самого утра.

Выйдя на улицу, поёжилась — дождь расходился все сильнее. В отличие от Вильхельма, струи тут отлично долетали до земли в полном составе. Так что мелкий дождь ещё немного и превратиться в самый натуральный ливень.

Я всё ещё сомневалась в том, что идти куда-то хорошая идея, но в тоже время ощущала в глубине себя горячее любопытство. А ещё я волновалась, и весьма сильно, поэтому меня потряхивало. И было непонятно, то ли на улице так холодно, то ли это я от волнения так трясусь.

— Как это будет выглядеть? — спросила, вставая прямо напротив Бьярде.

Кстати говоря, сейчас, стоя почти вплотную могу с уверенностью сказать, что он выше двух метров.

— Сейчас. Только не пугайтесь, — сказал он, на что я только кивнула, рассматривая его. Только сейчас я поняла, что сейчас совсем уже не ночь, так как видела я его хоть и

плохо, но всё же видела. Оглядевшись по сторонам, поняла, что сейчас час три или четыре ночи. А ещё кругом был туман, но густым он не был.

Бьярде как-то странно рыкнул, а потом его лицо, да и тело стало меняться. Я невольно сделала шаг назад, во все глаза рассматривая изменения. Лицо удлинилось и стало совершенно неотличимо от волчьего. Плечи раздались в стороны ещё сильнее, на спине появился то ли горб, то ли так просто выросла шерсть, но одно могу сказать точно — Бьярде стоял теперь чуть наклоненный вперед, будто бы сгорбившись. Руки ещё сильнее удлинились, на них выросли когти. Единственно, что осталось неизменным.

Он что-то проворчал — кажется, в таком виде говорить по-человечески он не может — а потом медленно подошёл ко мне. Осторожно протянув ко мне руки, он выжидающе посмотрел, словно ожидал разрешения.

Вздыхнув глубже, чем обычно, кивнула. Если бы меня хотели убить, то не стали бы так долго тянуть. Нет, могли быть ещё варианты с какими-нибудь ритуалами, жертвоприношениями, но опять же меня проще было слегка стукнуть, и не спрашивать моё согласие.

Ладно, сомневаться можно сколько угодно, но нужно либо делать, либо потом разгребать результаты своего отказа. Будут ли они, конечно, не известно.

Бьярде, между тем, подхватил меня на руки, отчего я едва не вскрикнула, но вовремя зажала себе рот рукой. Он снова что-то проворчал, но естественно я его не поняла. Тогда он просто прижал меня крепче, отчего я чуть ли не уткнулась лицом в его шерстяную грудь.

Ощутить движение было не сложно. Не могу описать на что похоже чувство, когда вас несёт на руках такое большое, мощное и сильное существо, от которого, кстати, совсем не пахло мокрой псиной, хотя я подсознательно к этому готовилась. От Бьярде вообще ничем не пахло, хотя на свой новый нюх я до этого не жаловалась.

Мне хотелось посмотреть, как быстро мы движемся, но на любое моё шевеление меня лишь сильнее прижимали к себе. Бьярде был горячим, а ещё меня начинало немного подташнивать.

Сколько мы двигались, сказать с точностью не могу. Но в какой-то момент я ощутила, что мы остановились. Тошнота, которая была в самом начале, прекратилась очень быстро, словно моё тело приспособилось. Вполне может быть, я даже не удивлюсь этому.

Бьярде прорычал, аккуратно опуская меня на землю.

Встав, я тщательно расправила свой плащ, и только потом подняла глаза и осмотрелась. Что могу сказать, не знаю, с какой скоростью мы двигались, но мы точно были в Вильхельме. Не узнать эти исполины было трудно. Дождь тут почти не ощущался.

Быстрота передвижения меня если и удивила, то удивление тут же позабылось. Я стояла в центре поляны. Небольшой, кроны исполинов накрывали её. Кстати эти гиганты росли вокруг поляны по идеальному кругу. Около меня из земли торчало нечто смахивающее на каменный тотем, изображающий волка. Конечно, угадать в том, что изображено волка было весьма сложно, но я решила — неизвестное нечто должно быть именно волком. Всё-таки притащил меня сюда вервольф, а значит, их тотем просто обязан изображать волка.

Но и тотем меня не сильно удивил.

Везде, куда дотягивался мой взгляд, я видела серебристый туман, в котором мерцало просто море зеленоватых огоньков. Что это такое я так и не поняла. То ли светлячки, то просто магия. Но смотрелась просто завораживающе.

А ещё везде, куда бы я ни посмотрела, были вервольфы. Сколько их? Десятки, если не сотни. Ведь они могли быть не только на поляне, но и за её пределами.

Тишину нарушал лишь тихий шелест редких капель, долетающий до земли.

Все вервольфы смотрели ан меня так пристально, что я невольно вскинула подбородок и сжала кулаки, стиснув при этом зубы. Страшно ли? Несомненно!

Первое очарование завораживающей атмосферы прошло, и наступило осознание — я тут совсем одна среди созданий, которым непонятно, что нужно.

Я смотрела на них, они смотрели на меня. Так продолжалось, по меньшей мере, минут десять, а потом все они подняли головы в верх и завыли. Я непроизвольно вздрогнула, делая шаг назад. Если они хотели меня напугать, то им это удалось. Сердце в груди вытворяла такое, что мне казалось, ещё немного и оно попросту выпрыгнет.

Рядом кто-то чуть ли материализовался, отчего я отшатнулась, вскидывая руку. Вервольфы мгновенно замолчали, отчего наступила просто оглушающая тишина.

— Простите нас, — это оказался Бьярде. Узнала по голосу. — Мы просто рады, что Вильхельм не будет одинок, и мы сможем и дальше тут жить.

— Что, — во рту совсем пересохло, так что мне пришлось сглотнуть, прежде, чем продолжить. — Что мне надо делать?

— Это, — Бьярде кивнул в сторону тотема. — Символ нашего народа. Это наша главная ценность и он неразрывно связан с Вильхельмом. Благодаря ему мы можем тут жить, чувствовать лес, и он даёт нам привязку. Если её не станет, то мы начнём сходить с ума. Сами себя привязать мы не можем, нам нужен кто-то, кто будет связан с Вильхельмом. А через него и мы. Нам сказали, что это будете вы.

— Кто?

— Тот, кто связывал нас до этого. Но недавно он сказал нам, что скоро уходит.

— Вы видели его?

— Нет, никто не видел Связывающего. Но каждый знает, что он есть. Именно поэтому вы для нас так бесценны. Мы невероятно горды, что можем видеть вас своими глазами.

Я уже примерно догадывалась в чём состоит суть. Если говорить кратко, то этим существам для нормального функционирования почему-то нужно нечто вроде якоря. Не знаю, почему так, вполне вероятно, что их такими попросту создали. И этот якорь обязательно должен быть связан с Вильхельмом. Зачем сделали так, не ясно.

— Что мне надо сделать?

Бьярде улыбнулся. Во рту у него точно не зубы травоядного.

— Сейчас, — пророкотал он и чуть ли не испарился.

Я же осмотрелась осторожно по сторонам, замечая, что вервольфы перерываются друг с другом.

Минуты через две ко мне подтащили громадную каменную чашу литров на тридцать не меньше. Вервольфы вокруг возбуждённо зарычали, некоторые даже начали повизгивать.

— Всё очень просто, госпожа, — рядом снова появился Бьярде. — Вам надо просто поделиться с нами вашей кровью.

Я с ужасом уставилась на чашу.

— Во мне столько нет.

— О, нет, нам надо немного. Там уже специальный отвар. Вот туда вы сцедите совсем чуть-чуть. А ещё немного нужно для тотема. Для него нужно всего пару капель.

Бьярде замолчал, сосредоточенно смотря на меня. Вервольфы снова притихли.

— Хорошо, — кивнула, чуть не оглохнув после от оглушающего шума. Я ошеломлённо оглядывалась по сторонам.

— Они просто рады, что вы согласились, — снова сверкнул клыками Бьярде, протягивая мне сверкнувший серебром небольшой кинжал. — Мы все рады и благодарны, что вы согласились связать нас.

Я не понимала, как можно радоваться тому, что их связывают, но, если от этого зависит здоровье, то, наверное, радость вполне закономерна.

Вздыхнув, осторожно подошла к сосуду и, помедлив секунду, аккуратно отодвинула ткань с запястья. Серебро сверкнуло, отражая тысячи мерцающих огней, а потом тяжёлая тёмная кровь тонкой струйкой побежала прямо в чашу.

В этом месте, казалось, время идёт совсем не так, как мы все привыкли. Оно тягуче-медленно растягивалось, будто патока. После того, как вервольфы, у которых, кстати, было своё самоназвание, но такое заковыристое, что я по-прежнему их называла на свой манер, провели ритуал связывания, прошёл всего месяц. Но мне казалось, что прошло намного больше. И совсем не понятно было, почему время тут ощущается как-то по-другому.

За это время я ещё раз встречалась в желгом, который выглядел так же, как и при первых наших встречах. Иногда даже я думала, что ему совершенно всё равно освободится он или же навеки вечные останется висеть в том подземелье. Но бывало, я замечала в его нереальных глазах нечто такое, что убеждало меня — это не так. Желг тоскует. Не знаю, почему или же по кому, но ему однозначно не все равно, как он проведет ближайшую тысячу лет.

Дожди шли, практически не переставая, дав нам урок. В будущем поселке просто необходимо будет сделать систему, которая станет отводить лишнюю воду, иначе мы попросту потонем. А если же не мостить улицы, то зароемся по уши в жидкой грязи.

Мне не хватало солнца, тепла и света. Когда сидишь в душной, темной, пропахшей дымом, травами и зельями комнатухе, иногда хочется выйти на улицу, раскинуть руки в стороны и улыбнуться голубому небу и солнцу. Но стоит подумать об этом, как вспоминаешь, что небо на улице низкое, серое и из него, не переставая, падает холодная вода. Такая погода ещё больше убедила меня, что строить из дерева нельзя. Конечно, протопить каменный или же кирпичный дом будет сложнее, да и за сыростью нужно будет постоянно следить, но такой дом хотя бы не сгниет через пару тройку лет.

Дочитав заклинание, тут же перестала помешивать зелье, наблюдая за тем, как оно моментально густеет и принимает серый цвет.

— Кажется, на этот раз вышло, — выдохнула я, устало разминая плечи.

Стоять больше не было сил, да и руки начали трястись. Живот заурчал, напоминая, что я не ела с самого утра. Сделав шаг, едва не вскрикнула — от почти слишком длительного стояния на месте ноги казались будто бы и не свои вовсе.

Кое-как доковыляв до кровати, кряхтя, как столетняя бабуля, уселась на неё, ощущая, что моему телу нужен немедленный отдых. Я тоскливо посмотрела на стол, где под небольшим полотенцем лежали пирожки, испечённые ещё вчера, но сил подняться в себе не нашла.

— Завтра перекушу.

Под завывания ветра, шум дождя и чуть ли не предсмертные хрипы желудка я повалилась на спину и практически моментально уснула. Последнее, что подумал мой уставший мозг, это о том, что дрова в печи ещё трещат, и за ночь, через полностью открытую заслонку всё тепло выдует наружу.

Ещё после того раза, как я впервые во сне увидела его, то каждый раз засыпала с неким любопытством. Да и «просыпалась» во сне тоже. Этот раз не оказался исключением. Я уснула в реальности и очнулась во сне. Медленно поведив плечами, обрадовалась — здесь тело совершенно не болело и не устало, даже голода я тут не испытывала.

Осмотрелась по сторонам и нахмурилась. Пространство вокруг буквально полыхало всеми цветами красного, черного, фиолетового и какого-то буро-зелёного цвета. То и дело

мелькали какие-то вспышки. Мне даже показалось, что я слышу крики.

Я насторожилась и встревожилась. До этого дня я не попадала в такую свистопляску ещё ни разу, поэтому даже не могла предположить, почему привычный сценарий вдруг изменился. Нет, бывало и раньше что-то менялось, но не так сильно.

Первый испуг быстро прошёл, особенно после того, как я заметила, что один из световых шаров пролетел сквозь меня, совершенно не навредив. Да и всевозможные цветные кляксы, которые будто бы висели в густом киселе, не желая полностью раствориться, мне не доставляли неудобств. Да, я потрогала. Надо же понять, что это такое. Хотя про то, что они не растворялись, это я поспешила. Кляксы медленно, но всё-таки рассасывались, смешиваясь с окружающей действительностью.

Осмотревшись более внимательно, пришла к неутешительному выводу — с той стороны идёт битва. Причём явно магического плана.

Рядом со мной прямо под ноги кто-то свалился. Я почти не видела очертания этого человека, только размытую ауру, которая в некоторых местах словно пульсировала. Прошло пару минут, и аура затихла, а в моём пространстве возникла тёмно-серая клякса, которая медленно стала растворяться.

И что это такое сейчас было? Если сделать предположение, что с той стороны человек умер, то, что это за пятно такое? Походив немного вокруг кляксы, с удивлением увидела существо, которое буквально проплыло мимо меня и принялось поедать эту серую массу. Что это?

Существо было очень похоже на угря, такое же тонкое и длинное. И на меня оно никак не реагировало. Обернувшись, поняла, что таких вот угрей тут просто целое море. Почему-то сначала их тут не было.

С опаской посмотрела на этих странных пожирателей, но кажется им черные и серые кляксы больше по вкусу, чем я. Не скажу, чтобы я была сильно против такого.

Так и буду их называть — Пожиратели. А что? Никто научного названия мне сказать не удосужился. Да и не думаю, что они будут сильно против моего самоуправства.

Интересно, почему они поедают только черные и серые? Хотя, кажется, бурозелёную тоже щипают, но явно без энтузиазма.

Так, подумаем, чем это может быть. Не думаю, что это души людей. Всё-таки я очень надеюсь, что души это что-то светлое, светящееся и уж никак не черная клякса. Хотя может это души плохих людей? Но если так, то почему тогда сюда попадают только плохие? Где хорошие? Нет, вряд ли это души. Скорее уж предсмертные эмоции или чувства. А может мысли? Хм. Думаю, перед смертью, они явно такие — окрашены в самые темные оттенки. Особенно, когда умираешь насильственно.

Ладно, гадать можно до посинения, всё равно я толком не могу влиять на это измерение. Всё просто проходить сквозь меня. И если я что-то и ощущаю, то столь слабо, что это едва заметно. Думаю, когда-нибудь я всё-таки смогу узнать, ощутить в полной мере, но для этого мне нужны годы практики. Пока что их у меня нет. Так что оставим бессмысленные размышления и поищем того, к кому я всегда прихожу.

Решив пока что не обращать внимания ни на Пожирателей, которым я была до лампочки, ни на творящуюся кругом цветную вакханалию, я медленно побрела туда, куда я считала, мне стоит пойти.

Все люди казались мне размытыми пятнами и даже по истечению пар часов, по моему внутреннему времени, я так и не смогла найти его. Но я упорно шла вперёд и смотрела

воткнула в оба глаза.

Когда я всё-таки натолкнулась на того, кого искала, то сердце у меня испуганно ёкнуло, отчего в груди на мгновение стало холодно.

Он лежал. Он до этого сражался. Он был серьезно ранен. И он явно умирал.

Присев перед ним на колени, осторожно прикоснулась к лицу. Его, в отличие от всех остальных я очень даже хорошо видела. Конечно, даже сейчас я не могла бы сказать, какого цвета у него глаза или же пухлые у него губы или же, наоборот, тонкие.

Когда я прикоснулась к нему, он явно вздрогнул. Мне показалось, он открыл глаза. Подняв руку, он положил ладонь мне прямо на щеку, отчего я неосознанно прильнула к ней сильнее, прикрывая на мгновение глаза.

Я уже успела увидеть, что второй руки, правой, у него не было почти до самого плеча. А ещё грудь полосовала страшная рана, будто его наотмашь ударили чем-то тяжёлым и острым. Кровь толчками покидала его тело. Мне казалось, я даже запах этот ощущаю, так же как и тепло, шедшее от ладони. Покидала его тело не только кровь, но и жизнь. Я видела, как из него вытекает чёрная субстанция, которая просачивается на этот план бытия. Прикоснувшись к ней, я всё же поняла, что это боль. Нестерпимая, обжигающая боль. Так вот, что любят Пожиратели.

— Я... умираю.

Его голос я услышала так отчётливо, будто он просто был рядом, а не находился в реальности, в отличие от меня.

— Спасибо, что был... а со мной в последнее время.

Он понял, что я девушка? Интересно, как? Хотя чего это я, сама же столько раз пыталась к нему прикоснуться. Не думаю, что мужчина стал бы делать подобное. Хотя почему бы это не стал? Ради эксперимента очень даже стал бы. Наверное, это всё-таки нечто интуитивное. Может, я просто ощущаюсь им на подсознательном уровне, как девушка или же ему просто хочется так думать.

Я закусила губу, стараясь сдержать слёзы. Здесь такое, а я думаю, о каких-то глупостях. Наверное, мой мозг просто хочет таким образом защитить меня.

И что мне делать? С такими ранами без лекаря он долго не протянет. Я могу перенести сюда свои зелья... Ладно, попытаться перенести, всё-таки такое у меня выходило лишь единожды. Вот и сейчас, сколько бы я не пыталась, как бы горячо не желала защитить, вылечить, глухо.

Да и кроме зелий нужно обработать руку и рану. Если там грязь, то это затормозит любое лечение, а сейчас минуты очень дороги. Чтобы не терять время необходимо в раны вылить очищающее зелье, в рот укрепляющее, зелье высшего исцеления, восстанавливающее. И ещё парочку просто необходимых зелий для того, чтобы раны такой сложности зажили без сильных потрясений для организма.

В этот самый момент я просто все своим существом ощутила, что я вот-вот проснусь. Запаниковав, я просто навалилась на человека, обняла его и совсем уж неожиданно для себя разрыдалась.

— Эй, не плачь...

Его слова звучали так глухо, словно он говорил на большом расстоянии от меня. Не знаю, молилась ли я в тот момент, просила ли о чём-то богов, или же просто глупо плакала. Я всегда считала себя сильным человеком, способным преодолевать самые сложные трудности с порой просто покорным спокойствием. Но в этот самый момент я ощутила себя

слабой, никчёмной и ненужной. Ненужной, в первую очередь самой себе. Показалось, словно мне приоткрылась правда о самой себе и я уже ненавидела эту часть себя. Совершенно слабую и бесхребетную часть.

Если могла, я бы закричала.

Сжав руками тело, которое вполне себе ощущалась, я впервые ощутила момент, когда я ухожу из этого пространства и просыпаюсь.

На что это похоже? На водоворот. Если бы в моей голове не было сейчас шторма, то я бы описала всё подробнее, а так могу сказать, что в какой-то момент меня завертело, закружило и замотало нещадно.

А потом я проснулась и тут же застонала. Меня резко замутило. Пронимая, что добежать до ведра нет никакой возможности, я просто свесилась с кровати. Меня выворачивало минут пять не меньше. Голова кружилась, желудок болезненно подрагивал внутри. Сердце грохотало так, что я не слышала ничего, кроме его стука. Руки тряслись. Слезы непроизвольно текли ручьем. Во рту была такая горечь, что сглатывать её не было никакого желания.

Когда мой организм хотя бы немного успокоился, я глубоко вздохнула и попыталась откинуться на спину. Но у меня этого не вышло. Мало того, я не смогла повернуться, так позади меня кто-то едва уловимо застонал.

Я говорила, что у меня недавно сердце грохотало? Забудьте. В этот момент оно у меня чуть ли не через горло вылетело от испуга. Ещё секунду назад я не могла двигаться толком, а от тошноты и думать, а уже сейчас я чуть ли ни до потолка подпрыгнула, не забывая при этом слететь с кровати. Хорошо ещё в свои художества не наступила, а то точно бы поскользнулась.

Свеча с вечера была потушена, поэтому в комнате было темно. Я замерла, прислушиваясь — мало ли, вдруг, показалось.

Но тихий стон вновь повторился. Не показалось!

Пару раз глубоко вздохнув, попыталась взять себя в руки. Подойдя к столу, на ощупь нашла свечку. Местный аналог спичек, которые загорались с пятой попытки, тоже был тут. Да ещё и руки тряслись. В общем, поджечь свечу мне удалось относительно быстро. Взяв её в руки, подошла к кровати, стараясь ступать аккуратнее.

Сначала я удивилась, а потом поняла, что время сейчас значит для меня очень многое. И если я не потороплюсь, то оно слишком быстро закончится.

Первые несколько секунд мной овладела паника. Я едва не кинулась метаться по дому. Даже в тусклом свете свечи было видно, что раны у человека, лежащего на моей кровати слишком серьёзны.

Рука дрогнула, и горячий воск упал мне на кожу, моментально приводя меня в чувство. Подойдя ближе, поставила свечу на табуретку около кровати. Домик у меня был небольшой, так что далеко ходить за зельями нужды не было.

Мне нужен был доступ к телу, поэтому одежду пришлось кое-где снимать, а кое-где и вовсе срезать. Правда перед этим я вылила целый флакон очищающего зелья на раны, а после, практически через минуту влила в рот зелье высшего исцеления. Конечно, утраченную конечность оно не восстановит, но с ним хотя бы есть шанс, что человек выживет. Он, кстати, был без сознания, но зелье послушно вылакал.

Вот после этого я его полностью раздела, обтёрла тёплой водой, проверяя, нет ли ещё каких ран. Затем принялась уже более вдумчиво очищать раны на груди и всё ещё немного

кровоточащую культю. Раны были под самую завязку залиты мною зельями восстановления, исцеления, заживления и регенерации.

Немного подумав, влила в него ещё одно зелье исцеления, правда не высшего, а среднего. Если подумать за пять минут я истратила почти две недели упорной работы. Одно зелье высшего исцеления чего стоит. Конечно, я не жалела, да и, честно говоря, толком ни о чём не думала, лишь только слушала есть ли дыхание, бьется ли сердце.

Зашивать раны не пришлось — столько зелий всё-таки сделали своё дело, и края благополучно стянулись. Естественно, ни о каком выздоровлении речи не шло. Хотя кризис миновал, и можно было более спокойно вздохнуть. Он точно сейчас уже не умрёт, если, конечно, не станет безрассудно вскакивать с постели или же ещё чего-нибудь в этом роде.

Хотя была ещё одна проблема. Такое резкое улучшение состояния — а учитывая, что ещё пару минут назад это тело готовилось прекратить свою функциональность, то улучшение для него серьезное — не могло пройти безнаказанно. Конечно, зелья почти восполнили потраченную организмом на ускоренное восстановление энергию, но этого всё равно мало. Так или иначе, но такие ускоренные лечения чаще всего не рекомендуются без крайней необходимости, а всё потому, что организм сильно перегружается, даже, несмотря на магические плетения или магические зелья исцеления.

Если бы он сейчас пришел в себя, то кроме тупой боли в ранах чувствовал себя так, словно пахал поле весь день, причём выступал в качестве тяглогого мула для плуга.

Люди получают энергию в основном из воды и пищи, поэтому я быстро поставила вчерашний суп на почти потухшую печь. Быстро затолкав в печь дров, разожгла огонь. Мне надо хотя бы немного его накормить. Твёрдую пищу пока что не надо, а вот дать ему выпить бульона самое то. Лучше бы подождать с едой до завтра, но его организму сейчас нужна энергия.

Когда дрова в печи разгорелись и весело затрещали, я закрыла дверцу и встала с колен. Осмотрев свои полки, быстро взяла ещё парочку лечебных зелий. Они слабые, не должны слишком сильно сейчас нагружать его организм, но и помочь могут. Поставив их на табуретку, на которой стояла уж свеча и небольшой таз с водой, вспомнила, что у меня на полу творится чёрти что.

Уборка заняла немного времени. Я прислушивалась к своему гостю, понимая сейчас, откуда он взялся. Все было как-то странно и слишком уж невероятно, но я пока решила не думать об этом.

Прибравшись, схватила со стола пирожок и впила в него, понимая, что я просто смертельно голодна. Медленно прожевав его и утолив голод хотя бы немного, вернулась к кровати. Света от свечи было мало, поэтому не поленилась и подождла ещё одну.

Я рассматривала того, кто снился мне так долго. От оранжевого света свечей, кожа его казалась какой-то слишком смуглой, а дрожащие тени слишком сильно заостряли черты лица. Глаза его по понятным причинам были закрыты, поэтому цвета их я пока что узнать не могу.

Взяв самодельный бинт, принялась осторожно перебинтовывать то, что осталось от руки. Зелья полностью впитались в тело, а на месте ещё недавней раны появилась тонкая пленка, которая совсем скоро сменится молодой кожей, но даже так, оставлять такие уязвимые места незащищенными не стоит — одно неаккуратное движение и все старания могут пойти насмарку.

Волосы его были не длинными, скорее по плечи и очень грязными. Голову я проверила,

как и все остальное тело — ран там нет, что уже хорошо. Понять какого цвета у него волосы не удавалось. Но точно не брүннет. Что-то светлое.

Скулы острые, а подбородок выдавал в нем изрядного упрямца. Нос ровный, аккуратный, губы тонкие и плотно сжаты. Мой ночной гость был очень высок, хорошо сложен, не худой, но, пока обтирала его, успела заметить, что мышцы у него на месте. Ноги длинные, плечи широкие, как и грудь.

Ещё раз осмотрев совершенно обнажённого мужчину у себя на кровати, задержала на мгновение взгляд в паху — скажу честно, бог его явно наградил дальше некуда. От этих мыслей щеки на мгновение вспыхнули, но я быстро задавила в себе смущение. Так вот, тело и лицо у него были хоть и очень красивыми, но кое-что со всем этим сильно не вязалось.

Уши.

Спросите причём тут уши? При всех своих достоинствах и несомненной привлекательности, он на эльфа совсем не тянул. Но длинные уши упорно говорили о том, что лежащий на моей кровати, принадлежит к этому народу.

Полукровка? Нет, насколько я знаю, полукровки от эльфов получают почти людьми, да и уши у них совсем коротенькие. Здесь же полноценные эльфийские уши.

Хотя чему я удивляюсь?

Перебинтовать грудь у меня не вышло бы при всём моём желании — поднять эльфа с кровати для этого я бы ни смогла, даже если очень сильно захотела. Но это не помешало мне наложить сверху бинтов и накрыть его покрывалом.

Кормить его пришлось очень долго. Глотать эльфу явно было сложно, но у него явно хорошо работало самосохранение. Организму нужен был строительный материал, поэтому он, даже без сознания, испытывая боль, послушно глотал.

Когда пациент был накормлен, немного подлечен, чуток умыт, я глубоко вздохнула и взяла его уцелевшую руку в свою. Я стояла над ним, щурилась от тусклого света и понимала, что всё в этом мире, да не только в этом не случайно. А мы либо заложники какого-то проведения или же судьбы, а то и вовсе просто пешки в чьей-то сложной и многоходовой игре.

На левом запястье такого совсем не стандартного эльфа красовался брачный браслет. И нет, не металлический, а такой же, как у меня. Рисунок немного отличался, конечно, но основа была та же. Даже дурак, увидев мои браслеты и его, сразу же поймёт, что они из одного комплекта.

Осторожно положив его руку на кровать, села рядом с ним, смотря на подрагивающее пламя свечи.

Что ж, зато теперь личность неизвестного пациента раскрыта. Я хмыкнула. Даже имя у него совершенно не эльфийское — Охтарон. Что-то про воина, да. То ли воитель, то ли воинственный. Кажется, первое. И это имя дано светлому магу жизни. Кстати, наверное, именно благодаря своей магии такие страшные раны его сразу не прикончили.

Интересно, что делал пусть и младший, но всё-таки сын Светлого Князя эльфов на войне? Почему ему так сильно досталось? А ведь если вспомнить все ночи, в которых он мне снился, то он явно куда-то двигался. И не один. Куда шёл? На войну? Тогда почему так долго? От земель эльфов до тех мест, где бушует сейчас война не так далеко.

Я моргнула, ощущая, что просто очень сильно устала. Оказалось, что это короткое время, которое я провела, суется вокруг Охтарона, все соки из меня будто выжали. Глаза

слипались, а тело наливалось тяжестью и усталостью.

Окинув ленивым и медленным взглядом эльфа, вздохнула. Увы, но моя кровать не предназначена для того, чтобы на ней мог разместиться кто-то вроде него, да ещё и я придачу. Да и ложится рядом не самая лучшая идея. Начать хотя бы с того, что эльф серьёзно ранен и ему сейчас крайне нежелательно шевелиться.

Проверив ещё раз состояние эльфа, покивала сама себе — всё просто отлично. Сегодня он точно не умрёт.

Вытащила из сундука толстое одеяло, постелила его прямо на полу. Там были ещё шкуры, поэтому я сильно не волновалась, что протянет. Дрова в печи почти догорели, поэтому чуть прикрыла заслонку, чтобы всё тепло из дома не втянуло. А потом завалилась на расстеленное одеяло, укрываясь ещё одним. Свечи я поставила на стол. Одну затушила, а другую оставила.

Я лежала на боку, и смотрела в сторону кровати. Видеть эльфа из своего положения я не могла, но, даже закрыв глаза, слышала его тихое и чуть хриплое дыхание.

За окном снова начался дождь. Или же он и не заканчивался? Не помню. Недалеко протяжно завывали, а где-то вдалеке подхватили этот вой. Вервольфы снова рядом околачиваются. После связывания они постоянно где-то поблизости, на грани восприятия.

Вдали что-то громыхнуло. Я лениво удивилась, находясь почти на грани сна. Странно, в это время гроз нет, как и грома. Есть только бесконечный, серый дождь. Унылый и холодный. А тут что-то грохочет. И это что-то смахивает на гром.

Дрова в печи, догорая, уютно потрескивали, как и свеча, которая время от времени выбрасывала вверх несколько искорок, которые, впрочем, практически сразу гасли.

Мысли вяло шевельнулись в сторону того, как мне удалось перенести эльфа с того места, где он был сюда.

Если подумать, наши браслеты на запястьях, говорят о том, что наш такой странный союз одобрили боги. Сейчас я могла думать об этом без прежней горечи и обиды. Изменить ничего нельзя, а значит, надо искать то, что будет для меня лучше. Эгоистично? А почему нет? По сути, у меня в этом мире нет никого по-настоящему близкого. Люди? Ну, они, конечно, важны, но всё-таки они посторонние. Кормилица? Да, важна, но сейчас её это всё совершенно не касалось. А больше ведь и нет никого.

Так вот, боги одобрили. А это значит, либо я, либо он, либо наш с ним союз для них чем-то важен. Вполне может выйти, что перенесла вовсе не я, а эти существа, которые тут выполняют функцию божеств. Почему я так о них отзываюсь? Ну, я что-то сомневаюсь, что создатель всего сущего стал бы тратить время на нечто подобное. Хотя, кажется, хелг говорил, что боги тут всё-таки миры создают и всё такое. Так может и правду боги. Ладно, не будем об этом.

Если перенесли не боги, то это мог сделать хелг, либо же всё провернула я сама. А что? Мало ли какими способностями меня одарили. Может, я могу делать нечто вроде порталов одним лишь усилием воли. Или же могу делать такие проколы. Говорят же наш пространство, словно лист бумаги и если его согнуть пополам и проткнуть, то можно попасть в другое место. Хм, теория червоточин? Не помню совершенно. В голове вспыхивает только рисунок, как это все выглядит, а вот информация почему-то ускользает.

Так вот, если я всё-таки вытащила его сама, то уж наш брак и мои сны явно проделки богов. Для чего это им? Кто из нас так важен для истории, что с вокруг нас столько возни?

Я даже немного помолчала мысленно, будто и в самом деле надеялась, что мне ответят.

Но, понятное дело, никто мне не ответил.

Я почти уснула, но усталый мозг продолжал, будто заезженную пластинку крутить в моей голове образ Охтарона. Было столько вопросов, но я сомневалась, что хотя бы на некоторые из них ответят. Помня высокомерия обычных эльфов, я уж содрогалась от того, чего мне ждать от Охтарона, сына Светлого Князя. Там, поди, самомнение с Эверест. С другой стороны судить по двум эльфам и многочисленным рассказам всё-таки не стоит.

Зевнув, прислушалась. Дыхание эльфа стало почти ровным, а значит, ему, несомненно, лучше. Не представляю, как он отреагирует на потерю руки. Я помню одно зелье, которое помогает вернуть утраченные конечности, но оно настолько сложное, что с моими нынешними умениями я смогу сварить его не меньше чем через пару лет. А ещё есть одно заклинание, утерянное, кстати. Но я совсем не маг. А его сил точно на это не хватит. Хлопнув пару раз глазами, легла на спину и ощутила, как меня уносит.

— Ну, хотя бы мужа своего увидела, — прошептала я в потолок. А после и вовсе уснула. Да так резко, будто просто провалилась в тёмную, бездонную яму беспомощности.

Утром меня разбудил стук в дверь. Подскочив, спросонья чуть не упала. Совсем не ожидала, что я лежу не на привычной уже кровати, а на полу. Поначалу даже не поняла, чего это я легла на пол, но потом воспоминания быстро дали о себе знать.

Метнувшись к кровати, проверила — жив ли Охтарон. И только когда уловила чуть хриловатое дыхание, немного успокоилась и пошла к двери.

— Госпожа, я пришла прибраться.

— А где Ингрид? — я даже немного высунулась из проёма, но старой кормилицы по близости не было. Обычно она приходила вместе со служанками и немного помогала мне. Конечно, женщина уже привыкла, что меня обслуживать по-старому совсем не нужно и многое я могу сделать и сама, но всё равно приходила. Я, конечно же, не было против.

— Она просила простить её, но у Милки сын чуток захворал, и она понесла ему одно из ваших зелий. Мне кликнуть её?

— Не стоит, — отмахнулась я. — Мальчик сильно приболел? — спросила, заходя обратно в дом. — Растопи печь. Мне горячая вода нужна. А ещё поставь варить птицу. Бульон нужен.

Девушка, имя которой было Льюва, с любопытством осмотрелась и естественно сразу же заметила, что моя кровать не пуста. Она ойкнула, но промолчала, хотя взгляд стал таким масляным, что мне не надо было долго гадать, чего именно там себе в голове навывдумывала девушка.

Я строго глянула на неё, и только когда она снова ойкнула и поторопилась выполнить поручения, подошла к кровати.

Откинув покрывало, аккуратно убрала бинты с ран и осмотрела их. Ну, уже намного лучше, хотя температура всё-таки есть. Ничего, сейчас поест, примет новую порцию зелий, и я уверена завтра точно очнётся.

— Дверь чуть приоткрой, пусть проветрит.

Накинув на эльфа одеяло, пошла умываться. Воды горячей пока что не было, хотя желание хотя бы обтереться было слишком большим. Видимо, ночью отчего-то вспотела.

Льюва приоткрыла дверь на улицу, а потом и сама вышла. Но очень быстро вернулась вместе с охапкой поленац.

— Вы сегодня припозднились, госпожа.

— Неужели?

Льюва хитро стрельнула в меня глазами, а потом глянула на кровать.

— За тучами солнца не видно, но рассвело давно.

Я не стала ничего говорить. Ни к чему. Перебрав зелья, подумала, что нужно сегодня пополнить кое-какие из них.

В комнате стало прохладно. Подумав, что дом уже достаточно проветрился, закрыла дверь. Запах дождя ощущался так отчётливо, что я непроизвольно вдохнула полной грудью.

Льюва, видимо, расстроенная, что я не иду на контакт, молча натаскала воды, потом притащила уже ощипанную птицу, сунула её в котелок. В другую кастрюлю налила воды, помня, что я просила.

Я не смотрела на неё, чтобы не нервировать девушку. Но всё равно видела, что та изредка косится на меня. Да, я стала замечать, что люди порой странно на меня реагируют. Даже спросила у Ингрид, отчего же. На что старая кормилица ответила, что ощущаюсь я по-другому, нежели все остальные. Конечно, люди по-прежнему любят меня, благодарны мне, но моя молчаливость, некоторая замкнутость, непохожесть на ту себя, что была до всего этого, немного настораживает людей.

Думаю, что тут ещё играет роль сила, дарованная мне хелгом. Не обделённые ведовским или же магическим даром люди на самом деле ощущаются совсем не так, как люди лишённые подобной силы.

Ингрид бывало пыталась выпытать у меня, почему я так изменилась, ведь раньше была такой славной девочкой. На что я просто молчаливо отводила глаза, вздыхала и говорила, что времена сейчас не те, чтобы быть просто «славной девочкой».

Кормилица качала головой, смахивала редкие слезы и говорила, что всё непременно будет хорошо. Я кивала, соглашаясь с ней.

Закончив с печью и водой, Льюва повернулась ко мне.

— Прибраться, госпожа?

— Не стоит. Сегодня мне некогда, так что можешь идти. Зайди через час, заберешь вещи на стирку.

— Как скажете, госпожа.

Льюва, поклонилась и выскользнула наружу, тихо прикрывая за собой дверь. Уверена, через пятнадцать минут все будут знать, что доме у меня обнаружился неучтённый мужчина. Да не просто обнаружился, да ещё и находится сейчас в постели. Я даже слегка усмехнулась, представляя, какие догадки будут строить люди и до чего додумаются.

Подождав пока вода немного нагреется, скинула с себя ночное платье и с удовольствием обтёрлась. Можно было и помыться, но нагреть столько воды весьма проблематично, поэтому водные процедуры приходится пока что сокращать. Почистила зубы порошком собственного производства, умылась, привела волосы в порядок, а потом и оделась в чистое платье.

На улице, судя по всему, было по-прежнему непролазно из-за дождя. Вроде, когда пришла Льюва, было вполне себе тихо. Выглянув на улицу, убедилась, что там снова самый натуральный ливень. Температура совсем упала. Ещё немного и она попросту достигнет нуля. На моей памяти такие сильные дожди шли лишь единожды, когда мне было лет пятнадцать. Помню, тогда пришлось весь сезон дождей сидеть в замке.

Вода в котелке закипела. Посолила птицу, решив добавить немного травок, но чуть позже.

Подойдя к кровати, откинула одеяло и стала протирать эльфа. Ему бы голову вымыть, но шевелить его пока что не стоит. Вот вечером можно будет и приподнять, и даже повернуть на спину, сейчас же лучше воздержаться.

Аккуратно протерев всё, до чего могла достать, вылила воду на улицу, а тряпки бросила к платью, которое нужно было выстирать. Когда выплёскивала воду, то неожиданно сама для себя смутилась. Всё-таки я хоть теперь и кто-то вроде врача, но видеть обнаженное тело мужчины немного смущает. Тем более, когда этот мужчина хорошо сложен, да ещё является эльфом и по совместительству твоим законным мужем не только перед людьми, но и перед богами.

После замазала раны густым зельем. Они, кстати, могут быть не только в виде жидкости, но и в виде кашицы или же мази. Сейчас, когда раны покрылись тонкой кожицей, то можно применить густое зелье. Эффект от них чуть слабее, но благодаря тому, что они дольше остаются на одном месте, то это ускоряет заживление.

Внимательно осмотрела раны, удостоверившись, что всё идёт очень хорошо. В себя эльф не пришёл по одной простой причине — организм, подстегиваемый зельями, старается максимально ускорить регенерацию повреждённых тканей, а работающее сознание начнёт тормозить этот процесс. Именно поэтому организм пока не даёт эльфу очнуться. Но, когда ситуация выровняется окончательно и организму нужно будет чуть меньше усилий, тогда сознание включится.

Когда птица почти сварилась, добавила в него немного травок, так, для укрепления иммунитета, ничего серьезного. Да и вкуснее с ними. Потом налила бульон в чашку, поставив остывать.

Пришла Льюва, забрала грязную одежду. Следом за ней прибежала Ингрид.

— Госпожа, что же это?

Она была красная вся и явно запыхавшаяся, словно всю дорогу бежала.

— Что не так? — спросила, за руку подводя кормилицу к табуретке и сажая её.

Ингрид тут же посмотрела на кровать и снова заохала, запричитала о том, что совсем такое неуместно.

— Я у Милки была, а тут мне рассказывают, что вы, госпожа, мужчину в доме у себя привечаете, да ещё и до постели его допустили. Это как же так? Что же ваш батюшка о вас подумает там?

— Ингрид, перестань. Ты же понимаешь, что всё это ерунда. Неужели ты думаешь, что мужчина бы просто до сих пор спал бы в кровати? Время то уже сколько. Льюва была у меня больше часа назад. А мужчина как спал, так и спит. Неужели тебе не кажется это странным?

— Кажется, — чуть подумав, отозвалась женщина, а потом встала и подошла к кровати. — Ох, ты, благослови нас всевышние создатели! Где же вы со вчерашнего вечера, девочка моя, нашли этого бедного страдальца?

Ингрид хватило одного взгляда, чтобы всё понять, да и не сложно это было. Эльф действительно выглядел больным. Хорошо хоть не умирающим.

— Это не так важно, дорогая нянюшка, — иногда я так называла Ингрид, так как женщина действительно провела со мной всю жизнь и часто в детстве нянчила. — Но это не самое главное.

— Что же ещё? — спросила она, рассматривая лицо эльфа. — Так и не человек это, эльфа настоящий.

— Да, — кивнула я, соглашаясь, а потом подошла и подняла его левую руку. — А ещё муж это мой законный. Так что даже если бы он не был больным, то имел бы полное право быть в моей постели. Так и скажи тем, кто станет злословить.

В то, что такие люди обязательно найдутся, я была уверена. Люди просто так устроены. Я хорошо знала, что сделай людям добро сотню раз примут за должное, но стоит один раз оступиться, сразу же налетят стервятники. Конечно, не все такие, но многие. А мне напряжение в будущем поселении совсем ни к чему.

Я немного врала. Если бы эльф был здоров, то вряд ли бы он оказался в моей постели. Да и не думаю, что я вот так просто впустила бы его, даже если бы он отчего-то бы воспылал таким желанием.

Ингрид глянула на меня, на эльфа, а потом запричитала с удвоенной силой. Замолчала она всего на пару минут, и то, только для того, чтобы лучше рассмотреть наши браслеты.

Ушла она после того, как я накормила кое-как Охтарона. Потом помогла его перебинтовать. Поднимать его я пока что не решилась, поэтому просто наложила повязку на груди поверх раны, забинтовала культю, и накрыла его снова одеялом.

Варить зелья не стала, опасаясь, что Охтарон или очнётся или же пошевелиться, на что я обязательно отвлекусь и попросту испорчу ингредиенты. Не хотелось бы впустую выбрасывать то, что достать и обработать не так уж и легко.

Целый день я маялась тем, что не знала, куда себя деть. Настроение скакало. То я была, чуть ли не окрылена размышлениями о будущем, то удручена снова из-за будущего.

В голове постоянно прокручивались фразы для будущего диалога с мужем. Сотни вопросов всплывали и тонули под другими вопросами. Я пыталась придумать, что именно нужно узнать первым, а какие вопросы оставить на потом.

Несколько раз меняла повязки, убеждаясь, что всё идёт очень хорошо. Температуры больше не было, дыхание снова стало ровным, цвет лица выровнялся и даже исчезли тени под глазами, а губы перестали быть синюшными.

Чтобы хотя бы немного себя занять, принялась сортировать засушенные травы. Некоторые из них растерла в порошок, некоторые бросила в горячую воду, другие просто замочила, а четвёртые растерла и смешала с маслом. В общем, делала из них полноценные ингредиенты. Конечно, до полной готовности им ещё далеко — кроме истолченных — их можно применять и так.

Время тянулось и долго и быстро. Сходила ненадолго проведать сына Милки. Люди на меня косились, но спрашивать ничего не стали. Хотя одна девочка лет трех спросила, правда ли то, что мой муж вернулся. Либо это детская наивность, либо взрослым интересно, но открыто спросить меня боятся, вот и подослали ребёнка, которому я ничего не сделаю. Собственно, и взрослого я казнить бы не стала, но и отвечать ему тоже. Ребёнку же ответила утвердительно, потрепав по светлым волосам.

Дома перекусила пирожками, запив их совсем не вкусным, но очень полезным отваром. Даже не скривилась при этом.

Вечером, убирая бинты с ран, чтобы обработать их перед сном, услышала едва различимый стон. Замерев, вскинула взгляд. Сердце отчего-то забилось немного быстрее.

Эльф что-то прохрипел, коротко облизал, видимо, пересохшие губы, а потом медленно открыл глаза.

Я вышла из дома, и устало присела на крохотную скамеечку, которая стояла недалеко от двери. Дождь по-прежнему шёл. Был уже глубокий вечер, почти ночь. Ещё полчаса и на улице окончательно стемнеет.

Поежившись, обхватила себя руками. Заметив, что подол платья ещё немного и окунется прямо в грязь, осторожно приподняла его. Хорошо в этом мете есть небольшой выступ, иначе сидеть на улице было бы совершенно невозможно. По такой слякоти особо не погуляешь, но и сидеть целыми днями в доме тоже радости не добавляет.

Сквозь шум дождя расслышала шаги. Повернула голову в ту сторону. Через минуту заметила высокую фигуру Бьярде. Почему-то только он один из всех вервольфов разговаривал со мной.

— Что-то случилось? — спросила, осматривая напряжённую фигуру Бьярде.

— Госпожа... — начал вервольф, но словно споткнулся, замолчав.

— Говори, — вздохнула, прикидывая, какие снова могут быть неприятности и чем это мне может грозить. На ум ничего не шло.

— Ваш запах... изменился. И в вашем доме есть кто-то, кого мы раньше с людьми не ощущали.

Я удивлённо вскинула брови. Надо же, вот это у них нюх. Хотя... Я втянула воздух, прикрывая глаза. Своими способностями я особо не пользовалась, так как заметила, что если ими сильно увлечься, то начинает болеть голова. Конечно, видела я лучше людей, но вот если специально присматриваться, то глазные яблоки, через какое время начинают ощутимо побаливать. Также я со слухом и нюхом.

Так вот в воздухе действительно едва уловимо ощущался запах эльфа, а ещё крови, но это все сильно забивалось различными запахами трав, зелий и вождя.

— Это мой муж, — не стала я скрывать о Бьярде правду. Всё равно ведь узнают. Если он и удивился, то ничего не сказал, лишь кивнул и повернулся, видимо, посчитав, что большего ему знать и не надо. — Постой.

Бьярде замер, а потом повернулся ко мне. На его лице так и читался немой вопрос.

— В Вильхельме растёт золотой контин?

Вервольф нахмурился, сосредоточенно размышляя.

— Может быть. В этом лесу вообще много чего растёт. Как именно выглядеть растение, которое вам нужно.

Теперь настала моя очередь задуматься. Вот как объяснить, как именно выглядит вполне себе обычный куст?

— По запаху узнаешь, если принесу? — спросила, поднимаясь. Совсем уже продрогла, так что пора и домой. Тем более, на улице вообще стемнело.

Бьярде кивнул. Вдалеке раздался вой. Вервольф на это тревожно бросил взгляд в сторону леса. Ага, там что-то происходит, раз он так сегодня торопиться от меня уйти.

— Что там? — всё-таки спросила.

— Волчья свадьба.

Ну, понятно, веселятся, значит. Только вот веселья во взгляде Бьярде совсем не было. Я хотела уже спросить, что не так с этой свадьбой, но не стала. Войдя в дом, бросила взгляд на

кровать и, убедившись, что эльф спит, полезла в свои запасы.

— Вот, — сунула Бьярде под нос высушенную веточку. — Это золотой контин. Растёт? Вервольф забавно сморщил нос и чихнул, отодвигая от себя мою руку с веткой.

— Растёт, правда, далековато отсюда. Если вашим шагом, то с месяц идти надо, если нашим, за день можно дойти.

— Мне нужен корень этого растения. Я могу тебя попросить принести мне?

— Может, вы с нами пойдёте? Просто это растение распыляет вокруг себя пыльцу. Наш нос очень чувствителен к этому растению.

— И какие симптомы? — спросила заинтересованно.

— Поначалу чихаем сильно, глаза слезятся, во рту появляется неприятный привкус, потом нос начинает внутри болеть, затем, распухает. К чему может привести, если нюхать долго, я не могу сказать. Но знаю, что минут десять рядом с этим растением лишают нас нюха на две недели.

— Ого, — я по-другому посмотрела на засушенную веточку у себя в руках. — Ну, если так, то, конечно, я пойду с тобой. Только месяц, это слишком долго.

— Не волнуйтесь, вы лёгкая. Я понесу вас, и мы доберемся за день. Как соберетесь, просто позовите меня.

— Хорошо, спасибо тебе. Я могу чем-нибудь одарить тех, кто вступает сегодня в брак?

Бьярде снова удивился, потом задумался.

— Было бы хорошо, если бы вы были там, но волчьи свадьбы слишком опасны не только для людей, но и для любого постороннего. Но если вам хочется чем-то отдариться, то одного вашего зелья будет достаточно. Любого, главное, что в нём ваша сила.

Быстро прикинув в уме, что у меня есть и с чем я могу безболезненно расстаться, вернулась в дом.

Эльф на кровати зашевелился. Положив ветку на стол, подошла. Спит.

Не став задерживаться надолго и заставляя себя ждать, собрала с десятков разных зелий. Таких у меня было достаточно, поэтому без сожалений уложила их в корзину и накрыла тканью.

— Возьми, — сунула корзину в руки Бьярде. Он, поняв, что там не одно зелье, попытался вернуть, но я лишь вздохнула и пошла домой. — Передавай им от меня пожелание счастливой жизни.

Перед тем, как закрыть дверь, я услышала слова благодарности.

Снова поёжившись, подкинула дров в печь, хотя в доме вроде как было и тепло. Пройдя к кровати, присела на табуретку и стала наблюдать за причудливой игрой света и тени, на светлой коже Охтарона.

Когда он проснулся пару часов назад, я так растерялась, что не знала, что мне делать. Но потом быстро взяла себя в руки. Вспомнив, как облизывал губы, тут же протянула ему чашу с водой.

Эльф, надо отдать ему должное, моментально сообразил, что ему предлагают живительную влагу, поэтому буквально присосался к чашке и отлип от неё только тогда, когда она опустела на треть.

Откинувшись на подушку, он что-то произнёс, но я его не поняла. Судя по всему он говорил на своём, на эльфийском, а может и вовсе на высоком. Я, конечно, немного знала, но только книжный, а не разговорный. И то, так, пару десятков слов, не больше.

Он снова открыл глаза, а я в это время попыталась определить их цвет. Почему-то ещё с

тех пор, как я видела его с изнанки, мне хотелось знать, какого они у него цвета. Но даже сейчас, при тусклом свете, определить с точностью я не смогла. Кажется, зелёные. Полагаю, это совсем не удивительно. Эльф мне попался какой-то и стандартный и нестандартный в одно и то же время.

Поняв, видимо, что я его не понимаю, Охтарон попытался сфокусировать взгляд на мне, что получалось у него довольно плохо. Глаза то и дело закрывались, да и были подернуты едва заметной дымкой, словно он не до конца проснулся.

— Кто? — всё же спросил. Голос его я уже слышала, но даже сейчас от его звучания у меня мурашки по спине побежали.

Знаете, бывают такие голоса, которые слышишь и понимаешь, что они просто не похожи на все остальные. Такие голоса будто вибрируют, задевая что-то глубоко внутри. Запоминаются надолго, если не навсегда. Вот и Охтарона был такой голос. Его не портила даже хрипота, наоборот, придавая ему ещё большую привлекательность.

— Вы ранены, — я прикусила губу. Почему я так волнуюсь? Мне почему-то немного страшно, но в тоже время, я бы не хотела сейчас быть нигде больше. — Вы помните? Вас сильно ранило.

Эльф нахмурил светлые брови, а потом неуверенно кивнул.

— Я лечу вас. Вставать вам пока нельзя, — Охтарон хотел ещё что-то сказать, но я лишь покачала головой. — Не стоит говорить. Берегите силы, так вы быстрее поправитесь. Сейчас я дам вам зелий, вы должны выпить. К сожалению, магов лекарей, по близости нет, и не придвинется, поэтому есть только я.

Охтарон проследил чуть прояснившимся взглядом за тем, как я встала, взяла несколько бутылочек и вернулась к постели.

— Вы...

Я только сейчас поняла, что и в первый раз он спросил не о том, что с ним и где он, а о том, кто я.

— Я ведунья. Вам не стоит волноваться, я хорошо знаю своё дело. Моё имя Ульрика, — сказала и почему-то с замиранием сердца глянула на эльфа. Но тот совершенно не изменился в лице, просто смотрел пристально, будто пытаюсь запомнить каждую черту моего лица. Сказать, что подобное меня смущало, не сказать ничего, но я невозмутимо открыла флакон.

После того, как пациент выпил все зелья, которые я ему дала, то я решила, что его нужно ещё накормить. Эльф безропотно принимал пищу у меня из рук и при этом совсем не выглядел ни высокомерным, ни напыщенным. Взгляд его почти ничего не выражал, он просто пристально смотрел, будто хотел высмотреть во мне что-то.

— Я хотела бы вас сразу предупредить, что правой руки вы лишились.

Охтарон отреагировал так, будто я сообщила ему новость о смене погоды. Во взгляде на мгновение пронеслось сожаление и боль, но почти сразу его взгляд снова стал прежним.

— Если у вас есть сильные маги лекари? — спросила, так как знала, что есть весьма сложно плетение, направленное на отращивание утерянных конечностей.

Охтарон покачал головой.

Я кивнула, убирая пустые склянки, чашку из-под бульона и остатки хлеба, который я макала в бульон.

— Я так и подумала.

Говорить о том, что я через пару лет вполне могу сварить зелье для того, чтобы

восстановить ему руку, не стала. Мне показалось, что в его глазах сейчас это прозвучит пустым бахвальством.

— Спице, — заметив, что глаза Охтарону держать стало сложно, сказала и укрыла его поверх покрывала ещё и лёгким одеялом. — Всё меняется и возможно однажды всё будет лучше, чем мы можем себе представить.

Не знаю, слышал ли он мой тихий голос и последние слова, так как кажется, почти сразу заснул, но мне почему-то упорно хотелось сказать это.

Я наблюдала за ним ещё некоторое время. Завтра он проснется, и будет чувствовать себя куда лучше и, конечно же, ему понадобятся ответы на вопросы, которые возникли бы у любого на его месте. Что ему говорить? Правду? А какую? Я ведь и сама толком ничего не знаю. Может, просто всё рассказать, и всё. Да и правильно, зачем мне что-то скрывать? Я ведь ничего не сделала, чтобы пытаться выдумывать небылицы. Поверит — хорошо. Не поверит — его дело. Доказывать ничего не буду!

Покружив немного вокруг стола, прибралась, постелила себе снова на полу. Заглянула в котелок, убеждаясь, что завтра надо будет варить новый бульон. Пересчитала зелья, вздохнула и вышла на улицу. Мне просто необходимо было немного проветриться, нагулять, так сказать, сон свежим воздухом. После такого обычно лучше всего спится.

Я встрепенулась, поняв, что так погрузилась в воспоминания о недавних событиях, что чуть не уснула, сидя рядом с кроватью. Встала, потянулась, подумала немного и решила, что пора идти спать. Быстро переодевшись, затушила свечи и легла на пол, тут же заворачиваясь в одеяло, будто в кокон. К чему меня всё это приведёт? Неизвестно.

Охтарон снова чуть пошевелился на кровати. Я насторожилась, но, не услышав больше ничего, расслабилась.

Завтра будет новый день, и он принесет с собой много вопросов. Хорошо бы вместе с ними получить ещё и какие-нибудь ответы.

Утром встала рано. Почему-то совершенно не спалось. Не сказать, чтобы я волновалась, но было такое странно-знакомое чувство, которое совершенно не давало спать. Помню, когда-то в детстве, перед каким-нибудь важными для меня событиями я точно так же плохо спала и утром подскакивала ни свет ни заря, будто старалась приблизить «момент истины».

Придирчиво оглядев дом, пришлось признать, что убирать тут нечего. Травы тоже были все разобраны, подготовлены, хоть сейчас зелье вари. Я бы с радостью, вот только, больше чем уверена — Охтарон проснётся в самый неподходящий момент. Портить редкие ингредиенты не хотелось. Но и ждать его пробуждения не было никаких сил.

Через какое-то время прискакала Льюва. Я вздохнула с облегчением. Оставила её дома приглядывать за больным и, подхватив зелья и плащ, выскользнула на улицу. Нужно некоторым детишек проведать. Иммунитет у них слабый, а эта сырость только ухудшает и так слабое здоровье. Рано? Ничего страшного, не ночь ведь.

В итоге меня нашла Ингрид часа через два, когда я уже спокойно попивала чаек за столом в окружении женщин, которым давала советы, какие и когда давать зелья. Некоторые из них я раньше не варила, но была в них полностью уверена. Обычно я не очень люблю вот так сидеть и просто разговаривать с людьми, тем более видно, что все они смотрят на меня со странными выражениями. Но сейчас мне нужно было хотя бы чем-нибудь забить время.

Приход Ингрид я встретила одновременно и с облегчённым вздохом и с внутренней дрожью.

— Госпожа, проснулся.

Я вздохнула, поставила чашку на стол и встала. Женщины тут же уловив смену настроения, пожелали мне всего доброго, поблагодарили и как-то так незаметно разошлись.

— Давно? — спросила, накидывая на плечи плащ.

— Нет. Как только проснулся, я сразу к вам поспешила.

Я не рискнула оставлять Охтарона с одной только Льювой, всё же девушка была очень молода, и ей в голову могло прийти всё, что угодно. Именно поэтому я попросила присмотреть за своим пациентом ещё и Ингрид.

Чем ближе мы подходили к дому, тем сильнее у меня тряслись руки. Я старалась взять себя в руки, но ничего не выходило. Я отчего-то так разволновалась, что меня даже замутило. Хотя стоило двери открыться, как волнение попросту растворилось, оставив после себя странное и немного леденящее грудь равнодушие.

Льюва тут же подскочила со стула, на котором сидела и что-то втолковывала эльфу. Я заметила, как девушка отчетливо покраснела, перед тем как поклониться и отойти в сторону.

Скинув плащ, подошла к кровати и глянула на Охтарона.

Он лежал и хмурил светлые брови.

— Как вы себя чувствуете? — спросила, присаживаясь на стул. Убрав одеяло, а потом и плед, начала разматывать бинты на руки и убирать повязки на груди. — Только отвечайте максимально честно, чтобы я могла подумать о вашем дальнейшем лечении. — Добавила, подумав, что сейчас эльф начнёт уверять в своем полном здоровье.

Охтарон мельком глянул на меня.

— Это правда, что я в Вильхельме?

Теперь я нахмурилась, мельком глянув на притихшую в углу Льюву. Девушка под моим взглядом вспыхнула.

— Льюва, поставь воды на печь. Ингрид, помоги, пожалуйста, ей. А потом оставьте нас.

— Вам не нужна будет помощь госпожа? — спросила Ингрид, сноровисто вытаскивая большой котелок для воды.

Льюва же мигом подхватила ведро и змейкой выскользнула наружу.

— Нет, я сама справлюсь. Спасибо, — я мягко улыбнулась кормилице, возвращая свой взгляд к Охтарону. — Это правда. Вы сейчас в Вильхельме. Вернее, в долине, которая находится между Вильхельмом и горами Хальдор. Но долина эта тоже относится к лесу. А теперь скажите, как себя чувствуете? Давайте, мы сначала решим с вашим лечением, а потом уже будете задавать вопросы, — быстро проговорила последние слова, так как заметила, что эльф явно не удовлетворён моим ответом и хочет знать больше.

Как только вернулась Льюва, и вода была поставлена на печь, они вместе с Ингрид ушли, оставив нас вдвоём.

— Голова болит, — начал Охтарон, тщательно прислушиваясь к себе. Тошнит, хотя хочется есть. Грудь болит, рука. Но не так уж и сильно, словно онемело все.

— Это хорошо, — я кивнула. Встав, выбрала зелья, которые сегодня буду ему давать и поставила все пузырьки на стол. Туда же положила мазь и чистые бинты. — Сейчас я оботру вас. А ещё мы помоем вам голову. Вставать вам нельзя пока, так же как и напрягаться. Даже просто садиться пока что не самая хорошая идея. Вы и так слишком быстро очнулись, хотя вашему телу просто необходим полный покой.

Я говорила и говорила, а сама в это время притащила котелок, воды в котором успела немного прогреться. Кипяток нам всё равно не нужен. Вместе с ним принесла большой таз и маленький.

На все мои приготовления и мельтешения Охтарон посматривал с молчалием. Меня даже немного начал нервировать пристальный взгляд. Глаза у него, кстати, и правда были зеленые. Светлые, светлые, будто разбавленная водой акварель. Но при этом они чуть поблёскивали от света и казались мне не менее пугающими чем глаза того же Бьярде. Хорошо хоть не светились и на том спасибо.

Одно дело обтирать бессознательное тело и совсем другое, когда владелец этого тела в полном сознании.

Охтарон то и дело дёргался. То ли хотел помочь мне, то ли наоборот помешать.

— Ваше ранение на груди было очень серьезным. Хотя поверхностно на ране уже образовалась тонкая молодая кожа, но стоит вам сильнее напрячь тело, как всё это откроется. Так что перестаньте. Или вы меня стесняетесь?

Во взгляде Охтарона не изменилось ничего. Я вообще не была уверена, что этот эльф способен на сильные проявления эмоций.

— Нет. Трите сильнее, ваши слишком осторожные поглаживания меня нервируют.

Я даже немного затормозила, а потом поняла — Охтарон просто боится щекотки. Но, конечно же, никогда в этом не признается. Чтобы подтвердить свою догадку, осторожно провела по боку. Как результат эльф снова дернулся, пытаюсь избежать контакта. Можно было предположить, что ему просто противно, но ведь когда я протираю ему плечи, тот не показывает никакого беспокойства.

— А вы ревнивы, — сказала и неожиданно для самой себя улыбнулась.

— С чего вы взяли? — спросил эльф и с подозрением прищурился.

— Говорят, те, кто боится щекотки, ревнивы.

— Впервые слышу о подобной ерунде. И я не боюсь щекотки.

Я не стала развивать эту тему, просто кивнула, принимая такой ответ. Все равно другого ответа от него точно не добиться. Да и ни к чему, я ведь и так вижу, что боится.

Чтобы хотя бы немного обтереть ему спину, мне пришлось изрядно попотеть. Но у нас всё получилось. Да и на то, чтобы просто помыть голову, ушло куча времени. Охтарону даже просто приподниматься было сложно, но всё-таки это нам удалось. Волосы у эльфа и правда были светлыми. Явный блондин. В прошлом мире его бы назвали платиновым блондином. Заодно и голову хорошенько прощупала. Небольшую царапину всё ж нашла. Видно, по голове ему тоже досталось.

Когда сводными процедурами было покончено, я устало села на стул и выдохнула. Всё-таки эльф не пушинка. Но долго рассиживаться не стала. Подхватила мазь и стала обрабатывать раны ею.

— И? — заговорил Охтарон, когда я перевязывала ему руку. — Как я тут оказался? Я точно помню, что был на границе в Долимийском королевстве. А это очень далеко от гор Хальдор. Да и даже если меня сюда привезли, я не совсем понимаю, зачем.

Сначала я закончила с перевязкой, потом укрыла эльфа покрывалом, затем нашла ему поесть.

— Некоторое время назад мне стали сниться странные сны, — начала я свой рассказ, подкладывая под голову Охтарона дополнительную подушку. Сделав это, набрала в ложку бульон и поднесла к его губам. — Мне снился человек. Вернее, я думала, что человек, а оказалось, что это не так.

Я кормила Охтарона, рассказывая о том, как так вышло, что он оказался после своего

ранения на много километров от своего прошлого местопребывания. По мере рассказа я видела, что тот все сильнее и сильнее хмурится.

Мне казалось, что он сейчас выкрикнет что-то вроде: «Так это была ты?!» Но ничего подобного он не сказал, просто ещё раз пробежался по моему лицу, словно выискивая что-то только ему известное.

После еды я напоила его зельями.

— И почему же это случилось с нами? — спросил он, когда, даже не поморщившись, выпил достаточно горькое зелье ускорения регенерации.

Я закусил губу с внутренней стороны, понимая, что час пробил. Подхватив его уцелевшую руку, приподняла её.

— Этот браслет, вы знаете, что это такое?

Охтарон мрачно кивнул.

— Да. Я читал в старых летописях, что раньше такими символами украшались руки тех, чей брак был благословен богами. Но я не совсем понимаю, почему они появились у меня.

Эльф выглядел задумчивым и изредка в его взгляде проскальзывало нечто похожее на недоверие и неуверенность.

— Может, это от того, что вы женаты? — спросила чуть более едко, чем планировала.

Охтарон бросил на меня взгляд, в котором на мгновение прорезалось так ожидаемое мною высокомерие.

— Будьте уверены, что я запомнил бы такую «малость» как собственная жена.

— Вы так уверены? Что ж, прошу вас обрадовать, не знаю как, но вы умудрились забыть, что у вас теперь такая вот «малость», как жена вполне себе есть.

Я совсем не хотела язвить или же выходить из себя, но последние месяцы, наполненные разными мыслями, видимо, дали о себе знать. Отчего-то остро навалилось осознание потерь. Близкие люди с того мира, отец из этого. Как-то в один момент я ощутила себя такой бесконечно одинокой, что захотелось плакать.

Охтарон хотел что-то ещё сказать, но, глянув на меня, запнулся.

— Вы что-то знаете? — спросил он. Мне даже показалось, что он удерживает себе от того, чтобы подскочить и не начать расхаживать по комнате.

Я кивнула, снова закусывая губу. Вздохнула поглубже, прогоняя неуместную сейчас меланхолию подальше. А потом просто закатала рукава платья, протягивая свои руки к нему.

— Это... — запнулся Охтарон.

Надо же, до этого даже то, что он лишился руки не вызвала в нём особых эмоций, зато сейчас я могла наблюдать весьма интересное выражение лица. Проще говоря, эльф явно был потрясен тем, что видел. Его глаза расширились, и даже рот немного приоткрылся в удивлении.

Если можно было, я бы точно рассмеялась, но понимала, что мой смех сейчас совсем не поймут, а если и поймут, то обязательно неправильно. Я и не заметила, что Охтарон немного приподнялся над кроватью. А потом рухнул обратно на неё, резко выдыхая и закрывая глаза. Не знаю, какие мысли были у него в голове, но выглядел он неважно. Я вернула на место ткань на руках, ожидая, что будет дальше. Интересно, что он сейчас думает? Какие предположения строит? Выходит, Охтарон и сам не знал, что женат? Как так вышло? И как жрецам удалось поженить нас без нашего присутствия?

— Расскажите мне всё, что вы знаете об этом, — открыв снова глаза, попросил он.

Перед тем как начать рассказывать свой нехитрый рассказ, я налила себе травяного

отвара, который тут заменял мне чай. Пока готовила его, размышляла о том, что стоит говорить, а о чём я буду молчать. Всё-таки некоторые вещи рассказывать не стоит. К таким вещам я относилась и то, что у меня есть память о другом мире. Ни к чему это. Может быть когда-нибудь, если мы станем, например, друзьями или же будет в этом такая сильная необходимость, я и расскажу. Но точно не сейчас.

— Меня зовут Ульрика Хольм, — начала я, присаживаясь на табуретку рядом с кроватью. Кружку с отваром поставила на колени, грея о толстые бока немного замерзшие пальцы. Хм, с сосудами, что ли не в порядке что-то? Или просто замерзла? Или это от небольшого волнения?

— Хольм? Дочь барона Вилмара Хольм?

Я удивилась. Надо же, а я всегда думала, что у нас небольшое баронство, о котором никто и не помнит только. Кроме налоговосборщиков, естественно. Те и о полуразрушенном сарае в каком-нибудь глухом уголке планеты и то помнят.

— Да. Мой отец погиб. Недавно. На войне с Долимией. Вместе со всеми нашими воинами.

Вспоминать об отце было все еще больно, поэтому я замолчала, переживая, когда тугой комок в горле рассосется. Плакать перед Охтароном категорически не хотелось. Эльф молчал, и я была даже благодарна ему за то, что он не выражает фальшивого сожаления и не говорит, что ему жаль.

Немного успокоившись, я подняла глаза и тут же заметила, что Охтарон о чём-то усиленно думает.

— Я встречался с вашим отцом несколько раз, — сказал он как раз в тот момент, когда я уже хотела продолжить рассказ.

— Зачем? — он меня снова удивил. Отец никогда мне не рассказывал об этих встречах. Да и я никогда не видела у нас эльфов, значит, встречались они за пределами замка.

— Светлый Князь, мой отец, хотел купить баронство Хольм. Но твой отец не хотел продавать его, говорил, что баронство — приданое его дочери, — при этих словах он посмотрел на меня. — Что такого особенно в вашем баронстве, что мой отец так хотел его получить?

Я ненадолго задумалась.

— Да, вроде, ничего. Старый замок, пару деревенок, кусок леса, да небольшой отрезок реки, в которой мы добывали немного золота. Река эта течет с гор Хальдор. Ну, поля ещё, да немного места для пастбищ. И всё. Хольм маленькое баронство. Я не понимаю, чем оно могло привлечь Светлого Князя.

Я замолчала, и комната надолго погрузилась в тишину. Я пыталась вспомнить что-нибудь такое, что могло бы заинтересовать эльфов, но всё обстояло именно так, как я и сказала — баронство было самым заурядным и ничего интересного в нём не было совершенно. Но ведь зачем-то оно понадобилось Князю. Зачем?

— Ладно, — Охтарон вздохнул. — Можно мне тоже вашего напитка? Пахнет хорошо.

— Да, конечно, — я встала, налила отвара и эльфу, потом помогла ему принять полусидящую позу, чтобы пить было удобнее, и села обратно на табуретку, зорко наблюдая, чтобы он не облился и не обжегся. Отвар вроде уже немного остыл, но всё-таки был ещё горячим. Помогать не стала, подумав, что Охтарон и сам вполне справляется и лишняя забота может его оскорбить.

— Как бы ни было жаль, но сейчас узнать ответ не выйдет. Можете рассказать, что было

дальше? — спросил он, отдав мне пустую кружку.

— Да, — убрав лишнюю посуду подальше на стол, я погрузилась в воспоминания о тех днях. — К сожалению, я не могла наследовать баронство, так как девушка, к тому же магом не являюсь. Я всего лишь ведунья. Как вы знаете, этого недостаточно. Я плохо помню те дни, так как была опечалена потерей. Но однажды мне сказали, что король, чтобы я не осталась одна дарует мне свою милость. Было сказано, что он решил мою проблему. В общем, мне было сказано, что я выхожу замуж за того, на кого мне укажут. Честно говоря, я тогда была сильно растеряна. Родственников у меня нет, и идти против воли короля... сами понимаете. Я пыталась узнать о том, кто мой будущий муж и когда нас хотя бы познакомят. Но ответ я получила только тогда, когда вернулась из столицы в баронство. Там были двое эльфов, которые и сказали мне, что свадьба уже была и я теперь официально жена младшего сына Светлого Князя. Зовут моего мужа Охтарон, но сам он сейчас очень занят и просит, чтобы я его подождала в Вильхельме.

Я замолчала, наблюдая за лицом эльфа, но оно было по-прежнему непроницаемым. Даже в светлых глазах не было видно ни одной эмоции. Лицо Охтарона хоть и было красивым и безэмоциональным, но даже так почему-то совершенно не походило на кукольное. Было в нём что-то слишком живое, то, что он не мог скрыть даже отсутствием любой мимики.

— Вместе со мной из баронства выдворили всех слуг и людей, которые раньше жили в деревнях. Хольм полностью опустел.

— Полагаю, мой отец не смог купить баронство, которое ему по какой-то причине очень понадобилось, поэтому пошёл на такой шаг.

Я кивнула.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вот только мне немного не понятно кое-что. Почему он женил своего собственного сына? Для того чтобы получить баронство, можно было выдать меня за любого дальнего родственника.

— Ну, тут нет ничего странного. Мой отец всегда был недоволен мной. Вы же видите мою внешность? — я снова кивнула. За эти дни я его вполне хорошо осмотрела. Но даже так, не совсем понимала, куда клонит Охтарон. — Всё очень просто. Я сильно отличаюсь от моих братьев и сестер. Если бы не уши, то меня вполне можно было принять за человека. Мой отец всегда подозревал мою мать в измене, хотя такое совершенно исключено благодаря магии рода. Но даже знание того, что я его родной сын, не смиряло его с тем, что я мало похож на истинного эльфа.

Я была удивлена. По мне так даже если Охтарону убрать его уши, он всё равно никаким боком не станет походить на человека. Конечно, очень похож, но не стоит забывать, что тело это не всё. Эльфов от людей отличает нечто неосознаваемое, то, что увидеть глазами нельзя, зато можно вполне себе ощутить.

— Но всё равно! — не согласилась я. — Даже если ваш отец вас не любил, как я поняла, это не мешало держать вас для более выгодного брака.

Понимаю, что может прозвучать жестоко, но с учетом этого времени и этого мира, такое вполне нормально. Детей тут на самом деле часто рассматривали, как средство для достижения тех или иных планов. Особенно, это было заметно среди аристократов. Хотя, в моем прошлом мире такое тоже было широко распространено. И не только в старые

времена.

— Тут вы правы, — Охтарон согласно кивнул. И я даже не подумала обижаться. Если подумать, то наши с ним положения были слишком неравными. Как бы Князь не хотел Хольм, но женить из-за этого своего собственного, пусть и не сильно любимого сына, это верх глупости. — У меня только одно предположение, что этим он соблюдал некое условие.

— Условие? — я задумалась. Всё же этот мир магический, так что в нём часто многое решает магия.

— Да. Допустим, что моему отцу очень понадобился Хольм. Если подумать, то обычно, если отец хотел что-то купить, то не успокаивался пока не получал это. А тут отступил очень быстро. Почему? Не потому ли, что он узнал, что Хольм купить недостаточно? И получить в дар от родственника тоже. А вот, например, если Хольм войдет в собственность семьи через свадьбу наследницы и сына... Что если для того, чтобы заполучить то, что есть в баронстве, нужно выполнить именно это условие?

Я задумчиво покусала губу. Такое условия магия вполне могла выставить. Такое бывало. Например, чтобы воспользоваться каким-то предметом, то необходимо быть именно наследником, или же наоборот совершенно посторонним человеком. Тут не угадаешь. Обычно хозяин того или иного предмета или места сам выставлял условия, при которых оно могло отойти другому человеку. Магия, либо сама закрепляла эти условия, либо для этого необходимо было провести некие ритуалы.

Но даже так я до сих пор не понимала, что такого могло понадобиться эльфам на небольшом клочке земли. Что такого в нашем баронстве, что Князь готов пожертвовать собственным сыном? Надеюсь, мы когда-нибудь узнаем.

— Думаю, нам ничего не остается, как принять эти догадки за предварительную версию, — сказала я, поднимаясь. Пока думали, говорили, снова захотелось пить.

Охтарон на мои действия с водой поморщился, что не укрылось от моего внимания.

— Вы хотите в туалет? Вставать вам нельзя. Слишком сильные движения приведут к тому, что раны откроются. Это пока что ещё опасно.

Я оставила питье и стала, не спрашивая разрешения, помогать эльфу. Он открыл было рот, но потом как-то весь поник и просто отдался мне на растерзания. Если он и смущался, то я не заметила. После я напоила его зельем и дала ещё отвара.

— Уже потом, в Вильхельме, — продолжила я свой рассказ примерно через полчаса, — мне стали сниться сны о вас. А потом появились браслеты. К сожалению, большего я не знаю. Ни о том, как нас поженили, ни о том, откуда браслеты.

Эльф кивнул, выдыхая.

— Браслеты могут значить только одно — боги по какой-то причине приняли наш союз и одобрили его. А брак... я могу предположить только то, что был проведен какой-нибудь древний ритуал, в котором не обязательно присутствие брачующихся. Вполне может быть, что достаточно, например, капли крови. То, что мы не знаем о таких ритуалах, еще не значит, что их не бывает.

— Да, но не кажется ли вам, что слишком много затрат для того, чтобы получить какое-то провинциальное баронство?

— Кажется, — Охтарон метнул на меня взгляд, в котором мелькнуло нечто такое, от чего я невольно поёжилась. Этот эльф явно не мягкое и трепетное дитя леса. — Это может значить лишь то, что в Хольм есть нечто, что покрывает с лихвой все затраты.

Он замолчал. Мы немного помолчали, слушая, как снаружи снова расходится дождь.

Даже в доме было хорошо слышно, что там льёт как из ведра. Недалеко послышался вой. Охтарон напрягся, но я лишь коротко ему улыбнулась и поднялась.

— Не стоит волноваться, это наши друзья.

Он окинул меня взглядом, в котором можно было увидеть — что странно — некое сомнение. Но этот взгляд быстро сменился требовательным и вопрошающим.

— Я сейчас, — сказав, накинула плащ и выскользнула на улицу, тут же попадая прямо под водопад из воды. Не видно было дальше собственного носа.

— Госпожа, — рядом, будто черт материализовался Бьярде. Я неловко отступила назад и чуть не упала, но крепкая рука придержала меня за плечо. — Прошу простить.

— Ничего, — я отступила ещё немного, встав так, чтобы вода не лилась на меня благодаря небольшому козырьку над крыльцом. — Что-то случилось?

— Нет. Просто молодые были очень рады вашим подаркам. Но вы подарили слишком много, поэтому они решили преподнести вам ответный дар.

— Не стоило, — попыталась отмахнуться я, но Бьярде лишь покачал головой.

— Прошу простить, но вам придется принять дар. Иначе ваш подарок будет слишком давить на молодых.

— Хорошо, — вздохнула, совсем не желая спорить. Мне хотелось вернуться к Охтарону и продолжить нашу беседу. Почему-то разговаривать с эльфом было очень приятно, даже, несмотря на то, что темы для разговоров были весьма серьезные.

Бьярде довольно заворчал, а потом протянул мне обратно мою же корзину, наполненную чем-то и покрытую сверху тканью. Я приняла корзину, ощущая её вес. Кажется, там ягоды. Смотреть я не стала, просто поблагодарила и вернулась в дом.

Но уже там, под всё ещё вопрошающим взглядом Охтарона, я поняла, что это дар явно был прислан мне не просто так. В корзине были ягоды синей ачары. Эта ягода была одним из тех редчайших ингредиентов, которые входили в состав многокомпонентного зелья растворения. Что это? Напоминание?

Вздохнув, аккуратно поставила корзину на стол и скинула плащ, тут же повесив его на крючок. Потом вернулась к столу и задумчиво коснулась кончиками пальцев ягод так похожих на чернику.

— Кто это был?

Я так задумалась, что едва не подпрыгнула от неожиданности. Осознание того, что я вообще-то в доме не одна моментально привело меня в чувство. Придётся подумать об этом «напоминании» чуть позже.

— Я вам не рассказывала, — начала говорить я, меняя почти прогоревшую свечу. В комнате было довольно темно, а еще почему-то прохладно. Надо будет через часок печку протопить. Всё-таки эта сырость вытягивает всё тепло, — но когда мы шли через Вильгельм, то местные жители, отчего решили с нами подружиться.

Про хелга я тоже пока что решила не говорить, как и о том, что мне известно о богах и их слугах. Всеми своё время. Неизвестно ещё как поведет себя эльф, когда оправится. Может он просто возьмёт, да уйдёт. Винить я его не буду, это точно.

Согласия, как я поняла, на этот брак он не давал, так что вполне может считать себя свободным. А браслеты... ничего не поделаешь. А вдруг у него вообще уже есть любимая. Мало ли, бывает же такое.

Мысль была неприятной, всё-таки некое чувство собственности уже успело проклюнуться. А что? Эльф мой законный муж, мужчина он привлекательный, без руки, но

это не так важно. Да и характер у него, кажется, вполне нормальный. Видно Охтарон властный, но разумный эльф. А у меня ни в той жизни, ни в этой никого не было, а тут вроде как мой.

Конечно, ни о какой любви речи не шло, но симпатию к нему я явно испытывала, и врать себе не собиралась. Возможно, если мы и дальше будем рядом, то что-то и получится, а может, и нет. Мало ли, вдруг, это он только поначалу такой, а потом все как повылазит, что не буду знать, куда деется от такого «счастья».

— Местные жители? — напомнил о себе эльф, когда я опять надолго задумалась.

— Да. Я сама не ожидала. Это было довольно страшновато.

Я чуть улыбнулась и начала рассказывать, как мы познакомились в вервольфами. Про то, что я их Связывающая говорить не стала. Это тоже отнесла в разряд пока слишком личного.

— Вот так всё и было, — закончила рассказ, показывая на корзину. — В благодарность он принёс мне довольно редкие ягоды, которые очень сложно достать. И когда я говорю сложно, то это значит, что цена их огромна, а найти их просто так в лесу нереально. Но в Вильхельме, как оказалось, редкие ингредиенты растут, чуть ли под ногами. Это рай для кого-то вроде меня.

Я замолчала, поняв, что слишком увлеклась. Вздохнув несколько раз, встала. Решив, что нужно себя занять хоть чем-то, принялась протапливать печь.

— Нелегко вам пришлось, — задумчиво сказал Охтарон. — Но вы не выглядите несчастной и, кажется, вас не тяготит то, что вы отрезаны от всего остального мира. Вы ведь учились в столице? Наверное, любили бывать на балах. Как же вы теперь без них? Без общества?

Я чиркнула спичкой и осторожно поднесла её к тоненьким лучинкам, которые тут же загорелись. Дождавшись, пока дрова хотя бы немного схватятся, открыла немного поддувало и заслонку. Сейчас разгорятся, прикрою, чтобы сильно не вытягивало. Премудростям в обращении с печкой я быстро научилась, благо учителя были.

— Училась. Бывала. Но ходила туда я больше по необходимости. Конечно, иногда становится страшно, что придётся прожить в этом месте всю жизнь безвылазно. Но, если говорить открыто, то моя жизнь не слишком поменялась. Да, за пределами Вильхельма, я могла поехать, куда бы ни захотела, но за все свои восемнадцать лет я была лишь в нашем баронстве и в столице. Почему-то мне казалось, что я ещё всё успею и везде чуть позже побываю. К тому же, Вильхельм огромен. Думаю, здесь тоже много всего интересного. А люди... ну, я на самом деле не такая уж общительная и мне много людей вокруг совсем не нужно. Тем более посторонних. К тому же, благодаря богатствам Вильхельма я могу постигать науку ведовства. Это ведь не на один год. А там, кто знает, что может случиться.

Я о многом не говорила, тщательно подбирала слова, но стоило взглянуть на Охтарона, как стало понятно, он видит меня насквозь.

— И всё же вы слишком спокойны для человека, которого отправили почти на смерть. Вы должны меня ненавидеть.

— Отчего же? Или вы мне солгали и это на самом деле именно вы отправили меня сюда?

Охтарон покачал головой и зевнул.

— Тогда не вижу причин для ненависти. Кстати, вы теперь заперты в Вильхельме точно так же как и я, но отчего-то не выглядите угнетённым этим обстоятельством. Отчего же?

Неужели вы знаете выход отсюда?

— Нет. Насколько мне известно, никто отсюда не возвращался. Надо будет потом сходить к границе, посмотреть, отчего же так.

— Я вам и так могу сказать. Над этим лесом простирается громадный барьер. Через него любой может войти сюда, но не любого он выпускает назад, — сказала и прикусила губу, отворачиваясь от эльфа.

— О, вот от чего вы так спокойны.

Заметил! Ну, ничего не поделаешь, сболтнула лишнего. Увлелась слишком такой спокойной беседой. Слишком давно я не говорила ни с кем так долго, да ещё почти подружески.

— Что ещё вы скрыли?

Я тут же хмуро глянула на эльфа. Но, увидев, прямой и открытый взгляд, проглотила все ругательства.

— Ну, — я покусала губу, но потом выдохнула, подошла и села около кровати. — Я могу восстановить вашу руку. Не сразу! Сейчас я слишком неумела для того, чтобы создать такое сложное зелье. Но, если потренируюсь, то может через пару лет, в лучшем случае через год, мне удастся сварить его.

Охтарон свёл брови к переносице и отвел взгляд, сжимая и разжимая левой рукой покрывало. Но потом он прикрыл глаза и выдохнул, расслабляясь. В этот момент я поняла, что его на самом деле очень волновала потеря руки, но он очень умело скрывал это от меня.

— Что ж, вы не будете против, если я останусь на некоторое время рядом с вами?

Неожиданно для самой себя я сильно смутилась. Отвернувшись, неуверенно кивнула, отчаянно выискивая глазами, за что бы зацепиться взгляду, но как назло взгляд попросту соскальзывал со всего и упорно возвращался к лицу эльфа.

— Спасибо. Полагаю, меня уже посчитали погибшим, но всё равно стоит сходить к этому барьеру и глянуть, что там и как. Я всё же маг, хоть и не самый сильный. Не думаю, что это может помочь, но вас же, по всей видимости, лес отчего-то выпускает наружу. Интересно, почему?

— Не знаю. Просто когда прикоснулась к барьеру, поняла, что могу пройти сквозь него обратно. Делать этого не стала, по понятным причинам, — я на мгновение замолчала, размышляя, чем бы ещё заболтать эльфа, чтобы он не спрашивал меня о причинах такого ко мне лояльного отношения Вильгельма, но как раз в этот момент у Охтарона заурчал живот. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Подскочив, я засуетилась, время от времени неуютно ежась от его пристального взгляда. Я понимала, что Охтарон далеко не дурак и, кажется, видит меня насквозь, но свои секреты я хотела пока что хранить втайне от него. Всё-таки пусть мы супруги, но не знаем друг о друге практически ничего. Общая информация не в счёт.

— Вы, правда, можете вернуть мне руку?

— Да. Но, как я уже и сказала, мои тренировки займут кое-какое время. Всё-таки мои знания по большей части лишь теоретические. То есть я, отлично помню множество рецептов, но на практике варила лишь несколько десятков из них. Это очень мало. Да и варила я лишь легкие, средние и несколько высших зелий. Многокомпонентные... мне даже страшно думать о том, сколько потребуется времени, чтобы сварить хотя бы одно из них. А сколько нужно приготовить ингредиентов, но перед этим их нужно найти. Да и заклинания

для них столь длинны и сложны, что мне потребуется все силы, память и умения, чтобы ничего не испортить. Чтобы сварить одно многокомпонентное зелье обычно уходит от четырех до пяти часов. Но! Для того, чтобы восстановить конечность нужно приблизительно несколько месяцев. И всё это время пациента нужно поить зельем. А значит, варить его нужно будет не один раз и даже не два. То есть, это будет просто громадная работа и я, увы, пока что не в силах справиться с ней. Даже зелье высшего исцеления даются мне пока что сложно. Иной раз приходится выбрасывать испорченные ингредиенты.

Я облизнула пересохшие губы и продолжила разогревать кашу с мясом. Я и не помню, откуда она у меня взялась. Наверное, либо Льюва притащила, либо Ингрид.

— Но даже так, это обнадеживает, — сказал Охтарон и чуть пошевелился.

— Вы что-нибудь понимаете в строительстве? — спросила, накладывая в глубокую тарелку каши. Глянув мельком на эльфа, пожала плечами. Бульон он пил, так что думаю, кашу тоже будет есть. Да и выбора особо тут нет. Интересно, а что эльфы любят? Неужели и правда предпочитают травку одну жевать?

— Не приходилось подобным заниматься. А что? — Охтарон поводит носом и явно сглотнул. — Пахнет вкусно.

Это хорошо, значит, каша ему пойдет.

— Вы же не думаете, что в Вильхельме есть дома? Вместе со мной около двухсот человек. Как только закончится сезон дождей, нужно будет приступать к строительству нормальных домов. Но я мало об этом знаю, поэтому и спрашиваю. Вдруг, вы что-нибудь об этом знаете. Ну, ничего, нет так нет. Разберемся. Я помогу. И не спорьте, вам пока нельзя садиться, а почти лежа самостоятельно есть неудобно. Думаю, уже завтра можно будет сесть. А сейчас откройте рот, я вас покормлю.

Охтарон немного повздыхал, но потом быстро сдался.

Мы ещё долго разговаривали. Я рассказала ему о том, из чего можно построить дома, расписала ему все плюсы и минус того или иного материала. Похвасталась, что сделала зелье, которое может послужить чем-то вроде склейки. Посетовала, что строительство займёт много времени, и ещё неизвестно успеем ли мы все сделать за одно лето или же придется растягивать всё это. Да и не стоит забывать, что ещё нужно озаботиться о припасах и ингредиентах.

Я болтала больше эльфа, понимая, что всё-таки немного соскучилась по общению. Хоть обычно я молчалива, но постоянно быть одной сложновато и время от времени хочется поделиться мыслями, планами, победами и своими маленькими провалами, пожаловаться, в конце концов.

Охтарон оказался внимательным слушателем. Не перебивал, задавал точные вопросы, и смотрел, смотрел, смотрел. Думаю, что это у него просто привычка такая. Есть ведь люди, которые всегда отводят глаза, а есть такие, как Охтарон — не отводят глаз без причины.

— Вы много знаете, — эльф покачал головой и слегка поморщился.

Я тут же подскочила. За всеми этими разговорами совсем забыла, что ему пора принимать зелья. Видимо эффект обезболивания начал проходить. Подхватив нужные склянки, мысленно поругала себя за то, что трачу драгоценное время — зелья не резиновые и если я не озабочусь их пополнением, то они скоро закончатся. Но с другой стороны, мы ведь должны были узнать руг друга хотя бы немного лучше. Да и вопросы были всякие.

После приёма зелий, Охтарон почти моментально уснул. Я аккуратно накрыла его и, немного подумав, решила, что спешу сварить парочку зелий, пока он спит. Он явно должен

поспать подольше, всё-таки я его изрядно утомила разговорами.

На глаза снова попались сини ягоды. Вздохнула. У меня теперь есть две задачи, которые нужно выполнить. Помочь освободиться хелгу и восстановить руку Охтарону. И не одна из задач не выглядит лёгкой, но приступать к их решению нужно уже сейчас. Собирать ингредиенты, подготавливать их, тренироваться.

В дверь постучались. Я подошла и приоткрыла её, выглядывая. Хорошо хоть зелье не начала варить, иначе опять бы всё испортила.

— Госпожа, Кьяна разродиться хочет, — Льюва выглядела встревоженной.

Я даже слегка растерялась. А я тут причём? Но потом вспомнила, что тут принято, чтобы роды принимала именно ведунья. А я тут одна такая на целый Вильхельм.

Вообще ведунья должна знать довольно много, если не сказать, что даже больше, чем много. Уж о том, как устроено человеческое тело и каким болезням оно подвержено должен знать любой уважающий себя ведун или ведунья. Это, можно так сказать, азы.

Но не стоит забывать, что обучение я так и не закончила. Да, я знала теорию, но, как и во многом другом, практики у меня не было совсем никакой. Да и теория была по многим дисциплинам более поверхностная, более углублённо многое изучали на старших курсах.

Взять хотя бы гадание. Да, да, такое тоже входит в перечень умений ведунов и ведуний. Но к гаданию должна быть предрасположенность, хотя на самом примитивном уровне гадать сможет любой ведун. Но даже для того, чтобы выдать этот примитивный уровень, нужны тренировки.

Так же и с родами. Конечно, я знала, как именно все происходит, но никогда раньше не видела появления новой жизни своими глазами. Рассказывали, что на пятом курсе студентов учат принимать роды непосредственно у реальной и рожаящей женщины. До этого же были лишь картинки, слова преподавателя и буковки в учебниках.

Любое дело без должной подготовки, хотя бы психологической, вызывает волнение и нормальное опасение не справиться. А уж такое ответственно, как помощь родиться на свет малышу и подавно.

Мандражировала ли я? Несомненно. От волнения у меня даже зубы стучали и живот свело. Я пыталась дышать чаще и глубже, но руки всё равно немного тряслись.

Всё это я испытывала ровно до того момента, как не вошла в общий дом.

— Вернись в мой дом и присмотри за Охтароном. Пока он спит, можешь сварить супа. Если что-то случится, зови меня.

Льюва поклонилась, хитро сверкнула глазами и пулей выскочила под дождь. Ой, и лиса. Надеюсь, она там к спящему эльфу приставать не станет? Я пока что не ревновала, но не думаю, что ей сойдёт это с рук, если вдруг Охтарон проснётся в самый ответственный момент. Хотя, стоит признать, что хоть ревности полноценной не было, но неприятный червячок в глубине шевельнулся.

— Госпожа, — ко мне буквально подлетел крепкий мужчина лет тридцати. — Кьяна, помогите ей, прошу вас.

Я удивленно вскинула брови. Она же всего лишь рождает, к чему такой трагизм? Женщины на протяжении всего существования человечества рожали и ничего. Хотя, может, у неё осложнения, но ведь, как я поняла, роды начались недавно.

— Что-то идет не так? — спросила, сбрасывая плащ с плеч и бросая его на первый попавшийся стул.

Людей в общем доме было много. Вся комната была условно поделена и небольшие закутки разделены между собой тканями, которые свисали с самого потолка и до пола. И где столько ткани взяли? Ведомая любопытством, потрогала и поняла, что это не ткань, а полотно, сплетённое из травы. Конечно, прочности никакой, но хотя бы люди могли получить минимальное уединение.

— Госпожа, — мужчину от меня отодвинула Ингрид, которая выглядела хмурой и, кажется, капельку растерянной. — Кьяне действительно отчего-то стало плохо.

— Давно начались? — спросила, отдавая руки подвернувшегося под руки паренька корзину с зельями, которые могли мне понадобиться. — Не отходи от меня и береги корзину, в ней много зелий, — на ходу пояснила я мальчишке, отчего тот побледнел и прижал корзину к груди так крепко, что я мельком подумала, не раздавил бы от такого чрезмерного рвения.

— Нет. Но у неё температура очень высокая. Ей явно очень больно. Стонет, не переставая, а во время схваток больно уж сильно кричит.

Я закусила губу. Мне было страшно, но я упорно шагала вперед и лишь молилась, чтобы все прошло хорошо. Сейчас, если у девушки будут проблемы, и она умрёт, это выйдет мне в дальнейшем боком.

Думаете эгоистично? Увы, но она мне чужой человек, но своей смертью может навредить мне и моим близким.

Конечно, я не желаю её смерти и постараюсь приложить все усилия для того, чтобы и она, и ребёнок выжили. Я постараюсь ей помочь, как и любому другому человеку, который нуждается, или будет нуждаться в моей помощи. Это элементарная человечность, помогать, если ты можешь помочь. Но делаю я это не потому, что она мне важна или дорога. Как я уже и сказала, во многих из нас это врожденное, помогать. Пусть некоторые делают что-то по мелочи, другие же по крупному, но каждый в своей жизни так или иначе чем-нибудь помог совершенно чужому человеку.

В самом дальнем закутке на широко лавке лежала девушка. Я бегло осмотрела её, понимая, что Кьяна точно собирается отдать богу душу. Лицо её было серым, всё в испарине. Она без перерыва облизывала губы, кривилась, постанывала и разводила ноги как можно шире.

Потрогав лоб, убедилась, что температура действительно есть. Стоило мне её коснуться, как она открыла глаза и мутным взглядом посмотрела на меня.

Удивительно, как порой людям помогает внушение. Стоило Кьяне увидеть меня, как взгляд тут же изменился. В нём отчётливо стало видно облечение и радость.

— Госпожа, — тихо прошептала она, пытаясь улыбнуться.

— Сильно больно? — спросила, осторожно поглаживая девушку по щеке. Она кивнула. — Схватки идут по нарастающей?

Кьяна опять кинула и заплакала.

— Так больно, — всхлипнула. — Больше никогда. Вот опять, опять!

Она коротко вскрикнула, вся напряглась, заметалась по кровати. Мне пришлось даже её придержать. Странно, если учесть, что схватки начались недавно, то у неё сейчас начальная стадия, которая не должна сопровождаться такими сильными болями. Обычно этот период длится часов семь.

Примерно через полминуты девушка замерла и выдохнула.

— Принесите теплой воды и чистых тряпок, — попросила я какую-то женщину, которая стояла позади и с беспокойством посматривала на Кьяну. — Сейчас я дам тебе слабенькое обезболивающее зелье. Не стоит волноваться, оно совершенно безвредно и уберёт лишь боль. Ты выпьёшь, и мы посмотрим, что там.

Кьяна кивнула. После послушно осушила бутылёк.

После этого я выгнала всех мужчин, которые толклись поблизости, оголила низ девушки и внимательно осмотрела её. Потрогала живот, но толком ничего не поняла. К сожалению, практики у меня не было, поэтому сказать, всё ли идёт правильно я не могла.

Принесли воду. Я попросила обмыть Кьяну. Заражение крови нам ещё не хватало.

Что могу сказать? Роды длились часов двенадцать. Всё это время мне удавалось немного сбавлять отчего-то слишком сильные боли. Я могла дать ей что-нибудь по сильнее, но боялась, что это может навредить ей или ребёнку. Под конец, Кьяна тужилась на автомате, хрипя и беззвучно плача.

Ребёнок получился очень крупным. Стоило мне перерезать пуповину, завязать ей, как я тут же бросилась отпаивать девушку зельями, так как мне казалось, ещё немного и она попросту потеряет сознание, а то и того хуже — помрёт.

Ребёнка обмывала я сама, при этом внимательно его осмотрев. Но ничего подозрительно не увидела. Крепкий, голубоглазый мальчик был, на мой взгляд, совершенно здоров.

Я побыла около Кьяны до тех пор, пока не убедилась, что с ней всё хорошо. Напоследок убедилась, что кровотечения нет, и температура полностью спала. И только тогда засобиравшись домой, чувствуя, что ещё немного и рухну от усталости.

Оставив Ингрид ещё зелий, сказала звать меня, если что-то будет не так. Рассказала, какие, и когда давать и ушла. Вернее, попыталась. Перед самым выходом меня догнал муж Кьяны.

— Госпожа, спасибо вам. Благодарю за сына, за Кьяну мою.

— Не стоит, — отмахнулась я, мысленно находясь уже в своей кроватке, вернее на полу под тёплым одеялом, всё-таки моя кроватка сейчас занята эльфом. Вспомнив о нём, заволновалась и попыталась снова уйти. Но мне опять не дали. — Что-то ещё? — спросила, подавляя зарождающееся раздражение. Я устала, хочу есть и спать, что ещё от меня нужно?

— Имя.

— Имя? — переспросила, не совсем понимая.

— Имя сыну дайте моему.

Я нахмурилась и вспомнила, что действительно, была такая традиция, что отец или сама мать мог попросить ведуна о таком. Считалось, что имя, данное ведуном, который принимал роды, является счастливым и приносит ребёнку лишь благополучие и удачу.

Я ненадолго задумалась. Имя всё-таки очень важно.

— Ньорд. Пусть твоего сына зовут Ньорд. Будет он сильным, смелым и не раз защитит своих близких и любимых людей. Расти его гордо. Это имя принесёт ему то, что он сам заслужит своими деяниями. Так что расти его правильно и воспитай его настоящим мужчиной.

— Спасибо, госпожа!

Мужчина упал на колени и принялся кланяться. Я сильно смутилась, поэтому, коротко кивнула и вскользнула наружу. Я знала, что простые люди слишком уж по-особому относятся к магам и ведунам, но чтобы вот так бухаться на колени... Никогда не пойму.

На улице было ветрено. Дождя не было, но сырость стояла такая, что я тут же поёжилась и по сильнее закуталась в плащ. До дома добралась в рекордные сроки.

Открыв дверь, проскользнула внутрь. В доме было тепло и уютно. Сняв с себя верхнюю одежду, быстро огляделась. Пару свечей на столе, затопленная печь, накрытый полотенцем котелок на столе, угрюмая Льюва, которая до этого сидела на лавке, но стоило мне войти тут же подскочила. И Охтарон.

Он тоже повернул в мою сторону голову.

— Как там? — спросил он, а я тут же заметила, что он едва уловимо поморщился.

— Вы пили зелья, которые я оставила? — тут же спросила, скидывая обувь и подходя к кровати. Не став ждать ответа, откинула покрывала и размотала бинты. Эльф при этом молчал, рассматривая меня, но я так устала, что мне сейчас было на все плевать с высокой колокольни. Рана выглядела вполне неплохо, хотя и была на ощупь чуть горячей. Это мне не понравилось.

— Пил. Но почему-то, когда я делаю это при вас, эффект выходит сильнее, — ответил Охтарон.

— Льюва, спасибо, ты молодец, можешь бежать домой. Если Кьяне станет плохо или же её малышу, то прибегай.

— Хорошо, госпожа, — она поклонилась и, одевшись, вышла из дома, прибывая при этом в явно расстроенных чувствах.

— А теперь вы, — повернулась я к Охтарону. — Эффект не должен был быть другим. Зелья одинаковые и нет никакой разницы, даю его вам я или же кто-то другой.

— Знаю, — легко согласился со мной он. — Но разница отчего-то всё-таки есть. Я не выдумываю, мне ни к чему. И ещё, мне нужна ваша помощь.

Как оказалось, всё это время, после пробуждения упрямый эльф терпел и не стал просить Льюву помогать ему в естественных проблемах организма. Мне пришлось помогать ему с этим. Потом я обтёрла его со всех сторон. Намазала раны мазью, забинтовала. Потом мы вместе перекусили, выпили отвару. И в конце я напоила его зельями. Под конец я едва держала глаза открытыми. Мне хотелось помыться, переодеться, но всё, на что меня хватило, это пожелать спокойной ночи, задуть свечи и упасть на свою расстеленную постель. Как я уснула, не помню, кажется, произошло это ещё до того, как моя голова коснулась подушки.

— Здравствуй, человек.

Я висела в воздухе и с грустью размышляла о том, что в покое меня не оставят не только в реальности, но и во сне.

— Здравствуй, хелг, — поздоровалась я между тем, пытаюсь быть всё-таки более дружелюбной, хотя единственное, что мне хотелось сейчас не болтать, а просто хорошенько выспаться.

— Зачем ты меня сегодня позвал? — спросила, оглядываясь по сторонам. Что могу сказать, место тут весьма мрачноватое.

Такое чувство, словно тьма вокруг живая. Она клубиться, тянет к нам свои дымчатые щупальца, но ей будто что-то не даёт приблизиться. Выглядит это довольно пугающе.

— Времени осталось меньше, чем я думал, — стало мне ответом.

— О чём ты?

Хелг шевельнул рукой. Послышался звон металла. А потом я отчётливо услышала вздох, будто вздыхает смертельно уставший человек.

— Страж узнал, что я собрался освободиться. Он почти проник в этот мир. Мне пока что хватает сил сдерживать его, но времени у меня не больше года.

— Страж? — я сложила руки на груди. Не уйду, пока он мне не объяснит хотя бы немного. Что вообще происходит?

— Хорошо, — я невольно вздрогнула. Конечно же, оно читает мои мысли, иначе и быть не могло. — Боги покинули этот мир, меня заковали в оковы, оставив на веки вечные охранять меня. Но хелги тоже обладают силой, поэтому богам было понятно, что рано или поздно я смогу освободиться. Именно поэтому за пределами мира они оставили стража, который должен был следить за тем, чтобы я не сбежал из своей тюрьмы.

— Но как он узнал?

— Посмотри, — сказал он и снова тряхнул рукой.

Не знаю как, но я подлетела к нему ближе, тут же ощущая довольно сильный жар, исходящий от тела хелга. Но меня больше заинтересовали кандалы. На одной руке металл пошел трещинами, и видно было, что ещё немного, и он развалится.

— Так тебе моя помощь и не нужна, — задумчиво потянула я. — ты и сам великолепно справляешься.

— Ошибаешься, человек. Для того, чтобы полностью освободить хотя бы одну руку у меня уйдет не одна сотня лет. А страж уже почувствовал, что моя поток моей силы во вне усилился. Мне столько лет попросту не дадут. Страж попросту продавит барьер, что я воздвиг над миром, и обновит мои оковы.

— Барьер... — я задумчиво посмотрела на кандалы. — Это получается, что барьер стоит не только над Вильгельмом?

— Над лесом барьер исключительно для людей. Страж пройдет его, не заметив.

— То есть этот мир под барьером?

— Совершенно верно.

Я снова осмотрела хелга. Вблизи он производил ещё ужасающее впечатление. От него исходила такая сильная аура, что даже дышать рядом было сложновато. Будто я нахожусь рядом с громадным хищником, который в любой момент может оборвать мою жизнь. Нет, наверное, даже у самого устрашающего хищника аура была бы не такой внушительной.

Я снова засомневалась в словах хелга. Ну не походил он на простого слугу, пусть и богов.

И ещё...

Неожиданно для самой себя я удивлённо распахнула глаза. Сердце заколотилось в груди

взволнованно.

— Постой! — я даже вскрикнула, отлетая от хелга. — Постой. Как же так?

— Что? — гигант моргнул, что делал он крайне редко, обычно его нереальные глаза были почти всегда открыты, словно влага им вовсе не нужна.

— Ты сказал, что боги ушли из мира. Что мир под колпаком. Тогда... откуда это? — Я выставила вперёд руки, показывая запястья, которые были увиты брачными браслетами. — Это ведь появляется только тогда, когда боги дают своё одобрение на союз двух. Но по твоим словам в этом мире богов не осталось. Они ушли! Они оставили этот мир. Тогда, кто нас с Охтароном благословил?

Хелг молчал, а я же снова оглянулась по сторонам. Но кроме стены, на которой был распят хелг, и небольшого пяточка видно ничего не было из-за сгущающейся тьмы. Окинув взглядом хелга, невольно сглотнула. Как я могу верить ему? Кто это вообще? Он дал мне силу, но ведь не просто так. Да и он всегда может выдернуть меня сюда.

А не он сделал так, чтобы я вспомнила себя из прошлой жизни? Но для чего это ему?

— У здешней тебя был талант, но не хватало воли. Твоя душа сильна, но чтобы преодолеть трудности и укрепить волю ей понадобилось бы время. У меня этого времени не было. Я позволил ей вспомнить.

Была ли я этим удивлена? Не очень, ведь секунду назад я сама предположила, что именно хелг приложил свою руку к моим воспоминаниям о прошлой жизни.

— Тогда, — я сглотнула, — и в остальном твоих рук дело? Мой отец...

— Нет. В его смерти виноват король.

— Но зачем? — спросила, прижимая руки к груди. Отчего-то было очень больно знать, что мой здешний отец погиб не просто по воле случая на войне, а потому что королю что-то понадобилось.

— Хольм. Он был нужен эльфам. Королю нужна была помощь эльфов. Война всегда многое списывала.

Я сама не заметила, как слёзы покатались из глаз. Было обидно и больно. Но я быстро смахнула их. Вот опять. Голос хелга звучал тихо и так сочувствующе, что я почти поверила ему.

— Баронство. Ты знаешь, зачем оно так понадобилось эльфам?

— Знаю, — глаза хелга засияли сильнее. Это было весьма пугающе.

— Что... что там?

Хелг снова вздохнул. И в этом вздохе чудились сотни голосов. Казалось, что многие тысячи и тысячи сейчас отчего-то страдают и тихо стонут. Я даже прислушалась, пытаюсь понять, откуда идёт этот едва уловимый шёпот. Но всё бесполезно — хелг молчал, и стонов слышно не было.

Честно говоря, чем дальше я тут нахожусь, тем страшнее мне становится. Хелг казался каким-то демоном, которого пытается сожрать тьма. Или же тёмным богом, соединиться с которым так стремится мрак, но что-то его к нему не пускает.

— Под замком есть пещера. Когда-то доступ к ней эльфы имели, но прошли долгие годы, по земле прокатилась сотня войн, и небольшой кусок земли перестал быть собственностью эльфов. Со временем об этой пещере забыли. Вход в неё засыпался, а над ней образовался холм. Потом сверху был построен замок. Но недавно эльфы нашли старые записи и узнали о пещере.

— Но зачем оно им так понадобилось? Что в ней?

— Кристаллы. В ней растут кристаллы силы. Эту пещеру миллионы лет назад создали боги и подарили её миру. Долгие годы пещера была запечатана, но недавно твои предки откопали её. Богов уже тогда не было в этом мире, но магия была. И она назначила род Хольм хранителями входа. Но эльфы не знают об этом.

— Не понимаю, — я нахмурилась, пытаюсь уложить всё в голове. — Но зачем магия это сделала? И почему именно мой род?

— Хольм всегда были исключительно рассудительными и умными людьми. Когда боги создавали эту пещеру и кристаллы они хотели как лучше. Но по вине этих камней было слишком много воин, — он закрыл глаза и покачал головой, словно осуждая или же сожалея.

Хелг замолчал. А я опять не поняла, с чего это магия решила закрыть вход в пещеру. Он говорит так, словно магия это разумное существо. Я больше поверю, что сам хелг закрыл пещеру и поставил наш род хранить вход в неё, чем в то, что это сотворила магия.

— И? — я вздохнула. Хелг много не договаривал. Я всё меньше ему верила. Откровенно говоря, мне было страшно. А вдруг я сейчас совершаю страшную ошибку. Вдруг, это действительно кто-то очень опасный? — Эльфы смогут теперь попасть в эту пещеру.

— Нет, — мне показалось, что хелг усмехнулся. — Без тебя попасть туда теперь не сможет никто. Увы, но из Хольм ты осталась одна. Даже далёких родственников нет. Без твоего согласия и крови баронство так и останется просто куском земли.

Я злорадно улыбнулась. Так им всем и надо, козлам! Отца убили, меня сплывили, а в итоге, получают гулькин нос. Закрыта та пещера, вот и пусть дальше будет закрытой. Нечего лезть туда, куда вход давным давно заказан.

Представляю, как сейчас кусает локти Светлый Князь. Пещеру прошляпил единственную Хольм сам же выдворил, да и сына младшего лишился.

Вспомнив об Охтароне, открыла рот, чтобы спросить, не он ли приложил руку к тому, что его отправили на войну. Но в этот момент, хелг моргнул и зашумел оковами.

— Тебе пора. Запомни — времени осталось не больше года. Ты давала слово, что поможешь.

— Ты... — я столько хотела спросить, узнать, но всё вопросы буквально улетучились из головы.

— Я не стану вредить ни тебе, ни этому миру. Я слишком долго его защищал, чтобы рушить его. А теперь иди.

Я открыла рот, но в этот момент проснулась.

На кровати застонал Охтарон. Поднявшись, тряхнула головой, сбрасывая с себя остатки сна. Зажгла свечу и подошла к эльфу и потрогала лоб. Температура небольшая, но даже так это не очень хорошо.

Разбудив эльфа, дала ему попить, потом напоила зельями и поменяла повязки.

— Рука болит почему-то, — поделился Охтарон. — Нет её, а чувство такое, словно кисть вся в огне.

— Это нормально. Фантомные боли часто бывают при потери конечностей. Если всё будет хорошо, то мы сможем отрастить вашу руку. Вам нужно только набраться терпения.

Охтарон долго смотрел на меня, пока я меняла ему повязки. А потом закрыл глаза.

— Я верю вам. Я буду рядом. Вы ведь разрешите мне это?

Я даже немного смутилась, слишком это прозвучало интимно. А учитывая тихий и хриплый от сна голос эльфа, полумрак, горящую свечу и завораживающую обстановку, то вышло как-то уж больно романтично. Я даже поперхнулась от своих мыслей и быстро отвела

взгляд.

— Будьте. Но знаете, у нас тут намечается стройка века. А ещё нужно будет хотя бы немного исследовать Вильхельм. Попытаться найти ближайший выход из него. Так, на всякий случай. Исследовать горы. Попытаться найти металл. Нужен ещё уголь, дома отапливать. А ещё надо будет сеять поля, разводить скот. Работы непочатый край. Вы же не думаете, что будете просто сидеть в тенёчке и тихо-смирно дожидаться пока научусь варить зелье восстановления?

— Нет? — открыв глаза, спросил эльф. Выглядел он при этом таким растерянным, что я даже на мгновение поверила, пока не заметила притаившееся в глазах веселье. — Я ведь благородный эльф, принц Высшего дома. Неужели вы действительно хотите заставить меня пасти овец и доить коров?

Я представила себе такую картину и, не удержавшись, рассмеялась. Было бы забавно посмотреть на такое.

— Нет, — вытирая набежавшие слезы, ответила я. — Но без работы вы точно не останетесь. Мы обязательно подберём вам то, что больше всего подходит вашему статусу.

— Тогда я за то, чтобы мне позволили исследовать Вильхельм. Как думаете, это не сильно простая работа для отпрыска Светлого Князя эльфов?

— О, полагаю, что эта работа как нельзя лучше подойдёт вам. Эльфы и лес, что может быть более друг другу подходящее?

— Вот и я о том же.

Охтарон слабо улыбнулся, я же снова рассмеялась, чувствуя странную эйфорию. Но глубоко в душе я с содроганием вспоминала — когда я показала хелгу свои брачные браслеты и спросила, откуда они, раз богов в мире нет, то он мне на это так ничего и не ответил. Так откуда же они?

Я вышла на улицу и глубоко вдохнула всё ещё прохладный воздух. Сегодня дождя не было. Он закончился ночью, и с утра на тёмно-голубом небе светило по-зимнему холодное солнце. Ветер тоже был довольно прохладный, но за эти месяцы так надоело сидеть в душном доме, что даже такие неудобства казались вполне себе терпимыми.

Осмотревшись по сторонам, зажмурилась. Все вокруг переливалось на солнце. Лужи были больше похожи на небольшие озера, и вода в них серебрилась. Травы практически не было, да и деревья стояли обнажёнными. Кое-где валялись обломанные ветки. Неудивительно, порой ветер был слишком сильным. От реки отчетливо доносился звук бурлящей воды. Сейчас там точно не искупаешься.

— Сезон дождей окончен.

Я кивнула, отходя чуть в сторону. На улицу тут же вышел Охтарон и, так же как и я минуту назад, глубоко вдохнул прохладный воздух. Ходить эльф начал несколько недель назад, но выходить на улицу я ему запрещала. Да и по дому не больше необходимого. Рана на груди была всё же не пустяковая. Но сейчас можно с уверенностью говорить, что эльф здоров. Ну, кроме руки. Но, как оказалось, он отлично мог справляться с одной левой рукой. Неудобства отсутствие руки ему, конечно, доставляло, но он ни разу не пожаловался на это. Вообще, выглядел эльф так, словно изначально родился таким, и вовсе не жалеет о потере.

Я подняла голову и глянула на Охтарона. Эльф был очень высоким. Я своей макушкой едва до плеча ему доставала. Но это и не удивительно, насколько я знаю, все эльфы имеют высокий рост. Волосы на солнце показались намного светлее, чем мне думалось ранее. А уж глаза. Правда, от яркого света он их немного прищурил, но даже так я смогла заметить прозрачность светло-зеленого цвета глаз. Как бы банально это не звучало, но они на самом деле походили на прозрачные драгоценные камни.

Вдохнула и отвернулась. Уж мои практически черные глаза с камнями точно не сравнишь. Хотя... Есть же черный агат или бриллиант. Ладно, не о том вообще думаю.

— Так как дожди закончились, то мне нужно будет уйти в Вильхельм. Мне надо пополнить запасы трав. Зелья варить не из чего. А сейчас будет много простудившихся. Да и надо уже думать о зелье восстановления, начинать понемногу пробовать.

Я поглядела в сторону леса, замечая, как на его границе клубится туман. Бьярде со стаей. Это хорошо, помнится он обещал мне показать, где растет нужные мне травы.

— Почему? — спросил Охтарон, присаживаясь на небольшую лавочку рядом с домом.

— Что почему? — не поняла я.

Оторвав взгляд от леса, взглянула на эльфа. Он смотрел не на меня, а на Вильхельм, стволы гигантских деревьев которого возвышались не так уж и далеко. По крайней мере, даже отсюда они выглядели довольно внушительно.

— Почему сейчас будет много заболевших? Этот туман... Это то, о чём я думаю? — Охтарон перевёл взгляд на меня и снова прищурился, так как в таком положении солнце светило ему прямо в глаза.

— Потому что время такое. Вроде уже тепло, вот люди и начинают раздеваться. Но тепло это обманчиво. Ветер, чувствуешь какой холодный? Вот из-за него и будет много простудившихся. А насчёт тумана... Да, это вервольфы, как я их называю. Понятия не имею,

как они поддерживают постоянный туман и почему скрываются в нём.

— Они... не опасны?

— Для кого-то может и опасны. Но для меня нет.

Сказать сказала, но вот такой вот сто процентной уверенности я не чувствовала. Всё-таки вервольфы выглядели весьма устрашающе. А людям свойственно на генетическом уровне бояться всего, что может, так или иначе, причинить им вред. Скажем так, я имела здоровое опасение, которое никогда бы не показала ни вервольфам, ни другим разумным.

— Думаю, вас надо познакомить, — ни с того, ни сего вдруг решила я. — Всё-таки вы хотели исследовать Вильхельм, так что лучших помощников в этом деле вам не найти.

— Думаете?

Я посмотрела на Вильхельм. Мы с Охтароном до сих пор обращаемся друг к другу исключительно в вежливой форме. За то, время, что провели вместе, мы стали вроде как ближе, но вот обращаться по-простому так и не получается. Я несколько раз хотела предложить, но каждый раз что-то останавливало. А сейчас мне даже так больше нравится, необычно. Но всё-таки надеюсь, что со временем положение дел изменится.

— Вы против? — спросила, размышляя, когда Бьярде появится. Если вспомнить все случаи, когда он появлялся, то можно с уверенностью предположить — к вечеру будет.

— Хм, нет. Думаю, вы правы. Они всё же местные жители в отличие от нас, и я уверен, великолепно знают местность. Это может сократить время на исследования.

— Я тоже так думаю, — кивнула, сделав шаг в сторону скамейки.

Охтарон заметил это движение и тут же немного сдвинулся, давая мне место. Аккуратно приподняв платье, присела, опираясь спиной о стену.

— Не стоит долго сидеть, — тихо сказала я, прикрывая глаза. От яркого света они стали немного побаливать. — Ваш организм пока что ещё до конца не пришёл в норму и простуда может к вам прицепиться на раз-два.

Со стороны общего дома послышался шум, гам, веселые крики. Детвора, довольная переменой погоды, высыпала на улицу.

Охтарон с любопытством посмотрел в ту сторону.

— Вот эти товарищи точно понахватают насморк, — проворчала я. Через полуприкрытые глаза я видела, как несколько ребят лет по десять уже полезли мерить лужи. Босыми ногами!

— Человеческие дети такие шумные, — удивлённо протянул эльф. — Я и раньше удивлялся такой активности у людских детей, но всё равно каждый раз мне кажется это странным. Зачем они лезут в лужи?

— Измерить глубину, конечно же, — ответила я, про себя посмеиваясь.

— Зачем?

— Ну. Весело? — то ли ответила, то ли спросила.

Охтарон посмотрел на меня, причём его взгляде явно читался скептицизм.

— Да?

На это я лишь улыбнулась и пожала плечами.

— Дети, — ответила я так, словно это могло объяснить всё что угодно.

После этого мы наблюдали забавную картину того, как из дома повалили следом за детьми девочки, которые, понятно дело, не давали ребятне пачкаться в грязи или же лазить по лужам. Дети, ясно дело, такому присмотру были не особо рады, поэтому придумывали на всевозможные ухищрения, чтобы обойти запрет. Издалека смотрелось всё это забавно, но в

очередной раз напоминало мне о работе.

Охтарон некоторое время поглядывал, но очень скоро потерял интерес, который направил вновь на Вильхельм.

— Никогда не думал, что окажусь в нём, — сказал он задумчиво.

Я на это лишь пожала плечами и поёжилась. Солнце пока что толком не грело, хотя и светило вовсю.

— Долго не сидите. Я в дом, — сказала, поднимаясь.

Когда уже почти зашла домой, то заметила, что туман отделился от леса и движется в нашу сторону. Я до сих пор не поняла, как Бьярде улавливает мои желания, но то, что он как-то ощущает, когда я его хочу видеть, неоспоримо.

Охтарон, кажется, тоже следил именно за туманом.

— К вечеру будут, — сказала, входя в тёплое помещение.

Но перед этим я успела заметить, что Охтарон снова глянул на меня. И я могу поклясться, что в его взгляде заметила нечто такое, отчего стало чуточку приятно. Что это было? Гордость? Или же довольство? Толком не разобрать, но явно нечто похожее на это.

Покопавшись в своих запасах, мне пришлось сделать вывод, что из того, что есть сварить даже простейшее укрепляющее зелье нереально. И это касалось не только трав, но и остальных ингредиентов. Столько собирала, любовно подготавливала и за пару месяцев все спустила. Конечно, сделано это было не просто так, но мне просто физически неудобно, когда не из чего сварить зелье.

Наверное, это привычка. Я настолько привыкла заниматься этим каждый день, что сейчас ощущаю себя неуютно.

Решив перекусить, поставила на печь казан с тушеным мясом. Сама же села за стол. Скучно. В прошлой жизни такого не было. Там можно было в любое время залезть в интернет и поковыряться в нём, на худой случай был телевизор. Если уж совсем всё плохо, то можно было послушать музыку.

Здесь же, такого не было. Почему-то раньше я не замечала, что тут бывает так скучно. Наверное, это из-за того, что я вспомнила, как проводила время в прошлой жизни. Ведь и правда, там я всегда была чем-то занята. По крайней мере, моя голова уж точно.

Снова вздохнула. Надо идти в Вильхельм. Бьярде бует тут к вечеру, но в ночь идти не хочу, тем более что там ещё холодно. Завтра с утра. Нужно будет собрать поесть в дорогу. Думаю, с неделю по времени сбор ингредиентов займёт.

Дверь в дом открылась, и внутрь вошёл эльф. Лениво глянула на него. Да, ещё и от него немного отстранюсь. Всё-таки проживать с таким симпатичным мужчиной под одной крышей двадцать четыре часа в сутки довольно не просто. Я, конечно, не бросаюсь, как голодная кошка, но скрывать не стану — физически Охтарон меня очень сильно привлекает и в моей голове, то и дело вспыхивают не совсем приличные картинки.

Да и этот его взгляд. Не знаю, почему он так смотрит, видимо, это для него в порядке вещей. Вот только у меня от его пристального взгляда мурашки по коже. И вовсе не от страха, а совершенно по другой причине.

Боюсь, что ещё немного, и я банально в него влюблюсь. Не хотелось бы всё усложнять этим. Нет, если бы Охтарон испытывал ко мне ответные чувства, то я была бы вовсе не против, но что-то я сомневаюсь, что он способен полюбить человеческую девушку. А односторонняя любовь как пить дать испортит мне не только нервы, но и жизнь. Пусть я довольно спокойная, но даже сейчас иногда замечаю за собой совершенно несвойственные

мне эмоции и действия. Это немного удручает. Я, конечно, мечтала влюбиться, но хотелось бы, чтобы моя любовь была всё-таки ответной.

Так что смотаться на недельку в Вильхельм самое то. Проветрюсь, немного отстранюсь от эльфа. Может быть, всё это просто надуманный бред, который пройдёт тут же, как только я окажусь дальше, чем за километр.

Вечером, как я ожидала, в дверь постучался Бьярде.

Охтарон нахмурился, когда заметил на пороге громадную фигуру вервольфа. На этот раз я решила, что пора бы их познакомить.

— Заходи, — посторонилась я, пропуская внутрь Бьярде. Если вервольф и удивился, то виду не подал. Он аккуратно вошел и встал неподвижно, взглядом неотрывно следя за каждым моим движением.

— Бьярде, позволь представить тебе моего мужа. Охатрон, — я немного запнулась, когда озвучивала статус эльфа. Всё-таки я так и не выяснила — доставляет ли тому неудобство то, что мы с ним женаты или же ему всё равно на это. — Охтарон, это Бьярде. Я о нём тебе много рассказывала.

— Да, — ответил эльф и поднялся. Подойдя к вервольфу, который оказался всё-таки выше эльфа, он протянул ему руку. — Охтарон.

Вервольф посмотрел на протянутую руку эльфа и аккуратно её пожал, стараясь не поранить её своими когтями. Сейчас Бьярде был в полуобороте. Из человеческого в нём было только лицо.

— Бьярде, — ответил он, осматривая эльфа своими светящимися желтыми глазами.

Охтарон, впрочем, не отставал. Тоже всю рассматривал вервольфа. Было видно, что им обоим любопытно. Мне даже чуточку смешно стало, так что я позволила себе короткую улыбку.

Когда они друг на друга насмотрелись, я уже в открытую улыбнулась.

— Перекусим? — спросила, кивая головой на казанок с мясом.

Эльф, после небольшого раздумья, кивнул. А вервольф попытался отнекиваться, но я быстро пресекла это. Тому видно не хотелось принимать более человеческий вид, но всё-таки пришлось, так как держать ложку с длинными когтями не очень удобно.

— Завтра с утра пойдём, — сказала, когда мы все расселись.

— Как скажете, госпожа, — тихо отозвался Бьярде, даже не спрашивая, куда именно.

— А я? — спросил эльф, и вышло это так по-детски мило, что я снова улыбнулась.

— А вы останетесь...

— Не согласен, — тут же возразил Охтарон, даже не дав мне договорить. — Что мне тут делать без вас?

Почему-то после этих слов вся моя решимость прогуляться без эльфа испарилась без следа, будто дым в ветреный день.

Я глянула на вервольфа и тот кивнул.

— Его мы тоже можем взять с собой.

Я подумала немного, размышляя, насколько тело эльфа готово к таким прогулкам и пришла к выводу, что он вполне себе здоров.

— Что ж, тогда завтра с утра и выдвигаемся, — повела я итог своим размышлениям.

Сезон дождей был окончен, а это значило, что впереди нас ждало много работы, но кроме этого и много открытий, которые не всегда были безопасными.

Одно дело сказать, что мы выходим, и совсем другое сделать это. В чем сложность? Все донельзя банально — мне нечего надеть. И не стоит смеяться, я на полном серьезе говорю. Если подумать, то в лес тащиться в платье, юбка которого волочется по земле не самая хорошая идея. Каким бы странным не был Вильхельм, но кустарников в нём предостаточно.

Но и штанов у меня нет. Да и не принято тут девушкам надевать штаны. Я бы, конечно, могла и плюнуть на это, но меня запросто могут не понять. И это может оказаться серьезной проблемой в будущем.

В итоге довольно скромное платье из коричневой и очень плотной ткани. Конечно, тоже не ахти как удобно, но, по крайней мере, будет полегче. Ингрид это платье всегда не нравилось. Неудивительно, оно было слишком простым, без всяких украшений.

А мне наоборот, оно даже нравилось. Строгое платье хорошо подчёркивало тонкую талию, узкие руки и хрупкие плечи. Я и в прошлой жизни любила водолазки темных цветов, из-за того, что они отлично смотрелись на мне. Да и длинная, чуть волнистая юбка визуально удлиняла силуэт и смотрелась весьма гармонично. По мне так идеальное платье. Единственное, цвет бы чуточку другой, но и так вполне хорошо.

На ноги надела сапожки из толстой кожи. Наверх накинула ещё нечто напоминающее пончо. В общем, я надеялась, что в таком наряде не замерзну, и меня не начнёт всё раздражать через час блужданий по лесу.

Эльфа мы тоже приодели. Так как его одежда была предназначена немного не для прогулок по лесу, то пришлось ему натягивать на себя обычные штаны, рубашу, куртку да сапоги.

Удивительно, но никакого недовольствия эльф не выказал. Выглядел он так, словно всю жизнь таскал исключительно такие простые вещи.

Еды с собой много не брали, так как Бьярде сразу предупредил, что его народ будет нас кормить на протяжении всего пути. Мне оставалось лишь порадоваться этому.

Дом запирать не стала. Кто тут чего украдет? Все свои, чужих нет. Ингрид попросила только иногда протапливать дом, чтобы за время нашего отсутствия совсем не отсырел.

Строить пока что было нереально, так как вместо земли кругом была одна сплошная каша, поэтому людей тормозить не стала. Вот вернусь, тогда и посмотрим, может, к тому времени уже немного подсохнет.

— И как мы будем двигаться? — спросила, посматривая на вервольфа.

Я помнила, что он говорил однажды, что попросту понесет меня. Но, что в таком случае делать с Охтароном? Сомневаюсь, что он позволить таскать себя на руках, по сути, другому мужчине. Ладно бы он был ранен, так нет же.

Но все оказалось и прощу и сложнее одновременно.

— Вы готовы? — спросил меня Бьярде и, когда я кивнула, подхватил меня на руки. Отчего я невольно вздрогнула и вцепилась в его широченные плечи.

Не знаю, почему, но мне было неловко. Я чуть поерзала, то ли пытаюсь отстраниться, то ли наоборот, прижаться сильнее. Жар, исходивший от Бьярде, ощущался слишком сильно, сразу же вспомнился хелг, температура которого тоже была очень высокой.

Посмотрев на эльфа, поначалу не поняла, что он делает, но потом до меня дошло. Он же

маг! Светлый маг жизни. Хм, и почему тогда он не лечил себя всё это время, а просто принимал зелья? Я ведь знаю, что эльфийские маги жизни они из самых сильных магов в этом мире. Да, я ведь ещё тогда, при самой первой встрече подумала, что он светлый маг.

Надо будет узнать потом отчего Охтарон практически не пользуется своей магией.

— Ну что? — спросил Бьярде, смотря на то, как эльф шепчет что-то себе под нос.

В ответ Охтарон приподнял руку, покрутил с минуту фиги и кивнул.

— Отлично вышло. На день меня вполне хватит.

— Тогда выдвигаемся.

— О чем вы? — спросила, но мне никто не ответил.

В следующую секунду я клацнула зубами от неожиданности. Меня буквально вдавило в вервольфа, но спустя какое-то время все прошло. Я уже поняла, что это мы так резко начали двигаться, но тогда, почему остановились?

Посмотрев вперёд, потеряла дар речи. Мы вовсе не остановились! Просто двигались в чем-то вроде прозрачного коридора. Мир по обе стороны смазывался, словно мы неслись на громадной скорости. Хотя почему словно, всё так и было. Вот только максимум, что я ощущала, так это то, что мы просто спокойно идём, будто на прогулке.

— Что это? — поинтересовалась, так как ничего подобного не припоминала. В академии ни о чём подобном не рассказывали.

— Это одна из наших способностей.

— И как это работает? И где Охтарон?

Я заозиралась по сторонам, завозилась на руках вервольфа.

— Не стоит волноваться. Ваш супруг рядом, просто пока мы не остановимся, он вы не сможете его увидеть. Как и он нас. А как это работает, я вам точно не скажу. Такие коридоры могут делать все из моего народа с самого маленького возраста. Но создавать их весьма трудно. Они сокращают путь почти в тридцать раз. К вечеру мы как раз будем недалеко от той поляны.

— А Охтарон точно рядом? — спросила, посмотрев ещё раз на пролетающий мимо пейзаж.

— Точно, я ощущаю его.

Я замолчала. Если так подумать, то этот коридор создается, либо с помощью плетения из пространственной магии, либо это место нечто напоминающее изнанку. А что? На изнанке тоже свои собственные законы. Так может этот коридор ещё один слой реальности, входивший в который по своему желанию могут вервольфы.

Я больше склоняюсь ко второму варианту, всё-таки никаких телодвижений от Бьярде я не заметила. А вот Охтарон явно сплел какое-то заклинание, с помощью которого увеличил свою скорость. Надеюсь, он выдержит. Всё-таки поддерживать заклинание целый день весьма и весьма сложно. Боюсь, к вечеру ему станет так плохо, что он проклянёт тот миг, когда решил пойти со мной, а не остаться в тёплом и уютном доме.

Просто так сидеть было скучно. Через несколько часов я вспомнила все ингредиенты, которые мне нужны для зелья восстановления, для зелья расщепления и ещё для многих и многих других зелий.

Мысленно прокрутила в голове карту будущего поселка. Прикинула, каким бы мне хотелось видеть собственный дом. Помечтала о том, что однажды сможем выбираться во внешний мир. Поразмышляла, каким бы способом наказать короля и чем бы таким приложить посильнее Светлого Князя. Надолго зависла обдумывая ситуацию, связанную с

хелгом.

В итоге я попросту уснула, сама того даже не заметив.

— Госпожа.

Я тут же подскочила, и благодаря этому чуть не свалилась, но Бьярде, видимо, ожидал нечто подобного, потому что посильнее прижал меня к себе.

— Что такое? — спросила, старательно прикрывая рот рукой. Голова немного шумела, а во рту было сухо. И ещё я хотела есть.

— Прибыли.

Он осторожно отпустил меня на землю, и ещё с минуту держал руки на моих плечах. Я же снова привыкала к тому, что могу стоять на своих собственных руках. Мда, если во время такого странного передвижения я чувствовала себя более-менее нормально, то сейчас, оказавшись на земле, меня едва не вырвало.

В первые мгновения перед глазами всё поплыло, меня затошнило, а ноги так и вовсе то и дело подкашивались. Но неприятное состояние прошло так же внезапно, как и появилось.

— Охтарон, — тут же спросила я, оглядываясь по сторонам.

Мы сейчас явно были в лесу. В ночном лесу. Деревья тут возвышались, чуть ли не до самого неба, а ещё было заметно теплее, чем в нашей долине. Видела я, конечно, лучше, чем обычный человек, но всё-таки так сразу и не сориентировалась.

— Тут я — слышалось позади.

Я обернулась, прищуриваясь.

— Что ты там делаешь? — поинтересовалась, склоняя голову чуть набок. Эльф зачем-то залез в кусты, да так глубоко, что видно его не было.

— Госпожа, чуть дальше наши развели костер, поставили для вас шалаш и приготовили еду. Пройдёмте.

Пару секунд я думала, а потом поняла, что я и сама совсем не против прогуляться до ближайших кустов. Всё-таки целый день я провела на руках Бьярде.

— Да, пойдём, — кивнула, давая вервольфу показывать мне дорогу.

Пока шли, я с интересом осматривалась по сторонам. Здесь, в лесу многие травы сохранились. Конечно, практически никакие из них в зелья в таком виде не пойдут, но вот ягоды или же корешки. А ещё плесень, мох, паутина лесных пауков, грибы, и многое, многое другое. Лес всегда был кладезем для ингредиентов, а уж Вильхельм и подавно.

Ещё много было вокруг светлячков. Хотя птиц тут по-прежнему слышно не было.

— Довольно жутковато.

Рядом едва не материализовался эльф, отчего я невольно вздрогнула. Так засмотрелась по сторонам, что даже не услышала, как он подошёл.

— Разве? — спросила, осматриваясь. — По мне так довольно мило.

Длинное платье тут же сыграло со мной шутку — я зацепилась и едва не упала. Но Охтарон среагировал довольно быстро. Он придержал меня за руку, а потом помог освободить ткань от коряги.

— Если бы я не видел, что вы лечите, то мог бы решить, что вы темная ведьма.

— Почему это?

Собственно, ведьмы в этом мире это те же ведуньи. Вот только нужно же народу как-то называть людей, которые применяют свой талант для того, чтобы проворачивать темные делишки. Вот и появилось слово ведьма. Хотя обычных ведуний тоже часто так называют. Просто то, что мы делаем, для простого народа выглядит не всегда безобидно, поэтому

многие считают, что все ведуньи прибегают только к черному колдовству.

У нас, кстати, есть множество табу, которые истинная ведьма, если она действительно темная, попросту не замечает. Какие? Ну хотя бы те же приворотные зелья. Или зелья туманящие разум. И это самые известные из того, что варить и применять нам не стоит. Самое интересное, что составы этих зелий я тоже знаю. Как варить их нам показывали, при этом строго-настрого запрещали делать это самим. Вот такие дела. И не поймёшь, то ли это правду запрещено, то ли запрет существует лишь для того, чтобы всё его рано или поздно нарушали.

— Вам нравится подобное место. Вас называют своей госпожой создания, которые далеки от нежных цветочных фей. Вы спокойно можете жить в самом загадочном лесу нашего мира, и планируете строить в нём дом для себя и своих людей. Вы много знаете такого, чего знать не должны. Ваши умения меня удивляют почти так же, как и ваш спокойный характер. Этого недостаточно?

Я улыбнулась, пожимая плечами.

— Даже если я и ведьма, то ничего это не меняет. Вы же понимаете?

— Да, — Охтарон кивнул, снова придерживая меня под локоть. Бьярде ушёл немного вперёд, явно не желая мешать разговору. — А вы когда-нибудь нарушали ваши табу?

— Почему вы спрашиваете? Неужели вам так хочется называть меня ведьмой? — я рассмеялась, замечая на лице эльфа небольшое смятение. Удивительно, даже в такой темноте я могла видеть вполне отчётливо.

— Что вы? Просто мне стало любопытно.

— Ну, если так, то я могу удовлетворить ваше любопытство. Нет, пока что мне не приходилось нарушать табу любого ведуна.

— А вы смогли бы?

Мы как раз вышли на поляну, посередине которой был разведён костер. Рядом с ним в некотором отдалении стоял большой шалаш, а в воздухе витали весьма соблазнительные запахи.

— А как вы думаете? — ответила я вопросом на вопрос и снова рассмеялась. — Ох, я так голодна!

У костра нас ждала весьма недурственная каша с кусками мяса. Могу с уверенностью сказать, что вервольфы отлично готовят. Я не стала кривляться и изображать из себя птичку, а поела плотно. Травяной чай тоже получился просто великолепно. Знаю, что наедаться на ночь много не стоит, но завтра всё равно придется много двигаться, так что всё лишнее точно сойдёт.

Охтарон от меня не отставал — ел за двоих.

— Кстати, — начала говорить я, когда с едой было покончено, и мы сидели в тишине и потягивали обжигающий отвар, — вы довольно сильный маг.

— Правда? — удивлённо спросил эльф.

— Почему вы удивляетесь? Насколько я поняла, вы двигались под заклинанием весь день, а это весьма сложно. Продержать заклинание так долго уже хорошо, но ведь вы при этом ещё и двигались, а значит, у вас была удвоенная нагрузка. Не думаю, что в мире так много магов, которые способны повторить подобное. Вы обучались в вашей эльфийской академии?

Охтарон нахмурил брови и поставил кружку с отваром на землю. Он молчал минут пять, отчего мне даже показалось, то он и вовсе не желает отчего-то говорить на эту тему. Когда я уже хотела поменять тему разговора, он нарушил молчание.

— На самом деле я нигде не обучался.

Меня такое признание очень удивило. Даже я, будучи в прошлом откровенным слабосилком и то пошла в академию. В этом мире не так уж много магов и ведунов, чтобы так пренебрегать своим даром, поэтому все, у кого есть хотя бы крупица дара, идут учиться чуть ли ни в приказном порядке. Да и обученный маг это весомый вес в обществе. Ведунов не так сильно уважают и даже больше побаиваются, отчего для нас придумали много всяких ограничений, то же права наследования, но даже такой дар весьма в почете. А тут светлый маг жизни, к тому же эльф, да еще и сын, пусть и младший, Светлого Князя, говорит, что не обучался. Как так?

Свой мысленный вопрос я произнесла вслух.

— Меня с самого детства воспитывали исключительно воином. И всегда говорили, что магии во мне нет. Когда я понял, что это не так, то, естественно, рассказал отцу. Меня проверил глава нашей академии и вынес вердикт, что дар так невелик, что развивать его нет никакого смысла. Мол, я лишь потрачу время на то, что не принесет мне практически никакой пользы. Тогда я был намного моложе, мне было обидно. Я пытался обучиться чему-нибудь сам и доказать всем, что я тоже что-то да могу. Но сейчас, думая о том времени, понимаю — все нормальные книги по магии попросту испарились из нашей библиотеки, осталась лишь художественная литература, по которой научиться чем-либо было попросту нереально. Да и в то время меня пытались так нагружать, что мысли об обучении очень скоро испарились. Много позже я научился нескольким заклинаниям. И то, по чистой случайности, да ещё и у людских магов.

Охтарон замолчал, я же тоже погрузилась в раздумья. Это что же получается? Насколько я могла видеть, Охтарон явно не слабый маг. Тут есть два варианта: либо раньше его дар был на самом деле слишком мал и увеличился лишь недавно, либо всё это чистой

воды ложь и его просто специально не обучали.

— И когда вы обучились заклинанию, которое недавно применяли?

Охтарон задумался, явно вспоминая.

— Года два назад. Тогда война только намечалась, и нас отправляли патрулировать границу. Вот там я и встретил мага, который и показал мне это заклинание.

— Зачем он это сделал? — спросила, заинтересовавшись. Ну, в самом деле, зачем какому-то магу обучать эльфа.

— Там на границе стоит, вернее, стоял гарнизон. Этот маг проходил мимо и остановился на ночь в ближайшей деревне. Мы с ребятами тогда были в патруле и узнали о маге, решили его проверить. Маг оказался из вашего королевства, так что причин задерживать его не было. Мы разговорились, я уже сейчас и не вспомню, о чём именно мы говорили, вот тогда он и предложил научить. Я, вспомнив о том времени, когда безуспешно пытался научиться магии, конечно же, сразу согласился. Получилось довольно быстро. На следующий день маг пошёл своей дорогой. Сейчас, размышляя об этом, я понимаю, что выглядит это весьма странно.

— Не то слово, — хмыкнул я. — Очень подозрительно. Могу с уверенностью сказать, что слабым магом вы точно не являетесь. Скажите, кто бы ни хотел вашего усиления? Ведь насколько бы силен и искусен не был воин, сравнить его с сильным и обученным магом сложно. Это совсем разные весовые категории.

— Что, простите?

— Весовые категории, значит, большая разница. Поистине сильных магов в этом мире не так уж и много, и их знают практически в лицо. И если бы с раннего детства развивали свой магический потенциал, то сейчас не нашлось бы ни одного разумного, знакомого с магическим миром не понаслышке, который бы не знал вас. Если это учитывать, то вас намерено не обучали магии. Как вы думаете, кто поспособствовал этому?

Охтарон надолго задумался. Я же обратила внимания на окружающий нас лес. В нём, как и раньше было до жути тихо. Тихо в том плане, что не слышно признаков жизни. Ни насекомых, ни птиц. Одни светлячки, которые совершенно бесшумны. Даже комаров нет, что меня очень радует. И ещё высоко шумят от ветра кроны деревьев, создавая неповторимый и завораживающий шорох. Если не прислушиваться, то не обращаешь на это никакого внимания, но стоит прислушаться, как начинает казаться, что именно там наверху вся жизнь, тут же, внизу, нет никого кроме нас.

Оглянулась по сторонам, замечая, что лесные великаны образуют в этом месте идеальный круг. Интересно, почему они выросли именно так? Может тут какое-нибудь аномальное место, а мы тут так спокойно сидим? Хотя, не думаю, что вервольфы стали бы оставлять нас в таком опасном месте. Углубиться в свои размышления о всевозможных разломах в земле, да ключах с магической силой, прервал Охтарон.

— Честно говоря, я могу подозревать всю свою семью, — он усмехнулся, и получилось это, как мне кажется, донельзя устало.

— А сколько вам лет? — спросила, понимая, что до этого никогда не интересовалась этим. Да и вообще я слишком мало знаю о своём собственном муже.

— Мне восемьдесят четыре.

Для жителя моей прошлой жизни такая цифра была бы удивительной, учитывая, что выглядел Охтарон очень молодо, но я хорошо знала, что эльфы долгожители. Так же как и маги и ведуны. Жизнь магов продляет сама магия, ведуны же вынуждены всю жизнь пить

специальные зелья. Я тоже их начала пить не так давно. Гадость, но если не пить, то проживу не больше обычного человека.

— Расскажите мне о себе. Я ведь ничего о вас не знаю. Информация о семье Светлого Князя подается во внешний мир весьма дозировано. Я знаю лишь то, что вас в семье пятеро. Трое братьев и две сестры. И это на самом деле удивительно, ведь эльфы никогда не славились большой рождаемостью.

На этих словах Охтарон поморщился.

— Да, всё верно. Я самый младший в семье. Самому старшему брату почти четыреста. И именно он станет следующим Светлым Князем. Уверяю вас, ничего интересного в нашей семье нет. Если бы можно было, то Алмиэля давно бы задвинули подальше, но магией мой старший брат не обделён и это слабо сказано. К тому же он весьма умён, хитёр и жесток. Так что просто так убрать его нельзя. Если только убить. По сути, я на самом деле не так уж и опасен. Все мои братья и сестра не слабые маги, да и умом никто не обделен. Так что я не понимаю, чем именно я кому-то не угодил.

— Должна быть причина, — сказала, придвигаясь чуть ближе к огню. Хоть тут и было заметно теплее, чем в долине, но всё-таки не тропическая жара. — Либо в вас увидели нечто, что могло пошатнуть позиции всех ваших старших братьев и сестёр, либо... А вы уверены, что вы самый младший? Нет ли у вашего отца какого-нибудь неучтенного ребенка?

Видели бы вы лицо Охтарона в этот момент. Даже такого эльфа, который особо не показывает свои эмоции, видимо, можно не слабо удивить.

— Вы меня удивили. В который раз поражаюсь вашему мышлению, оно слишком нестандартное. Но если подумать над этим, то я никогда не слышал, ни о чём таком. Почему вы вообще решили, что такое реально.

— Ну как же? Это ведь очень просто. Если после вас есть кто-то, кто страстно желает стать следующим Князем, то он явно будет всеми силами стараться убрать всех стоящих спереди. Можно было бы начать с самого старшего, Алмиэля, кажется, но потеря наследника может взбаламутить и насторожить эльфийское общество. Поэтому нейтрализуем самого младшего, которого, к тому же, не очень любит Князь. Потом чуть подождать и устроить несчастный случай следующему в очереди. И так до тех пор, пока между ним и заветной целью не останется никого кроме самого Светлого Князя. Затем обнародовать своё происхождение и, вуаля, непризнанный ранее шестой ребёнок становится наследником трона. Эльфы живут долго, так что во времени он не ограничен. Поэтому можно сделать всё так, что никто ничего не узнает. Конечно, его всегда будут подозревать, что это именно он устранил своих братьев и сестёр, но без доказательств знания ничего не стоят. Но это так, лишь мои мысли. Вполне возможно, что ничего такого и нет, и вам просто не повезло изначально. Может ваш дар раньше был и вправду не так силен.

— Я вам уже говорил, что вы всё-таки больше ведьма, чем ведунья? Вы сказали, и я теперь не могу отделаться от мысли, что всё именно так и было. А ведь, насколько я знаю, ведуны способны видеть будущее. Может ли быть такое?

Поначалу мне захотелось рассмеяться такой нелепице, но так и не родился. Если вспомнить, мои силы многократно усилились благодаря хелгу, так почему бы такому дару, как предвиденье не развиваться так быстро? Обычно для этого нужны долгие годы, но ведь и хелг не простой смертный, а значит, и его сила не так проста.

Конечно, ни о каких видениях речи не шло. Я просто рассуждала сейчас, но кто сказал, что мои рассуждения не продиктованы даром предвидения? Боже, так и голову можно себе

сломать. Одни вопросы и никаких ответов. Впрочем, как обычно. Всё в этой и не только этой жизни приходится узнавать самостоятельно.

— Вы же знаете, что я не доучилась, — я улыбнулась, закутываясь сильнее в своё пончо. Эльф подбросил в костер хвороста. Вверх тут же взвились искры, а круг света вокруг нас на мгновение расширился. — Честно говоря, до того, как попала в Вильхельм, я была очень слабым ведуном, но уже тут моя сила усилилась. Такие сложные дисциплины, как гадание и предвиденье мы проходили лишь вскользь. Именно поэтому не могу сказать, есть ли у меня подобный дар или нет. Вернее, я знаю, что, как и любого ведуна должен быть, но ведь, чтобы развить его необходимо много времени. Это очень сложное ответвление в ведовстве, поэтому информации у меня не так много по этому предмету. Раньше меня особо не привлекала учёба, что печально. Поэтому не могу сказать, подкреплены ли мои рассуждения даром предвиденья или же это просто слова и мои собственные мысли.

Охтарон кивнул и хотел ещё что-то сказать, но в этот момент с краю поляны появился Бьярде, который пару секунд постоял, убеждаясь, что мы его заметили, и пошёл в сторону нашего костра.

— Бьярде? Что-то случилось? — спросила, поглядывая в ту сторону, откуда появился вервольф. А ведь я даже не услышала его, пока он не показался на поляне.

— Да, госпожа, вас хотят видеть и поговорить с вами.

— И кто же? — поинтересовалась, удивляясь. Кто же тут меня хочет видеть?

— Я приглашу?

Кивнула, испытывая крохотное любопытство. Эльф же смотрел с подозрением на вервольфа. Странно, а ведь раньше он испытывал явное любопытство. Что-то изменилось?

Дождавшись, когда вервольф скроется из виду, задала свой вопрос Охтарону.

— Я ему не доверяю, — буркнула эльф, тут же замолкая.

Ну да, ну да. На развернутое объяснение я и не рассчитывала.

В этот самый момент на краю поляны снова появился Бьярде, а вот то, что следовало за ним, увидеть я была не готова.

— Доброй ночи. Звездного неба госпоже Сумрачного Вильхельма.

— Я... — начала я, запинаясь. Всё-таки не каждый день увидишь громадную арахну, которая к тому же преклоняет перед тобой колени. — И вам неба, усеянного звездами.

Охтарон наклонился и почти коснулся губами моего уха, отчего я невольно вздрогнула и слегка отстранилась, но, кажется, эльф даже не заметил этого.

— Напомните мне, зачем мы отправились в лес?

— М, я шла за травами, а вы увязались за мной, — ответила, немного приподнимая юбку — подол и так уже весь намок.

— Не мог же я отпустить вас одну, — тут же якобы возмутился эльф, помогая мне переступить через крупный булыжник.

— Спасибо, — я чуть улыбнулась, мельком взглянув вперёд. — Только не говорите мне, что это ваша основная причина. Мне показалось, что вы просто не хотели сидеть в доме в одиночестве.

— Конечно и это тоже, но уверяю вас, что главная причина совсем не эта.

— Хорошо, — я немного поежилась. Оказывается, я не очень люблю всякие пещеры. — К чему вы задавали свой вопрос? — спросила, так как идти в тишине, которую наполняют лишь шорохи от множества лапок.

— Почему же мы пошли всего лишь за травами, а сейчас направляемся в логово пауков. Предупреждаю, я не очень люблю таких созданий. Все ваши друзья такие?

Я вздохнула. Мне самой пауки были не очень приятны. Конечно, лютой ненависти я к ним не испытывала, но если можно было бы избежать тесного контакта, то я бы с радостью отказалась бы от такой радости. И ладно ещё пауки маленькие — таких в этой пещере тоже хватало — так нет же! Видимая нами арахна была громадна.

О, эти мощные мохнатые лапы, это большое брюхо, паучьи глаза. Боюсь, что после такого я очень долго буду восстанавливать свой сон. Ах, нужно еще сказать, что арахна была наполовину человеком. Очень похоже на кентавров. А, и еще она явно была девушкой, по крайней мере, наличие бюста размера этак пятого, отчетливо об этом говорило. Хорошо хоть грудь прикрыта была. Собственно, это было единственным, чтобы и было прикрыто.

— Думаю, — снова вздохнула я, перешагивая какие-то железки. Охтарон внимательно на них посмотрел и покачал головой. Мне же пришлось признать, что это когда-то давным-давно было доспехом, который благополучно сгнил от времени и от сырости. — Теперь это и ваши друзья.

— Без этого никак?

— Увы, но пока вы мой супруг, то придется привыкнуть к подобному, — я вяло улыбнулась. — И почему тут так сыро?

— Не волнуйтесь, госпожа. Это только у входа влажно, дальше будет сухо и тепло, — прошелестело рядом.

Я едва смогла удержать в себе крик. От неожиданности я отшатнулась, тут же спотыкаясь. Рука Охтарона, в который раз меня спасла от падения. Я хотела уже отойти от него, но он придержал меня рядом. Опустив руку, взял мою ладонь и переплёл наши пальцы. Если бы вокруг не сновало сотни пауков разных размеров, а впереди и рядом не вышагивали здоровые арахны, то я обязательно бы смутилась, сейчас же я просто ближе прижалась к эльфу, закусывая нижнюю губу.

— Как думаете, что им от вас нужно? — минут через пять спросил Охтарон.

Пещера действительно становилась более сухой и теплой. Мелкие паучки пропали, зато везде можно было увидеть просто тонны паутины, которая покрывала всё, начиная от стен, заканчивая потолком. Чем дальше мы шли, тем больше становилось паутины, в один момент я заметила, что даже пол полностью устелен ею.

— Понятия не имею. Может, им тоже нужна привязка, — задумчиво пробормотала я, но у Охтарона слух был не хуже моего.

— Что за привязка?

Я глянула на него, понимая, что рано или поздно все равно пришлось бы говорить.

— Вервольфы, ну те, один из которых Бьярде, однажды пришли ко мне и сказали, что я теперь их госпожа. Вытащили меня среди ночи в лес, накапали крови в чашу, попросили окропить кровью тотем. В общем, они не могут взаимодействовать с Вильгельмом напрямую, им обязательно нужен связывающий. Тот, кто стоит между ними и лесом. И не спрашивайте меня, зачем он им нужен. А уж о том, почему именно я, мне и вовсе не известно. Меня тоже однажды просто поставили перед фактом. Ну, я, собственно, не была сильно против. От вервольфов много пользы. Вреда мне или людям они не причиняют. Вот я и подумала, может, паукам нужно нечто подобное.

— Не совсем, — снова прошелестело рядом.

Арахн явно мужская особь бодро шествовал неподалёку, поэтому отлично слышал, о чём мы говорим. Я бы может и оскорбилась из-за того, что нас подслушивают, но мне нужно было знать, куда и зачем нас ведут, ведь там, на поляне нам ничего не сказали толком, просто очень сердечно попросили пойти с ними. Да, да, та арахна была не одна, с ней оказалось ещё с десятков пауков.

— А можно подробностей? — спросила, надеясь, что арахн будет болтлив, но не судьба.

— Позже, госпожа. Могу сказать только, что вреда ни вам, ни вашему мужу никто не причинит.

— Уже хорошая новость, — прошептал эльф, снова наклоняясь ко мне слишком близко. От тихого шепота по спине поползли мурашки, резко захотелось выдохнуть или же встряхнуться.

Либо у него в таких ситуациях личное пространство слишком сокращается, либо он всегда был любителем быть поближе, но я не замечала. Отстраняться, впрочем, мне совсем не хотелось. Странно, но от Охтарона пахло так, что хотелось вдыхать запах снова и снова. Я и раньше это замечала, но сейчас почему-то ощущала это очень отчетливо. Интересно, почему?

О, это, наверное, шутки психики. Говорят же, что в опасное для жизни время люди испытывают повышенное сексуальное желание. Это обусловлено тем, что мозг допускает возможность скорой гибели и пытается заставить организм оставить после себя как можно больше потомков. Вот и у нас так. Раньше мы так близко друг к другу без причины не приближались. Сейчас же Охтарон отчетливо сокращает расстояние между нами, я же мало того, что не сопротивляюсь этому, так ещё и понимаю — он мне очень нравится. Его запах, голос, сильная рука, мощное тело, всё в нём сейчас меня влечёт, как никогда ранее. Это всё просто от стресса.

Решив всё для себя, я улыбнулась и немного отстранилась. Гормоны гормонами, но разум нам дан не просто так.

— Долго нам идти? — спросила, уже почти успокоившись.

Арахн рядом помотал головой. Только сейчас я его рассмотрела. Конечно, ни о каком

свете тут речи не шло, но паутина немного светилась, будто фосфоризирует, так что арахна я видела хорошо.

Что могу сказать о теле? Паук. Громадный, со здоровенным брюшком, на котором были выведены какие-то узоры. Цвет у него черный. Лапы не мохнатые, а с зубринами. Если судить по лицу и торсу, то это явно был юноша лет двадцати, не больше. Черные волосы до лопаток, завязанные в низкий хвост. Кожа была бледной. Черты лица не слишком правильными, но некрасивым его нельзя было назвать, наоборот, лицо было весьма привлекательным. Большие глаза, пухлые губы, чуть кривоватый нос. В общем, парень был неплох. А если учитывать довольно накачанные руки, широкие плечи, то и вовсе красавец. Если попытаться забыть, что вместо ног у него паучье тело. Только от этой мысли у меня в животе всё перевернулось. Слишком уж это странно. Вервольфы ещё ладно, но полупауки...

— Придется немного потерпеть, — арахн виновато улыбнулся. Говорил он так, будто шелестел, весьма необычно. — Мы подготовили для вас комнату. Нам нужно пройти ещё примерно столько же, сколько мы уже прошли.

Я вздохнула, опуская край юбки. Держать её уже не было никакой нужды. Весь пол был так плотно покрыт паутиной, что создавалось ощущение, словно мы идем по пушистому и пружинистому ковру.

Идти нам, как оказалось, ещё довольно далеко. По моим внутренним часам шли мы уже часа полтора. Оставалось надеяться, в пищу употреблять нас не станут. Слишком много возни с теми, кого должны были просто скушать.

— А как вас зовут? — поинтересовалась у арахна, так как идти просто так было скучновато. Бояться я уже устала, да и от близости эльфа нужно было себя отвлечь, иначе все мысли так и скатывались в область, где наши пальцы были переплетены.

— О, меня зовут Риошер. Спасибо, что спросили, госпожа.

Арахн улыбнулся так, что я заподозрила неладное.

— Отчего ты так рад?

— Понимаете, моё имя ещё не было подтверждено, хотя я выбрал его себе уже много циклов назад. И вот сегодня вы подтвердили его. Поэтому я и рад.

М? — я подняла голову и посмотрела на эльфа, который, в свою очередь так же вопросительно смотрел на меня. Значит, мне не показалось, и я не делала ничего такого. — А не подскажешь, как именно я умудрилась подтвердить твоё имя?

— Кончено! Все мы рождаемся из кладок. И, конечно же, имен поначалу не имеем. Имя надо заслужить, а потом подтвердить. Риошер, кстати, означает «один из самых умных» на нашем языке. А подтверждается имя очень просто. Когда кто-то уже имеющий имя и обладающий властью спросит, как тебя зовут, и ты назовёшься, то с этого времени имя вступает в силу. Мне очень повезло, что моё имя спросила, тем самым его подтвердив, сама госпожа Вильхельма. Это большая удача.

— Мда, век живи — век учишь, — задумчиво протянула я, осматривая арахна. Не знаю, что именно не так, но мне, кажется, он за несколько минут как-то изменился, что ли. Понятное дело, второй головы у него не выросло, но что-то явно было не так.

Охтарон тоже осматривал арахна и, по его лицу было видно, что и он что-то видит, а что именно понять никак не может.

— А ничего что ты разбалтываешь нам такую важную информацию? — спросил эльф.

— Ничего. Вы же муж госпожи, а от госпожи держать секреты и вовсе бессмысленно.

Прозвучало это так, что Охтарон немедленно опустил взгляд на меня. Я же пожалала

плечами, показывая тем самым, что я вообще не при делах и понятия не имею, что он имеет в виду.

Оставшееся время мы шли молча. Я боялась сказать или спросить что-нибудь, так как вдруг это снова окажется чем-то вроде того же подтверждения имени. Нет уж, мы молчком пойдём лучше. Мне, конечно же, было интересно, откуда арахны знают язык людей, но спрашивать я поостереглась.

Внутри стало совсем тепло и сухо. Мелких паучков видно больше не было. Да и коридор расширился, явно становясь больше.

Через какое-то время мы оказались в небольшой пещере.

— Стойте тут, я сейчас, — Риошер пулей скрылся за ближайшим поворотом.

Мы же остановились.

— Пришли? — спросил Охтарон, оглядываясь.

— Думаю, что да, — ответила, аккуратно освобождая свою руку.

Эльф на это на мгновение сжал пальцы чуть сильнее и отпустил меня. Я же неловко улыбнулась, отворачиваясь. Отчего-то от этого его крохотного движения сердце на мгновение споткнулось в груди.

Улыбка тут же сползла с моего лица. Я тяжело и глубоко вздохнула. Боюсь, если так пойдёт и дальше, то я попросту влюблюсь в Охтарона. Я даже не знаю, чего боюсь больше — влюбиться или же однажды понять, что это все односторонне.

Тряхнув головой, попыталась выбросить эти мысли из головы. Не время и не место думать о подобном.

Пока ждали, обошли эту пещерку несколько раз по кругу. Из неё было несколько выходов, но соваться туда мы не стали. Из них слышался шорох лап и приглушённые чуть шипящие голоса. Надеюсь, мы выберемся отсюда без последствий.

Минут через пятнадцать-двадцать, вернулся Риошер. При этом он сиял так, будто его там начищали, словно медный таз. Я даже заподозрила неладное.

— Чего это ты? — спросила, снова вставая рядом с Охтароном.

Эльф незамедлительно обнял меня за плечи и притянул ближе. Всё-таки весьма необычно, раньше он такого не делал.

— Благодаря вам меня повысили. Спасибо, госпожа. Я буду носить своё имя с честью.

— О, — я вяло улыбнулась. — Поздравляю. Рада, что смогла тебе помочь. И? Куда нам дальше?

— Дальше? Никуда. Сейчас наша королева придёт сюда к вам. Если хотите можете подождать вот тут.

Арахн отодвинул паутину, которая закрывала собой круглое отверстие, которое отдаленно напоминало дверь. За ней была небольшая пещерка, полностью укутанная паутиной. На полу она была до того мягкой, что казалось, будто лежишь на кровати. А ведь мы там и не поспали.

— Через сколько времени будет королева? — спросила, осматривая комнату-кровать.

— Через столько же, сколько мы шли сюда с поверхности.

— Ого, долго, — удивилась я. Мы шли часа три, не меньше.

— Да, мы не ожидали, что вы будете так близко от одного из наших ходов, поэтому королева не успела подняться на эти уровни снизу.

— Ничего. Подождем, — сказал Охтарон и встал перед арахном. — Ты можешь постоять снаружи, мы отдохнём.

— Конечно, отдыхайте.

Риошер тут же вышел, прикрывая за собой паутину-дверь, а Охтарон обернулся ко мне.

— Прилягте, отдохните. Я разбужу вас, когда придёт время.

— Хорошо, — не стала спорить я, так как на самом деле очень хотела спать.

Немного потоптавшись на месте, легла около одной из стенок, тут же ощутив, что эльф сел рядом со мной. Хлопнув пару раз сонно глазами, не успела ничего понять, как моментально уснула.

Проснулась я резко от едва уловимого толчка. Эльф, склонившись надо мной, тихо звал по имени.

— Что? — спросила, садясь.

— Риошер зовёт, говорит, королева пришла.

— Уже? Долго я спала?

Встав, начала приводить себя в более-менее нормальный вид.

— Часа три, не больше. Вы выглядите великолепно, — попытался подбодрить меня Охтарон, но по смешинкам в его глазах, поняла, что, скорее всего, больше похожа на растрепанного птенца, чем на что-то более привлекательное.

Сама от себя не ожидав, надулась.

— Лжец, — буркнула, бросая это гиблое дело.

— Ни в коем разе, — тут же попытался меня заверить эльф. — Вы на самом деле смотрите мило.

А вот в этот раз я смутилась, поэтому отвела взгляд в сторону, прикусывая нижнюю губу.

— Ладно, пойдёмте, нас ждут, — сказала, делая шаг в сторону выхода.

Если описывать королеву, то можно делать это очень долго. Но я не стану вдаваться в самые мельчайшие подробности и попытаюсь быть максимально лаконичной. Первое, на что я обратила внимания, когда вышла в пещеру, это цвет арахны. Она была белоснежной. Второе, её рост. Если сравнивать с людьми, то королева точно была около четырех метров. И это только в высоту. Размер её брюшка поражал воображение.

Теперь понятно, что нас довели именно до этой пещеры. Раньше проход был хоть и широк, но вряд ли бы королева смогла пройти там.

По поводу окраса. Учитывая её снежные волосы и лиловые глаза, думаю, что арахна попросту альбинос. Причём белыми у неё были и ресницы и брови.

Черты лица слишком правильные. Пухлые губы, ровный нос, большие глаза. Говорю сразу, на лицо она была гораздо красивей меня. В отличие от двух предыдущих арахнов, она была одета, по крайней мере, торс оголен не был. Да и на лапках поблескивали какие-то украшения, а на брюшко накинута украшенная камнями причудливая сеть фиолетового цвета. Смотрелось это может и красиво, но я всё же не была любительницей пауков.

Белоснежные волосы были длинными и прямыми. На голове сверкала тиара, усыпанная камнями. В общем, выглядела королева на свой статус. Немного портило картину чуть высокомерное выражение на лице, но и оно быстро исчезло, когда её взгляд упал на нас.

Для её размера эта пещера всё-таки была маловато, поэтому она не сдвинулась с места, лишь приветливо заулыбалась и едва уловимо кивнула.

— Ясного неба над головой, госпожа, — прожурчала королева, изящно убирая один из локонов за спину.

Я даже немного позавидовала. Какой бы симпатичной и хрупкой я не была, но вести себя вот так изящно и красиво никогда не умела. Наверное, это врожденное. А может, я просто не старалась?

Немного подумав, решила, что точно такое же приветствие будет не очень уместным. Не думаю, что королева очень уж часто бывает под светом солнца. А это значит, надо придумать что-то другое.

— Пусть твердь земная будет к вам благосклонной, — выдала я после секундной заминки. Пусть приветствие выглядело нормальным, но я немного смутилась. А вдруг, тут так не говорят? Ещё на смех поднимут.

Но ничего подобного не случилось. Королева только удивлённо распахнула глаза, а потом заулыбалась ещё ярче. Что-то я сомневаюсь, что эта арахна всегда такая.

— Моё имя Даришена, и очень рада видеть вас, госпожа. Ваша имя я знаю. Вильхельм был благосклонен к нам.

Честно говоря, чувствовала я себя не в своей тарелке. Ещё совсем недавно я была дочерью простого барона, а тут королева загадочных существ величает меня госпожой. Это, по меньшей мере, выбивает из колеи.

— Зачем я тут? — спросила, немного хмурясь.

Все это было очень странным. Мне не нравилось то, что происходило. Я была бы вполне довольна, если бы мне просто позволили собирать травы, варить зелья, жить в долине и никаких пауков. Понимаю, может прозвучать малодушно, но чем дальше я двигалась, тем

страшнее мне было. Жизнь простого человека хоть и уныла, но не так опасна, а я ведь далеко не супергерой. Хотя должна признать, моё любопытство и некая авантюрная жилка были довольны, но вот здравый смысл буквально умолял быть осторожнее.

— Вильхельм закрылся от нас. Волки с поверхности должны были рассказать вам. Все мы, создания Вильхельма. Мы неотделимы от него. Не станет леса, не станет нас. В свок очередь лес без нас может спокойно существовать. Без связи с ним мы глухи и слепы. Но Вильхельм милостив к своим детям. Закрывшись от нас, он назвал имя той, кто станет отныне проводницей. Народ подземных шиешеров просит вас, госпожа, принять нас и позволить нам снова чувствовать нашего создателя.

Ну, по крайней мере, ничего неожиданного не произошло. Эти тоже нужен связывающий, только они называют меня проводницей. Интересно, в Вильхельме много таких вот народов. Сам лес, насколько я знаю, большой, так что не исключено, что меня разок другой ещё позовут поделиться своей кровушкой. Кстати, насчёт этого.

— И что я для этого должна сделать?

Соглашаться, не узнав подробности, по меньшей мере, глупо. Вдруг тут для этого нужно, например, оттяпать себе руку. На такое я не согласна.

— О, ничего такого, — снова улыбнулась арахна, а у меня по спине табуном пробежали мурашки. Следующие минуты будут сниться мне по ночам в кошмарах. — Всего лишь позволить мне себя сожрать! — секунду назад красивое лицо королевы исказилось в гневе. Она распахнула рот, вернее, даже не рот, а пасть. Размер был слишком большим. И в этой пасти хорошо были видны клыки, с которых что-то капало. Клыки были длиной как минимум сантиметров в пятнадцать, и как такие штуки помещались раньше в её рту? — Это какая-то шутка? Я, великая королева народа шиешеров, должна поклоняться какой-то человечке?!

Она говорила, жутко шепелявя, но понять слова всё-таки было не сложно. Да и рот при этом не закрывала. Как она говорит? Чем? Не думаю, что сейчас время размышлять об этом, но ничего не могу поделать, мозг сам цепляется за странности.

Охтарон среагировал быстрее меня, он тут же схватил меня за руку и куда-то потащил. Я же впервые мгновения вала в ступор.

Остальное отпечаталось в мозгу лишь фрагментами.

Арахна замахивается передними лапами, на которых откуда-то взялись наросты, очень похожие на ножи. Вот она быстро преодолевает те жалкие несколько метров до нас, и слишком, слишком быстро опускает свои лапы.

Следующий кадр. Я прижата эльфом к стене, но я вижу, что белоснежная арахна с кем-то сражается. Небольшую пещеру наполняет шипение, скрипы, скрежет, от которого желудок до самого горла подскакивает.

Кто-то что-то говорит, с каждой минутой становится всё громче. К предыдущим голосам добавляются другие. Я сама не понимаю, что меня трясет. А ещё в голове пусто. Я ведь знала, что такое всегда может случиться, но отчего-то всё равно было неожиданно.

Благо, ступор пропал довольно быстро. Вздохнув глубже, чуть пошевелилась.

— Не стоит, — послышался голос Охтарона.

Я попыталась приподнять лицо, но он практически вдавливал меня своей спиной в стену. Хорошо хоть дышать могла свободно.

— Что там? — спросила, чувствуя, как под моими ладонями напрягается спина эльфа.

— Узнаем позже. Уйти отсюда мы пока что не сможем. Боюсь, мы были по-глупому

доверчивы.

— Да, — ответила, закрывая глаза.

Не уверена, что он меня услышал, так как шум стоял сильный. Судя по тому, как время от времени дёргался Охтарон и сразу же слышался звон металла, он успевал ещё и своим мечом помахать. Меч, кстати, был старым и ржавым. Мне притащили его жители долины, а я отдала его эльфу, так как знала, что он воин. Он оценил его, скривившись так, будто сжевал лимон целиком, но за неимением лучшего, таскал этот. Махал он им отлично, хотя сам свои потуги оценивал очень низко, говоря, что баланс у меня ужасный.

Королева что-то там зашипела, но говорила она явно на своём языке, поэтому понять её я не смогла. Вообще, судя по всему, с ней кто-то дерется. Но кто? Неужели вервольфы последовали за мной?

Еще спустя десяток секунд я ощутила давление магии. Да такое сильное, что пришлось сглотнуть. Но ощущение было весьма знакомым, так что я сразу вспомнила хелга. Эльф же дёрнулся и захрипел, но не сдвинулся с места.

Я заволновалась. Сразу же после этого звуки боя исчезли и еще через полминуты, Охтарон сделал шаг в сторону и привалился к стене спиной. При этом он дышал так, словно пробежал ни один километр на полной скорости.

Получив свободу, тут же осмотрелась. Удивляться было чему, но некогда. Состояние эльфа мне не понравилось, поэтому, убедившись, что опасности вроде как нет, быстро осмотрела его. Вроде цел.

— Что не так? — спросила, бегая взглядом по бледному лицу Охтарона.

— Все нормально, — прохрипел он. — Неужели вы не ощутили то давление недавно?

Он с каждой секундой выглядел всё лучше и лучше, поэтому я немного успокоилась.

— Давление? — конечно же я его ощутила и даже догадалась, кто именно был его автором. Не знаю, как хелгу удалось такое проверить, ведь сам он сидит далеко отсюда, да и насколько я знаю, сила его почти запечатана. Но я больше чем уверена, что это всё-таки был хелг. Конечно, он возлагает на меня определённые надежды и ему не хотелось бы, чтобы меня сожрала строптивая королева арахнов. Интересно, а как он наблюдает за мной, а судя по всему, в том, что он наблюдает, не было никаких сомнений. — Это Вильгельм.

Охтарон на это удивлённо глянул на меня и кивнул, принимая такое объяснение.

Я же, убедившись, что эльфу не грозит никакая опасность, повернулась к пещере. М-да. Всё смешалось, люди, кони. Это я так, шучу от нервов. На самом деле тут действительно была какая-то каша из многочисленных лап. Сколько тут арахнов? Ну, белые точно принадлежат, надеюсь, мертвой королеве, а остальные?

Около дальнего входа кто-то завозился. Охтарон тут же напрягся, как и я.

— Госпожа? — прозвучало хрипло.

Судя по голосу, это Риошер.

Арахн попытался встать, но тут же рухнул обратно. С подозрением посматривая на кучу из мёртвых пауков, я обошла их по стеночке и приблизилась к Риошеру. Подходить близко не осмелилась — у меня в памяти так и стояла королева с раскрытой пастью, в которой были клыки с мою ладонь длиной.

— Что это было?

Я невольно вздрогнула, оборачиваясь. Как оказалось, эльф пошёл следом за мной. Он снова задвинул меня за спину, а сам направил на арахна меч, который был вымазан в чем-то белом. Осмотревшись, поняла, то это, скорее всего, кровь арахнов.

— Госпожа цела? — спросил Риошер, по-прежнему страшно хрипя.

— Если да, то что? — вопросом на вопрос ответил Охтарон, поглядывая в сторону прохода, из которого мы пришли. Он весь был завален мертвыми телами.

— Слава Вильхельму, — облегченно выдохнул паук, снова завозившись.

Немного подумав, вышла из-за спины Охтарона и подошла ближе к арахну. Эльф не пытался меня остановить, но прошептал, что нам надо срочно уходить, если не хотим навлечь на себя ещё больше неприятностей. Риошер вызвал во мне исключительно положительные эмоции, наверное, именно поэтому я дал ему зелье среднего исцеления, которое держала при себе.

Сунув пустую бутылочку себе в карман, я встала и повернулась, но тут же застыла. Кажется, сегодня мы отсюда не уйдём.

В одном из проходов стоял арахн. И могу с уверенностью сказать, что был он не намного меньше почившей королевы.

— Госпожа? — прогудел он. Голос этого паука был хриплым, но сильным и гулким. Между нами застыло молчание. Я слышала, как в моей груди сердце набирает скорость. — Вы целы? Слава Великому Вильхельму, — буквально выдохнул он и приподнял руки вверх, показывая, что, мол, совсем не опасен.

— Старейшина Эомшер!

От резкого звука я отшатнулась в сторону, но потом поняла, что это всего лишь Риошер. Кстати, их имена, это какая-то традиция заканчивать каждое имя на «шер»? А, хотя, королеву же звали Даришена. Окончание на «шена». Думаю, тут должно быть определённое правило.

— Молодой шиешер! Королева мертва, что тут произошло? Она ведь пошла встретить госпожу. Потом Вильхельм на мгновение явил на свой гнев. Почему? Отвечай!

В общем, Риошер кратко всё рассказал. Он уже более-менее пришёл в себя, даже перестал изображать почти умирающего паука. Ему удалось встать на лапы самостоятельно, хотя они и тряслись у него. Оглядев его мельком, пришла к выводу, что его просто сильно стукнули по голове, так как никаких порезов видно не было, да и конечно все целы.

После услышанного, Эомшер побледнел. Он тут же кинулся извиняться передо мной, но мне, если честно, хотелось только одного — поскорее оказаться на поверхности.

— Вы ведь не откажетесь от нас? — спросил старейшина, а я глянула в тот проход, из которого он появился. Там была целая куча арахнов поменьше, которые толклись, шептались и вытягивали шеи, желая рассмотреть, как можно больше.

Отказаться? Я бы с радостью! Вот только, если я сейчас скажу, что мне плевать, как будут жить эти пауки без связи с лесом, то вполне может статься, что они не дадут мне отсюда уйти вообще. Убить не убьют, так как в хелгом не забалуешь, но оставаться в этих, оплетенных паутиной туннелях дольше нужного, желания у меня не было никакого. Да и откажешь сейчас, и как потом жить лесу и ходить по нему спокойно, когда в любой момент на тебя может напасть обозлённый паук? А ведь многие из них ядовиты, не говоря уже о том, что мне нужна паутина для некоторых зелий. В общем, не порем горячку, а спокойно принимаем арахов.

— Ещё раз спрашиваю, что нужно для ритуала? И что с вашей королевой?

— О, — Эомшер тут же засуетился. — Пойдёмте, не стоит тут оставаться. Сейчас тут приберут. С королевой? Даришена всегда была слишком властолюбива, наверное, её не устроило то, что вы не нашей расы. Но это такая глупость, то, что внутри порой может

сильно отличаться от внешнего вида. Вам ли это не знать, госпожа. Она была слишком юной. Её мать умерла недавно и так неожиданно, что нам попросту не хватило времени, чтобы понять, что она за шиешена. Но даже мы никогда бы не подумали, что она попробует убить проводника к Вильхельму. Это неопишуемая глупость! Как хорошо, что за вашей встречей приглядывали сознательные шиешеры и не дали случится непоправимому, пусть даже и ценой своей жизни. Вильхельм в любом случае не оставил бы вас, но даже царапина на вашем теле покрыло бы наш народ позором. Даже от того, что случилось нам придётся долго отмываться. Еще раз прошу прощения. А для ритуала ничего особого не нужно. Капля крови и ваше желание принять шиешеров, не более этого.

Честно говоря, идти никуда не хотелось, и принимать тоже.

— Вниз спускаться не стану, — тут же предупредила я.

Старейшина остановился, вздохнул и покивал головой. Потом проводил нас в ближайшую пещеру, попросил быть в ней, приставил к нам Риошера, а сам куда-то ушел.

Ждать пришлось долго. Но оно того стоило. Часа через четыре в пещеру, в которой были мы с Охтароном, тройка арахнов встацила странного вида каменный сосуд. Метра три высотой, весь в круглых отверстиях, и широким дном и узким горлышком.

— Вот, — рядом появился Эомшер. — Это сосуд Вильхельма. Вам нужно всего лишь капнуть немного своей крови в него и всё.

Пауки между тем, установили сосуд посередине пещеры, потом начали тянуть от него во все стороны паутину. Она выходила из тех круглых отверстий, и с каждым мгновением её становилось всё больше.

Размышлять о том, что это и зачем, я быстро подошла к сосуду и подняла голову вверх. Ну и как я должна туда забраться? Покрутив головой, увидела Риошера. Позвала его, на что он с радостью откликнулся.

С его помощью поднялась на нужную высоту. Пусть Риошер был ниже трех метров, зато, как оказалось, он весьма силен и смог поднять меня руками повыше. Все это время старейшина причитал что-то о том, что том внизу все было подготовлено, что он и сам может помочь мне, что сожалеет. И так далее.

Достав небольшой ножик, чиркнула себя по ладони и позволила крови политься в сосуд. Это уже было, но даже так, ранить себя мне совершенно не нравилось. Решив, что достаточно с них, попросила Риошера опустить меня обратно. Арахн тут же подчинился. Спускаясь, немного запачкала его своей кровью, но тот был вовсе не против, наоборот, светился, как галогеновая лампочка.

Надолго оставаться тут я не хотела, поэтому попросила проводить нас к выходу. Причём попросила именно Риошера. Тот не отказался, хотя старейшина и хотел дать нам в сопровождение какого-то другого паука.

— Госпожа, я хотел бы вас поблагодарить, — сказал арахн, когда мы, наконец, достигли поверхности и уже видели Бьярде, который явно сильно тревожился.

— За что? — спросила, мысленно находясь в мягкой постельке или же с сочным куском мяса в зубах.

— За то, что исцелили меня. За то, что подтвердили моё имя. За то, что стали проводником шиешеров, несмотря на то, как мы себя повели. Я бы хотел подарить вам что-то, но пока что у меня нет ничего кроме моей паутины.

Я задумалась. Паутина арахна? А ведь для зелья восстановления и расщепления действительно необходима паутина. Так почему бы не использовать паутину арахна? Не по

правилам, но ведь может что-то и получится! Решено!

— Хорошо, этого будет более чем достаточно.

Вот так я обзавелась весьма интересным и пока что совершенно неизученным ингредиентом. К тому же договорилась с Риошером, если мне понадобится ещё, то я всегда могу рассчитывать на него. Арахн, уходя обратно под землю, выглядел весьма довольным.

После был взволнованный Бьярде, осторожные вопросы от него, сытый ужин и мягкая постель в большом шалаше. А утром я проснулась под боком Охтарона, уткнувшись носом ему в грудь.

Шевелиться не стала, просто лежала и рассматривала лицо Охтарона вблизи. Эльф спал, тихо дыша. Почему-то возникло стойкое желание сделать что-то безумное. Приподняв руку, кончиками пальцев прикоснулась к его губам, при этом практически не дыша.

Казалось такое едва уловимое движение, не должно было его потревожить, но мою ладонь резко поймали и крепко сжали. Тело эльфа секунду назад полностью расслабленное, моментально стало каменным и напряжённым.

Я успела только моргнуть, как на меня уже вопросительно смотрели затянутые сонной дымкой зеленые глаза.

— Эм... крошка какая-то была, — соврала я, хлопая глазами и ужасаясь тому, что эльф все поймёт и посчитает меня ненормальной.

Охтарон на это заторможено кивнул, и разжал пальцы. Я же выдохнула и отползла от него в сторону. Какой у него чуткий сон! Так ведь и зайкой остаться можно. Хотя я тоже хороша. И чего полезла к нему? Ну, просто мне отчего-то сильно, вот прямо немедленно захотелось узнать, мягкие ли губы у него или же нет. И зачем мне это? Да кого я обманываю, Охтарон мне нравится и моё, наполненное гормонами, тело реагирует на него весьма неоднозначно.

Взглянув коротко на эльфа, тут же отвернулась. Сидит, трет плечо, видимо, отлежала я его ему, а лицо такое, что ничего по нему не понять! Хотя бы как-то отреагировал. Боюсь, что мне стоит выкинуть подобные мысли из головы, иначе потом будет намного больше. Вот вылечу ему руку, и он уйдёт, а я останусь с разбитым корытом, то есть сердцем. Лучше даже не начинать в таком случае.

Волосы за ночь превратились в непонятное нечто. Пришлось потратить на них немного времени, чтобы не пугать окружающих своей причёской. В длинных волосах много минусов, а плюс всего один — красиво.

Воду для умывания притащил непонятно откуда Бьярде, который уже с утра хлопотал около костра. Выглядел он при этом таким сосредоточенным, будто не обычную кашу варил, а, по меньшей мере, бомбу собирал. Умывшись и совершив всё необходимое, мы сели завтракать. Бьярде хотел снова слянуть, но я не разрешила, усадив его вместе с нами. Вервольф поворчал немного, но потом расслабился.

Охтарон же был ещё более молчаливым, чем обычно. Обычно он просто смотрел, открыто и прямо, то сейчас старательно избегал смотреть мне в глаза. Это натолкнуло меня на мысль, что моя отговорка не помогла, и меня попросту спалили с поличным. Хотя, по идеи, ничего такого я не делала.

Вздыхнув, доела кашу, вкус которой совершенно не ощутила. Ладно, будем решать проблемы по мере их появления. Горит Охтарону ничего не стану, если он что-то там понял, то даст мне как-нибудь знать, что он разделяет мои стремления. Пока что сидим на попе ровно и наблюдаем.

— Поляна с золотым континном далеко? — спросила я у Бьярде.

— Нет, за пару часов дойдёте. Только я вам направление покажу, а сам тут останусь. Хорошо?

— Конечно, — кивнула. — Я прекрасно помню, что пыльца губительна для вашего

носа. Но разве контин сейчас цветет?

— Не цветет, только пахнуть он от этого не перестал. Если вы хотите, я провожу вас.

По лицу Бьярде было видно, что идея идти с нами ему совершенно не нравится. Весь его вид буквально кричал, что он хочет остаться тут.

— Не стоит, — хмыкнула я, замечая, как после этого вервольф облегченно выдохнул. Правда, сделал он это, как ему казалось, незаметно.

Весело фыркнув, глянула на эльфа, замечая, что он удивлённо смотрит на Бьярде, явно не понимая, отчего тот так странно себя ведет.

— Вы со мной пойдёте или же останетесь тут и займётесь чем-то другим? — стерев улыбку с лица, деловито поинтересовалась я, чертыхаясь про себя — слишком уж странно я говорила, совсем на меня не похожу.

Охтарон ненадолго задумался.

— С вами, — ответил он. — Думается мне, что я могу увидеть еще много интересного, если будут рядом.

— Не думаю, что на обычной поляне может произойти что-то из ряда вон выходящее. Просто покопаюсь немного в земле, откопаю парочку корешков. Что тут может быть интересного?

Охтарон прищурился.

— Когда вы меня так отговариваете, мне ещё больше хочется пойти. Не спорьте, я всё равно пойду. Посмотрю, что за корешки, что поляна.

— Как хотите, а ведь могли бы провести парочку тренировочных спаррингов с Бьярде. Думаю, что он просто обязан уметь хорошо владеть мечом.

— Только вот я его у него не видел.

— У меня есть, — тихо сказа вервольф, глядя почему-то на меня. — Принести? Тут недалеко наш лагерь.

— Принести? — переадресовала я вопрос эльфу.

Охтарон немного помялся, задумчиво покусывая кончик ложки. Видно было, что он хочет остаться, но стоило ему бросить на меня взгляд, как что-то в нем поменялось, и нерешительность испарилась.

— Нет, я пойду с вами.

— Как хотите.

Я пожалала плечами, и вообще, старалась вести себя как можно более беззаботно, но внутри была весьма взволнованна. Я думала, хотя бы ненадолго избавиться от Охтарона, чтобы немного прийти в себя, привести свои мысли в порядок, но, кажется, никого мои внутренние терзания особо не волнуют.

После завтрака мы засобирались. Бьярде весьма подробно описал путь до поляны. По его выходило, что идти тут всего ничего. Не верить ему причин не было, поэтому мы выдвинулись налегке, надеясь к обеду вернуться обратно.

Поначалу ориентиры, на которые нам указал вервольф, были такими чёткими, что мы продвигались хорошим темпом. Мы почти не разговаривали, погружившись каждый в свои собственные мысли. Изредка перебрасывались взглядами. И было не понятно, то ли наблюдаем друг за другом, чтобы не потеряться, то ли для этого была совсем другая причина.

Пару раз я проклинала своё платье, но когда рука эльфа крепко, но мягко придерживала меня, то благодарила длинную юбку. Мне стоило признаться, что с каждым разом его

прикосновения волнуют меня всё сильнее. Хорошо хоть платье полностью закрытое, боюсь, если он дотронется до оголённой кожи, то я себя, так или иначе, выдам. Это ещё не любовь, но очень сильная симпатия, подкреплённая сексуальным интересом.

Кто из нас свернул не туда, неизвестно, только в один момент мы практически одновременно поняли, что идем куда-то не туда.

— Вам тоже кажется, что мы идем не в том направлении? — спросил эльф, оглядываясь по сторонам.

— Думаю, мы свернули не туда метров триста назад. Там ещё куст приметный такой был, помните?

Охтарон кивнул. Вернулись. Вот только никакого куста и в помине не было. Покружили немного и окончательно заблудились. Остановились, осматриваясь. Деревья всё так же возвышались над нами. В вышине слышен был шорох листвы, а тут внизу тишина казалась оглушающей.

— Будем ждать здесь или попробуем найти выход? — Охтарон присел на почти высохшую ветку, которая по своему размеру напоминал скорее нормальное дерево. Кстати, раньше мы мимо неё не проходили. Такую ветку не запомнить невозможно. Эльф тоже это понял и покачал головой. — Кто бы мне раньше рассказал, что я могу заблудиться в лесу, я бы обязательно посмеялся над этим весельчаком, а может и укоротил длинный язык. И вот, пожалуйста, я светлый эльф, для которого любой лес, будто дом родной, сижу тут и понимаю, что понятия не имею, куда идти.

Я немного походила рядом с упавшей веткой и тоже на неё села. Смысл бродить больше не было. Окончательно становилось понятно, что мы заблудились.

— Думаю, что нам нужно ждать Бьярде. Рано или поздно он забеспокоится и пойдёт искать нас.

Посидев немного в молчании, прикрыла глаза. По-любому, Бьярде будет искать нас с помощью нюха, да и будет он не один. Так, почему бы и мне не попытаться с помощью своего нюха или же слуха не найти обратную дорогу? Острота у меня такая сильная как у вервольфов, но унюхать прежний след точно смогу.

Так я думала, но мне пришлось признать поражение даже раньше, чем я рассчитывала. Не знаю, что именно витало в воздухе, вот только нос оно забивало так, что я с минуту чихала не переставая. Кажется, это и есть контин. Только никак не понять, откуда идёт такой противный запах.

Слух тоже ничем не помог. Нет, я слышала что-то, но это было точно не вервольфы. В общем, рисковать не стала. Не дай бог, заведу ещё глубже.

В молчании мы просидели минут десять не больше. От тишины становилось неуютно. Что и странно, ведь раньше я могла спокойно сидеть с эльфом, не разговаривая, и не ощущать никакого напряжения. Сейчас же, я буквально ощущала, как по моим натянутым нервам бегут сигналы, раздражая их.

— Вас же, наверное, учили читать по следам? — спросила, вспомнив о том, как ещё можно передвигаться по лесу.

— Учили, — Охтарон мимолётно улыбнулся, видимо, вспомнив что-то забавное. — Я уже пытался. Скажу вам честно — что-то целенаправленно сбило нас с пути и не даёт ни читать следы, ни ориентироваться в этом месте как-то иначе. Сядьте ко мне ближе, мне так будет спокойнее. Мало ли, тут ещё одна сумасшедшая королева бродит.

Я покосилась на протянутую руку. С одной стороны, мне хотелось сесть ближе, а с

другой, понимала, что лучше лишний раз не давать своему телу послабления.

— Ну же, я не кусаюсь, — эльф тихо рассмеялся, и я только сейчас поняла, что впервые слышу его смех. Такой смех. Тихий, открытый и преступно приятный. Он даже смеётся по-особенному. — Вы бы себя сейчас видели. Похожи на недоверчивую птаху, которая и хочет склевать предложенное зернышко и справедливо опасается последствий.

— Последствий? — поинтересовалась, прищуриваясь. — Это, каких таких последствий?

— Вот таких, — Эльф резко встал и сам пересел ко мне ближе. Я даже пискнуть не успела, как меня уже обнимали за плечи. Я даже икнула от неожиданности. — Вы нравитесь мне. Знаете об этом?

Лицо моментально опалило жаром. Да и ладони стали влажными, а внизу живота все похолодело. Я понимаю, что он имеет в виду совсем не то, что я под этим подразумеваю, но услышать такое всё равно очень приятно.

Я подняла голову, тут же сталкиваясь с внимательными и серьезными глазами. Стлотнула. Взгляд сам по себе заскользил по лицу Охтарона. Как он может быть таким спокойным? Как может так просто смотреть, словно ничего не ощущает? А вдруг он на самом деле ничего такого, из-за чего стоило бы нервничать, и не ощущает? Ох, мне нужно меньше думать, и просто необходимо сейчас оказаться подальше от него.

— Вы мне тоже нравитесь. Наверное, вы часто могли это слышать.

Я улыбнулась, чуть прикрывая глаза. Отчего-то смотреть в глаза Охтарону было сложно. Всё же у него они невероятные, будто прозрачная зелень. Никогда раньше таких не видела.

— Отнюдь. Сколько себя помню, я постоянно только и делал, что учился и тренировался. Вы же знаете, эльфы взрослеют медленнее, чем людские дети. А еще скажу вам по секрету, информация в период взросления у нас усваивается значительно хуже. Сколько раз я видел, как человеческому ребенку покажешь что-то, и он буквально тут же запоминает. У нас не так. Но в тоже время информация, выученная нами, может храниться в нашей голове столетиями, в то время, как большинство из того, что узнают люди, они благополучно забывают. Если так подумать, то я сейчас не намного взрослее вас. Психологически, я имею в виду.

Не знаю, по мне так Охтарон явно лукавил. Он ощущался довольно взрослым. Не понимаю, к чему весь этот разговор. Хотя я не против, ещё немного узнала о нём.

Я опустила голову, оглядывая бездумно по сторонам. Лес и так всегда был тихим, но сейчас он и вовсе ощущался притихшим, словно чего-то выжидал. Ощущение появилось и тут же испарилось.

— Скажите, почему боги приняли наш союз? — эльф говорил почти шепотом, отчего по спине у меня бежали мурашки, а дышать становилось всё труднее.

— Почему вы спрашиваете меня? Неужели вы думаете, что я могу запросто беседовать с богами?

— Учитывая наши последние встречи, то я даже не удивлюсь такому. И всё же, что вы думаете об этом?

Что я думаю? А и правда, почему нас с Охтароном связали? Не поверю, что это простая случайность.

— Не знаю. Но знаете, мне кажется, что в нашем с вами браке действительно должен быть какой-то смысл. Вы правы в том, что просто так нас бы точно не стали связывать настолько крепкими узами. Если поразмышлять немного, дав волю фантазии, то можно додуматься до многого.

— Например? — губы эльфа буквально на долю секунды мазнули по моему уху, отчего во рту у меня пересохло, а язык, казалось, и вовсе распух, отказываясь шевелиться. Не понимаю, он меня соблазняет или же это просто моё воображение так искажает невинные жесты и случайности, подстраивая их под мои желания?

— Например, — я облизнула губы, складывая руки на коленях, как первоклашка. — Вполне вероятно, что в том бою вы должны были погибнуть от потери крови. Но у богов на вас другие планы, поэтому им нужен был кто-то, кто способен был бы вытащить вас оттуда. Брачные узы очень сильные. Вероятно, именно они позволили мне приходить к вам и в нужный момент вытащить вас сюда. А может причина вовсе не в этом. Вдруг то, что чего понадобилась наша с вами связь, ещё не наступило. С богами я, к сожалению, дружбу не вожу и об их планах ничего не знаю, — сказала и рассмеялась.

Ага, учитывая, что богов в этом мире и вовсе нет, то дружить с ними сложно. А то, что наш союз одобрили боги... тут либо хелг солгал и никуда боги не девались, либо сам хелг никакой не слуга, а самый натуральный плененный кем-то бог. И я даже не знаю, что страшнее.

— Скажите, а такие связи обрываются? — спросил эльф через некоторое время.

Вот странный. Откуда я могу такое знать? Неужели он и в правду думает, что мои знания простираются настолько далеко?

— Увы, но я не знаю. Книга, которую я читала, была очень старой, многие страницы в ней попросту рассыпались. Но мне кажется, что обязательно должен быть какой-нибудь ритуал для развода. Может быть, позже мы и сможем отыскать что-то об этом. Думаю, у эльфов точно должно быть об этом что-нибудь.

— Вы так хотите развестись со мной? — спросил Охтарон недоуменно.

Я же даже на мгновение подвисла.

— Это же вы спросили о разрыве связи. Не значит ли это, что это именно вас тяготит наш союз.

— Меня? Когда это я такое говорил? Да, раньше, когда я не знал вас, то мне было весьма неприятно, что меня женили на незнакомке, которую я даже в глаза не видел. Но сейчас, когда я провел с вами столько времени, я больше не считаю наш брак плохой идеей.

Мой мозг срочно требует перезагрузки, иначе ещё немного и я попросту задымлюсь от усердия.

— То есть, вас не волнует то, что вы теперь женаты на мне?

— Не особо. Говорю же, вы мне нравитесь. Вы красивая и умная. Ваш характер мне весьма по душе. С вами не бывает скучно. Мне интересно посмотреть, во что выльется ваш необычный и весьма сильный дар. Единственное, что я бы изменил, так это ваш гардероб. Думаю, эльфийский шелк пошёл бы вашей фигуре намного больше, чем все эти ваши закрытые и громоздкие платья. И почему люди так сильно стремятся спрятать своё тело?

— Но я человек!

— И что? Давно доказано, что наши народы совместимы. Дети, по крайней мере, между эльфами и людьми рождаются и по сей день. А срок жизни... насколько я знаю, ведуны могут продлевать свою жизнь на весьма большой срок. Так что в том, что я эльф, а вы человек, лично я проблемы не вижу. Конечно, в нашем обществе мало кто поймёт такой выбор, но мне, откровенно говоря, наплевать, что подумают совершенно посторонние для меня эльфы. Ещё аргументы?

Я сидела и практически не дышала. Это же что творится, люди добрые? Охтарон

говорит что-то такое, о чем я никогда бы даже не подумала, ни то, чтобы сказала вслух. Понимаю, если бы я такое озвучила, но он! Втянула воздух носом и закрыла глаза. Удивительные дела творятся под твоими кронами, Вильхельм!

— Но нельзя же так просто. А вдруг вы бы влюбились, если бы нас так неожиданно не поженили.

— Зачем думать о том, что не случилось, и может быть, никогда не произошло. Согласитесь, знать об этом мы не можем. Так почему бы нам просто не наслаждаться тем, что есть у нас сейчас. Тем более, нас благословили сами боги. Не говорит ли это о том, что иной судьбы у нас попросту и быть не могло?

— Боги могут ошибаться?

— Даже так? Неужели вы настолько против меня в качестве вашего мужа?

В голосе Охтарона отчетливо была слышна обида, которую он даже не пытался скрыть.

— Нет! Вы меня не так поняли.

Я и сама не понимала, зачем пытаюсь переубедить Охтарона. Наверное, я слишком долго думала, что наш брак всего лишь временно, поэтому к нему не стоит привыкать, и в итоге перехитрила саму себя. Я даже боялась подумать, что эльф может думать подобным образом.

— Все я правильно понял. Вы просто упрямитесь и не желаете видеть очевидного. А сейчас просто дайте мне сделать то, о чём я давно уже думаю.

— Что?

Я невольно вздрогнула, поворачиваясь лицом к Охтарону. Эльф смотрел на меня как обычно внимательно, но в этот раз в его взгляде угадывалось нетерпение. Я даже немного отшатнулась, но рука на плече не дала мне отстраниться сильнее. Он так сильно приблизился ко мне, что я даже ощутила горячее дыхания на своих губах.

— Госпожа! Вот вы где!

Из кустов рядом буквально кубарем вывалился Бьярде, а же едва не вскрикнула, но сумела сдержать голос, но зато подскочила с места, как ужаленная. Бог всемогущий, он же меня только что чуть не поцеловал!

Не зная, куда деть руки, начала поправлять платье и стряхивать с него всякие соринки. Заметила, что руки у меня слегка дрожат. Кажется, я переволновалась.

— Бьярде, — начала я, но голос звучал слегка сипло, поэтому я перед этим несколько раз кашлянула. — Бьярде, что происходит?

Вервольф, как ни странно, сразу же понял, о чём я. Похоже, мы действительно, не просто так заблудились. Он постоянно морщился и тёр нос.

— Здесь просто нечем дышать.

— Дыши ртом, — посоветовала я, сожалея, что ничем не могу помочь. Судя по всему, запах контина доставлял ему немало проблем и был невыносим. — Так, как ты нас нашёл?

— Не просто, — вервольф покачал головой. — Найти вас по запаху было невозможно. Около одного дерева ваш запах полностью исчезал, словно вы попросту испарились в том месте. А облазил там всё, но и следов никаких не было. Создавалось впечатление, будто вы просто растворились в воздухе в том месте. А как нашёл? После того, как вы стали нашей Связывающей, каждый из нашего народа, так или иначе ощущает вас. Это чувство никогда не пропадает. Это как видеть что-то краем глаза. Если не обращать внимания, то все нормально, если же начать наблюдать за этим чувством, то оно приведет к вам. Так и здесь. Я просто доверился этому ощущению, и оно привело меня к вам.

— Вот как. Значит, именно благодарю этому ощущению, ты всегда знаешь, когда я хочу видеть тебя?

— Именно, — согласился вервольф. — У меня начинает зудеть в затылке, когда вы меня зовёте.

Мы немного помолчали. Я мимолетно глянула на Охтарона. Он сидел хмурый и недовольно сверлил взглядом Бьярде. Вервольф тоже заметил этот взгляд и вопросительно посмотрел на меня, на что мне пришлось ему вяло улыбнуться и покачать головой, как бы говоря, что он тут не причём.

— Обратную дорогу можешь найти? — спросил Охтарон вервольфа.

Бьярде покрутился на месте, вслушиваясь и всматриваясь, но минут через пять отрицательно покачал головой.

— Совершенно ничего не ощущаю. Обычно мы очень хорошо ориентируемся в Вильхельме, так как он сам нам в этом помогает, а сейчас я ощущаю только госпожу, а лес чувствуется просто как нечто неодушевлённое. Нечто похожее было, когда прежний Связывающий оставил нас, а госпожа ещё не приняла. Да и то, не так... сильно, что ли.

— Что будем делать? — спросила я после минутного молчания. — Предлагаю всё-таки поискать дорогу глазами.

— Да, если другого выхода нет, то попытаться стоит. Можно залезть на дерево. Может с высоты станет понятно, в какую сторону нам двигаться. Но не сейчас, — Охтарон осмотрелся по сторонам, а потом поднял голову вверх. — Скоро вечер. Предлагаю разместиться на ночевку именно тут.

— Вечер? — я сама удивлённо огляделась, понимая, что действительно стало заметно темнее. — Неужели прошло так много времени с того момента, как мы ушли из лагеря?

— Я пошёл искать вас часа через два после обеда. Не знаю, сколько я бродил, но думаю

не больше двух часов, — тут же поделился информацией вервольф.

— Ого, по моим внутренним ощущениям прошло не так много времени, — я удивлённо вскинула брови и глянула на Охтарона.

Он в ответ кивнул.

— Да, я тоже не ощущаю того, что прошёл почти целый день. И это странно.

— А! — Бьярде так громко вскрикнул, что мы невольно вздрогнули.

— Что случилось? — спросила, осматривая внимательно ошарашенного вервольфа.

— Я вспомнил! Это не хорошо, очень нехорошо.

— Что именно? — хмуро поинтересовался эльф, вставая и потягиваясь.

— Я вспомнил, что это такое и могу с уверенностью сказать, что утром мы сможем отсюда уйти, сейчас же куда-то идти бесполезно. Это ещё удивительно, что я смог сюда к вам пробиться.

— Не тяни, — шикнула я, наблюдая, как Охтарон очищает небольшой круг под костер.

— Это блуждающее пятно неупокоенных призраков.

— Что? — я впервые о таком слышала. — Объясни подробнее.

Охтарон, видимо тоже ранее не слышал ни о чём таком, потому как остановился и с интересом посмотрел на Бьярде.

— Сам я в него никогда не попадал, но наши старики много раз рассказывали, что в Вильхельме есть область, небольшая по размеру, которая блуждает постоянно из места в место. Это пятно принадлежит призракам. Те, кто случайно попадают в пятно, не могут выйти из него до следующего утра. Обычно найти этих людей извне невозможно. Вреда призраки им не причиняют, но так как пятно блуждающее, то к утру мы можем оказаться далеко от того места, в котором вошли в него. Оно двигается даже сейчас, пока мы стоим и разговариваем.

— Постой, — я вскинула руку, призывая к молчанию. — Если эта область принадлежит призракам, то где они?

— Вы не боитесь призраков? — поинтересовался с любопытством Охтарон. — Обычно девушки весьма негативно относятся ко всему такому.

— Вы забываете, что я ведунья. И уверяю вас большинство из тех девушек, которые говорили вам о своем страхе, просто хотели казаться более слабыми и беззащитными. Не думаю, что маг или ведун будет бояться духовной сущности. Это, по меньшей мере, глупо. Конечно, опасаться их стоит, ведь злой дух вполне может причинить вред. Но вы ведь не боитесь того же оленя, а ведь он своими рогами вполне может ранить вас.

— Вы сейчас, правда, сравнили призрака с оленем? — эльф с секунду молчал, а потом рассмеялся. — Я впервые слышу такое.

— Не смешно, — буркнула я, отворачиваясь. И почему я раньше не замечала, что Охтарон такой вредный. Дождавшись, когда эльф отсмеётся, я снова надела с вопросами на Бьярде. — Так что там с призраками? Где они?

Вервольф перевел взгляд с всё ещё улыбающегося эльфа на меня.

— Если вспомнить рассказы стариков или тех, кто всё-таки попадал в пятно, то могу сказать, что появляются они после наступления темноты. И ещё, говорят, они не причиняют вреда, но показывают каждому своё.

— То есть? — спросил Охтарон, складывая хворост, который насобирав прямо тут. Похлопав себя по карманам, достал несколько горячих камня из специальных мешочков и принялся разводить костёр.

— Никто насчет этого точно не говорил, что именно видел, поэтому не могу сказать. Вообще, тема пятна весьма неприятна и у нас стараются о ней сильно не говорить, так, если только шепотом в виде страшилок. Мне тоже рассказывали только тогда, когда я был ребёнком, так что я всегда думал, что это что-то вроде сказки или же детской напугайки.

— Вот как? — Я сделала несколько кружков вокруг костра и замерла. — Я так понимаю, что попасть в это место очень сложно. Верно? — Бьярде кивнул на это. — Если это так, то пятно совершенно уникальное, практически изолированное от всего остального мира места. Тогда нам обязательно нужно походить тут и собрать как можно больше ингредиентов, ведь может получиться так, что мы наткнёмся на что-то весьма редкое или же и вовсе ранее не изученное. Костер ведь никуда не денется?

— Не могу сказать, — вервольф пожал плечами.

— Затушить? — флегматично спросил эльф, даже не пытаясь отговорить меня от идеи походить тут. Видимо, вид у меня был такой возбужденный, что сразу становилось понятно — переубедить не выйдет. — К ночи бы вернуться.

Эльф бурчал, но костёр тушил, даже не дождавшись моего ответа. Когда с этим было закончено, мы, не решившись разделить, пошли вместе.

— Интересно, а почему тогда тут так сильно пахло контином? — спросила я, наклоняясь над кустом и рассматривая небольшие сиреневые цветочки. Цветок этот не сильно редкий, но надо взять на всякий случай немного — мало ли, от того, что он рос именно в такой аномальной зоне, его свойства могли измениться.

Бьярде на это принялся и облегченно выдохнул.

— Даже если раньше и пахло, то сейчас запаха этого я больше не ощущаю. Думаю, что на тот момент мы были именно на той поляне, отсюда и такой сильный запах.

— Получается, что из внешнего мира сюда, по крайней мере, попадает запах. Смотрите, тут какие-то грибы, они вам могут пригодиться? Я такие никогда не видел.

Я бросила свой скучный куст и быстро подошла к Охтарону, с интересом заглядывая между листьями растения внешне напоминающего папоротник. Россыпь мелких грибов очень смахивала на мухоморы.

Кивнув, я быстро срезала их все и сложила в специальный пакет, аккуратно складывая в сумку, которую брала для того, чтобы складывать корни контина.

В итоге, я оказалась права. В этом месте было много такого, чего во внешнем мире не найти. Для кого-то другого всё это были неинтересные вещи, но для меня, как для зельевара они представляли неизученную ценность. Конечно, жаль, что сюда нельзя будет попасть по собственному желанию и достать все это повторно, но не стоит жаловаться понапрасну.

Когда почти стемнело мы вернулись, сами того не желая, к поваленной ветке. Сумка у меня была полностью забита травами, корешками, грибами и прочими ингредиентами. Охтарон быстро развел костер, но к ночи стало довольно холодно. Ветра тут не было, но странная роса, которая выпала сразу же после наступления темноты, радости не добавляла.

Бьярде в потёмках натаскал длинных веток и быстро соорудил вместе с эльфом подобие шалаша. На землю набросали травы, благо она тут порой была здоровенной. Есть нам было нечего, но у Бьярде с Охтароном нашлись небольшие емкости, вроде бурдюков, наполненные водой, поэтому наш ужин состоял из воды. Нет, мы встречали по пути и ягоды, и вроде бы съедобные коренья, не говоря уже о дереве, на котором росли фрукты очень похожие на груши. Но есть это, мы опасались, я лишь собрала как ингредиенты, надеясь, что всё это как-нибудь пригодится в зельеварении.

Спросите, как я узнаю, для чего пригоден тот или иной ингредиент? Очень просто. Ещё в академии, на первых же лекциях, нас научили варить простейший состав. Этот состав нейтральный и если в него добавить любой новый ингредиент, то состав меняет свой цвет и становится тем или иным зельем. По цвету можно определить в какую категорию входит ингредиент. Конечно, чтобы полностью узнать всё о тех же неизвестных грибах, придется поэкспериментировать, но это совершенно не опасно. Если состав станет зеленым, то значит, компонент можно добавлять в любое зелье лечения. А там уже дело техники. Это даже весьма интересно, ведь вполне может выйти так, что получишь либо усиления уже известного зелья, либо выйдет что-то совершенно новое.

За размышлениями не заметила, как Охтарон подобрался ко мне и снова обнял. За всеми этими тревожностями я совсем позабыла о том, что случилось перед появлением Бьярде. Но стоило руке эльфа коснуться меня, как воспоминания тут же нахлынули, бросая меня в дрожь.

Отстраняться я не стала. Зачем? Сейчас, когда я размышляю о произошедшем, понимаю, что в чем-то Охтарон даже прав. Если бояться отношений, то так можно и на всю жизнь остаться одной. Ведь разрыв может случиться со всеми. Это то же самое, что бояться жить, ведь может статься так, что следующий день принесет вам много боли и горя, но от этого вы ведь не перестаете жить и ложиться спать каждую ночь.

Решив все для себя, я закрыла глаза и положила голову на плечо Охтарона, тут же замечая, как тот напрягся, а затем, спустя несколько секунд наклонился и мягко поцеловал меня в макушку. Почему-то это показалось мне забавным. Я хмыкнула и заулыбалась, устраиваясь удобнее.

Может, я сейчас совершаю большую ошибку, но, скажите мне на милость, кто от них застрахован? Да и в таком деле лучше сделать, чем потом всю жизнь жалеть, что струсил и отступила. Это решение далось мне не так просто, как могло бы показаться. И я боюсь, но ведь только смелым покоряются моря. Не так ли?

Кажется, я уснула, потому что оказалась в до боли знакомом месте.

Хелг висел всё там же, где и раньше. Глаза его были закрыты, но недолго. Практически сразу он их открыл, в который раз поражая меня тем, какие они. Смотря на них, я понимала, что внутри него столько магической силы, что ей тесно в этом теле.

— Здравствуй, человек.

— Здравствуй, — ответила я, уже даже не раздражаясь на это «человек». — Зачем позвал меня к себе? Время ведь не вышло пока что. Я как раз собиралась добыть нужный ингредиент, чтобы начать свои попытки создать зелья расщепления.

— Я знаю. В то место, где вы сейчас, попала ты не случайно. Я направил вас туда. Не просто так. Ты же помнишь, что времени у меня мало? В том месте тебе дадут артефакт, который может пригодиться тебе в будущем. Он не имеет к моему освобождению никакого отношения, но я надеюсь, ты не забудешь, что это мой подарок. И ещё, несколько компонентов, собранные тобой... используй их по назначению. А сейчас иди.

— Постой!

Я открыла глаза. Ну, конечно, кто бы меня ещё слушал. Ничего толком не объяснил. Вопросов к этому хелгу у меня с каждым днём всё больше и больше.

Осмотревшись, поняла, что и Бьярде и Охтарон спят. Костер почти догорел, да и на улице стало заметно светлее. Выбравшись наружу, решила сходить в туалет пока мужчины спят, но отойдя немного от нашего небольшого лагеря, остановилась. Примерно в метрах

пяти впереди меня висел прямо в воздухе самый натуральный призрак. То есть дымчатое тело, со смазанными чертами.

— Вам от него, — сказала оно, и что-то положило на землю.

Больше ничего сказано не было. Призрак ещё с пару секунд повисел, а потом попросту растворился в воздухе, до самого конца внимательно смотря прямо мне в глаза.

— От кого?

Я вздрогнула и повернулась. Позади стоял Охтарон и внимательно смотрел на то место, куда призрак что-то положил.

— Я вам позже расскажу, — пообещала я, подходя к предмету, вернее к артефакту.

— Может, не стоит поднимать?

Подумав немного, всё-таки аккуратно подняла его. Эльф стоял рядом и смотрел неодобрительно.

— Всё нормально. Он вредить не станет. По крайней мере, до тех пор, пока я ему не помогу. А потом... ну, надеюсь, и потом тоже не станет. Очень сильно надеюсь.

Повертев в руках артефакт, который напоминал собой обычное женское зеркало. Такие в моем прошлом мире почти каждая носила в сумочке. Артефакт был весь исписан какими-то узорами, очень похожими на руны. Размер имел чуть меньше моей ладони.

Попробовала открыть его, но ничего не вышло.

— Что это? — спросил Охтарон, мягко забирая у меня артефакт.

— Артефакт, а вот что он делает, я не знаю.

Мы ещё немного поразглядывали его, а потом проснулся Бьярде и тут же оповестил нас, что мы уже не в пятне. Он, мол, ощущает Вильхельм, как и раньше. Спрятала вещицу в сумку, решив, разобраться с ней позже.

Завтракать нам было нечем, поэтому мы просто попили снова воды и пошли. Куда? Вперёд, ведь нам надо было узнать, как далеко отнесло нас пятно.

Бьярде по пути пожаловался, что никаких призраков так и не видел. А Охтарон был задумчив и часто хмуро сдвигал брови.

— По моим ощущениям, мы в нескольких днях ходьбы от того места, где была поляна с нужным вам растением, — поделился своими мыслями Бьярде. И видя, что мы не до конца поняли, добавил: — Это если мы будем добираться также как и с долины до Вильхельма. Если будем идти, так же как и сейчас, то месяца за два дойдём.

Мы оба с Охтароном остановились, пораженные.

— Выдержишь? — спросила у эльфа, понимая, что два дня держать заклинание такой сложности попросту нереально.

— Не пробовал, но деваться некуда, — ответил он, тут же начиная плести заклинание. — Не смей уронить её, — хмуро бросил он, взмахивая руками.

— И не подумаю, — ответил Бьярде, резко подхватывая меня на руки.

Через мгновение мир смазался, а меня уже привычно вдавило в вервольфа. В лагере у меня должно было остаться парочку зелий исцеления. Боюсь, эльфу они очень пригодятся.

Надеюсь, по пути мы никуда не вляпаемся?

— Как вы? — спросила, садясь рядом с Охтароном.

Он был весь белый, и ему явно было очень плохо. Его то и дело рвало, и температура никак не спадала уже вторые сутки.

— Нормально, — вяло улыбнулся он.

Я аккуратно убрала мокрые волосы со лба эльфа. Всё-таки мужчины, пусть они хоть трижды взрослыми, бывают иногда упрямы донельзя. После первого дня непрерывного передвижения, я пыталась образумить Бьярде и Охтарона. Старалась втолковать им, что без перерыва двигаться попросту опасно, но угораздило же вервольфа похвастаться, что он вообще не устал и может спокойно двигаться ещё столько же.

В итоге, всё это вылилось в то, что мы добежали до нашего лагеря за сутки с половиной. Вот только, Охтарон схлопотал сильнейшее магическое истощение. Плюс физическая усталость. Понятное дело, ничем хорошим это для него обернуться не могло. Вот и лежит теперь. Хорошо хоть зелья всегда при мне. Хотя зелья, которое помогает снять последствия от магического истощения, у меня нет. Компоненты для него очень редки. Одно яйцо тропической крысы стоит. Водится эта крыса только на одном острове. И что самое интересное, действительно плодится с помощью яиц, маленьких таких, похожих на перепелиные.

— Вы сходили без меня? — посмотрев на меня чуть потемневшими глазами, Охтарон немного подвинулся, чтобы мне было удобнее сидеть.

— Сходила, — не стала отнекиваться я. — Оказывается, тут совсем недалеко. Накопала корней. По пути нашла ещё кое-что интересное. Я имею в виду ингредиенты. Придется тут ненадолго задержаться. И вовсе не из-за вас. Не стоит забивать голову глупостями. Просто Бьярде сказал, что тут недалеко есть природное образование в земле. Оно очень глубокое. И насколько я поняла по его путаным объяснениям, там есть один минерал, который мне очень бы пригодился.

— Не ходите без меня. Вы слишком много времени проводите с этим волком.

— Конечно, — согласилась я без задней мысли. — Бьярде очень хорошо знает Вильхельм. Лучшего проводника найти невозможно.

— Рад за вас, но в последнее время он слишком приблизился к вам, и ведет себя так, будто вы с ним старые знакомые.

Я нахмурилась. Что это с ним? Ревность? Да ладно, не поверю. Скорее, как и любого мужчины, собственнический инстинкт.

— Хорошо, — вздохнула, протягивая ему очередное зелье. Охтарон на это лишь едва заметно поморщился, но выпил без слов. — Я постараюсь держать Бьярде на расстоянии, но не просите меня совсем с ним не взаимодействовать. Он на самом деле много знает про Вильхельм. И да, все лекарства просто обязаны быть горькими и невкусными. Хотя для детей я иногда делаю их сладкими. Вы ведь не ребенок и вам это не нужно? Правильно?

Охтарон открыл рот, но услышав последние мои слова тут же его закрыл и хмуро на меня посмотрел. Я на это тихо рассмеялась.

— Зато в следующий раз будете более умны, — пожурила я его, вставая.

Сделать это мне не дали. Охтарон поймал мою руку и потянул на себя.

— Вы торопитесь?

Я села обратно.

— Не особо. Хотела разобрать травы, а что?

— Вы обещали мне рассказать, кто делает вам подарки таким необычным способом. Прошло уже два дня, я всё жду, а вы и слова мне не сказали. Надеюсь, вы не рассчитывали на то, что я забуду об этом?

— О, — на самом деле именно на это я и рассчитывала, но как оказалось, эльф быстро догадался. — Не стану врать, говорить об этом мне не хотелось, поэтому я действительно рассчитывала, что вы потеряете интерес к этому. Но раз не вышло, тогда мне не остаётся ничего другого, как рассказать вам. Наверное, так даже лучше. Возможно, вы сможете мне подсказать или же посоветовать что-нибудь.

— Все так серьезно?

— Более чем, — кивнула, устраиваясь удобнее.

Я задумалась, размышляя о том, что стоит говорить, а что я оставлю навсегда в тайне. Про свою память я решила не рассказывать, может быть, когда-нибудь, но точно сейчас. Не думаю, что стоит разглашать подобную информацию. Пусть это будет моим маленьким женским секретом.

Рассказ мой занял много времени. Я старалась передать свои мысли, заключения, не скупилась в описаниях и собственных ощущениях. Охтарон слушал и не показывал никаких эмоций, будто я не говорила ничего такого, что он раньше не слышал. Всё-таки порой он умеет быть слишком взрослым и серьезным.

После того, как я закончила, мне пришлось налить нам попить. Не знаю, как Охтарон, но мне жутко хотелось пить.

— Кстати, — отпив из кружки, начала я. Эльф по-прежнему молчал, о чём-то думая. — А как ваша фамилия?

— Что?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Охтарон хлопнул глазами и посмотрел на меня так, словно впервые видит.

— Имя рода как? Вот мое имя Ульрика, а имя рода Хольм. То есть это моя фамилия. А как ваша? Не припоминаю, чтобы мне об этом кто-нибудь говорил. Князя эльфов всегда называют просто Светлый Князь, ну могут ещё Светлейшим назвать. Я даже имени вашего отца не знаю. Раньше я не особо интересовалась эльфами, а потом мне было некогда, впереди маячил страшный и неизвестный тогда Вильхельм. Да и потом вы мне не говорили.

— То есть, мы с вами женаты и вместе пробыли больше двух месяцев, а вы до сих пор не знаете моего полного имени?

Да, — я снова отпила из кружки и невинно посмотрела на эльфа. А что, мне как-то раньше в голову не приходило спросить. — Ну, мне хватало и имени.

— Лиадон, имя моего рода и дома. Это означает серебряная ветвь. Имя моего отца Аранион, что означает потомок королей. Мой отец был вторым сыном прошлого Князя. Так как он всего лишь второй сын, то к золотой ветви не принадлежит. Хотя, когда-то давно, главная ветвь Князей называлась изумрудной. Но из-за того, что имя рода наследует только старший сын, прямых потомков изумрудной ветви не осталось, хотя дальних родственников достаточно.

— Не поняла. Допустим, просто допустим, ты самый младший в роду, занял трон, то, как же быть с именем рода?

— Мне необходимо будет основать собственный род. Но, ни одно из известных имен рода брать я не смогу. Ни из тех, что есть сейчас, ни из тех, что уже были когда-то.

— Это как же придется голову поломать!

— Да, не самый удобный закон, но всё не так страшно, как могло бы показаться. Эльфы живут очень долго и правители у нас сменяются не так часто, как у людей. Пока правит один Князь, в людских землях может смениться ни один десяток королей. Порой это не очень удобно. Ведь про каждого из них надо знать многое. Так что у нас даже попроще. А ваше имя, что оно значит?

— Моё? — я немного стусевалась, ведь моё имя на самом деле довольно громкое, особенно для дочери простого барона. — Моё имя состоит из двух слов — страна или родина и богатство. Что-то вроде, обогатившая страну или приносящая богатство в страну. Мой отец любил говорить, что я не приношу богатство, а я сама самое главное богатство в стране.

Я рассмеялась, вспомнив Вилмара. Барон Хольм очень любил меня, наверное, именно поэтому и дал такое имя. Горечь от потери тут же дала о себе знать, но я старательно запрятала её подальше.

— Думаю, ваш отец был не так далек от истины.

Я глянула на Охтарона и смутилась.

— Льстец! — фыркнула я. — Ну, что вы там надумали, про хелга? Поделитесь со мной своими мыслями.

— Это вовсе не лесть, я думаю также как и ваш отец, но если вам не хочется говорить об этом, и вы хотите сменить тему, то будь, по-вашему. Не знаю, может, я сейчас скажу глупость, но это единственное, что приходит на ум. Этот хелг никакой не слуга, а самый настоящий бог, кем-то плененный и удерживаемый бог. Вполне может быть, он какой-нибудь темный бог. Это если Вильхельм его убежище.

— Почему вы так решили?

— Сами подумайте. Вервольфы, арахны, как вы их называете, блуждающие призраки, да и сам Вильхельм не производит впечатления светлого и радужного места. Не думаю, что светлый бог стал бы творить таких созданий.

— Думаете, он плохой? — почему-то я даже приуныла. Мне хотелось всё-таки помочь хелгу.

— Темный, ещё не значит, плохой. Вам ли это не знать.

Я хотела спросить, откуда это мне о таком знать, но передумала, спросила немного другое.

— А почему вы вообще решили, что он вообще не тот, за кого себя выдаёт?

— Ни с чего. Просто сделал предположение. Мне кажется, мир без богов существовать попросту не может. Я изучал историю, и вот что скажу, в последние тысячелетия не было ни единого дня, чтобы не было войны. Не потому ли, что боги, как и сказал этот хелг, ушли, а полностью погрузиться нашему миру в первозданный хаос не дает единственный бог, которого кто-то зачем-то пленил? Как вы думаете?

— Думаю, что это интересная мысль. Если верить словам хелга о том, что богов в этом мире больше нет, то становится понятно, кто именно одобрил наш с вами брак. Хелг. Боюсь, он всё-таки так и не ответит никогда на мои вопросы. Мне остается надеяться, что, освободив его, я не совершу самую большую ошибку в своей жизни. Но, когда я смотрю на него, я совершенно не ощущаю опасности, хотя порой и бывает страшно. Как вы себя

чувствуете?

— Практически здоров.

— Вот и отлично. Сейчас надо поесть, потом немного поспать и завтра пойдем за минералами, а после домой.

— Не думаю, что земля там высохла, чтобы можно было начать строительство.

— Скорее всего. Но мне нужно сварить зелье, которое позволит скреплять камни между собой. К тому же, я тут подумала и вспомнила одну штуку. Варить её очень долго, но зато, можно будет сократить время для обтёсывания.

— А если сделать эти ваши... кирпичи, кажется?

— Можно, но уверяю, камни намного долговечнее. Я понимаю, что строить из камня долго, но уверяю вас, благодаря этому составу время сократится. Думаю, будет даже быстрее, чем строить из кирпича.

— И что это за зелье такое? — Охтарон немного повернулся, видимо, лежать на спине уже устал. По его виду было понятно, что ему на самом деле намного лучше. Бледность прошла, и глаза перестали лихорадочно блестеть.

— На основе зелья расщепления, только оно не будет растворять полностью, а станет размягчать камень. Конечно, только самый верхний слой, так как пропитать булыжник полностью никакого зелья не хватит, но, думаю, и этого будет вполне достаточно. Людям останется только срезать все неровности и сложить камни друг на друга.

— Впервые слышу о таком. Честно говоря, ваши знания меня порой очень удивляют. Я даже себя совершенно глупым на вашем фоне начинаю ощущать.

— Бросьте, — улыбнулась, чуть наклонившись. — Если мы начнём говорить о мечах, войне, тактике и обо всем таком прочем, то вы сможете убедиться, что в этой области я полный ноль. Ах, еще плохо знаю историю, не сильна в географии. Честно говоря, учиться я никогда не любила. Знаю лишь самый минимум, который необходим был для поступления в академию. А зелья, даже не знаю, почему так усердно всё это заучивала. Может, это именно то единственное, что мне всё-таки нравилось.

— Может, мне давать вам уроки по истории и географии?

— Думаете, стоит? — тут же поморщилась, представив, что снова надо будет что-то учить, запоминать.

— Почему нет? Вы ведь не собираетесь всю свою долгую жизнь прожить в этом лесу. Однажды мы с вами сможем выбраться во внешний мир. А я ведь всё-таки сын Князя эльфов. Думаю, хорошо бы вам ещё и политический уклад в ближайших странах знать. И ещё надо выучить эльфийский. Это обязательно. Если вы окажетесь в моем доме, то некоторые весьма неприятные личности, более чем уверен, решат вас проверить. Конечно, я постараюсь не позволить, но ведь я не могу находиться рядом постоянно.

Охтарон говорил, а я ощущала, как в горле встал комок. То есть, сейчас он на полном серьезе планирует нашу дальнейшую совместную жизнь? Это что же получается, он хочет видеть меня своей женой и дальше? То есть не только на то время, пока я пытаюсь восстановить ему руку?

Ощувив, как Охтарон положил руку мне на щеку, посмотрела на него.

— Вы выглядите странно? Что-то не так? — спросил он, большим пальцем поглаживая мою щеку.

— Я... — начала говорить и запнулась, стараясь успокоить расшалившееся сердце. — Я не люблю политику, но вот эльфийский бы с радостью выучила.

После этого разговора, я как следствие, ночью так и не смогла толком уснуть. Меня буквально разрывало от противоречивых чувств. Мне и хотелось верить, и было ужасно страшно обжечься. Кругом от меня требовался выбор. Верить хелгу или нет, стоит ли доверять словам Охтарона или же он мне нагло врёт. Это сложно. Как же просто было в детстве, тогда передо мной не стояла таких сложных задач.

Так и не заснув, поглядела на Охтарона, который безмятежно спал на другой стороне нашего шалаша-палатки. Иногда мне кажется, что он совершенно ни о чём не беспокоится. Вспомнить хотя бы тот момент, когда я сказала, что у него теперь нет руки. Он на это лишь едва заметно нахмурился и только. Будто его и не волновала такая мелочь. Хотя многие на его месте точно впали бы как минимум в истерику, которая после вылилась в депрессию. Да таких моментов полно. Иногда мне кажется, что его эмоции словно заморожены. Неужели, это такое воспитание? Или же все эльфы такие? Как жаль, что раньше особо ими не интересовалась.

Немного покрутившись, поняла, что уснуть мне всё-таки не получится. Пошарилась в своей сумке и достала артефакт. Стараясь, не шуметь, вышла наружу. Около костра сидел Бьярде и задумчиво кидал в него небольшие веточки.

— Не спится, госпожа? — спросил он, пытаюсь встать, но я махнула рукой, давая понять, что делать это не обязательно.

Осмотревшись по сторонам, поняла, что сейчас часа четыре, не больше. Здесь внизу было всё ещё темно, но уже не так непроглядно, как ночью. Предраассветное время.

— Хотите пить, есть? — снова подал голос вервольф.

Я села на небольшой пенек с другой стороны костра. Есть точно не хотелось, а вот пить.

— Пить.

Бьярде тут же встал и подошёл к большому котелку неподалеку, накрытому крышкой.

— Недавно сделал отвар по рецепту моей бабушки. Он хорошо восстанавливает силы. Конечно, это не ваши зелья, но тоже ничего.

Налив в кружку отвара, Бьярде отдал её мне, сам снова же сядя на прежнее место.

— Спасибо.

Отпила отвар и тут же похвалила мысленно бабушку вервольфа. В отваре действительно были травы, которые я обычно кладу в зелья восстановления. Вот если к этому отвару прибавить ещё магическую силу, тогда он стал бы полноценным зельем.

Отвар был всё ещё горячим. Подержав немного кружку в руках, поставила её у своих ног и стала рассматривать артефакт.

Не думаю, что это безделушка. Хелг, насколько я успела заметить, к шутникам не относится. Узоры упорно напоминали мне руны. Хотя я никогда не увлекалась ими, но пару раз в жизни, как и любой из нас, видела. Поводив по узорам кончиком пальца, попыталась уловить хотя бы какой-то смысл, или же выудить из памяти какие-нибудь ассоциации. Всё-таки в академии я много на что натыкалась, пока разыскивала в библиотеке старые рецепты зелий. Но, увы, эти руны мне совершенно ни о чём не говорили. В этом мире их я никогда не встречала.

Мысли мои текли плавно, ненавязчиво, будто я заснула с открытыми глазами. Я

вспоминала всё о том, что когда-либо встречала про похожие знаки. Образы перескакивали с одного на другой, но ничего похожего так и не находилось, пока я не вспомнила наш замок.

Я в подробностях вспомнила свою комнату, сейчас подивившись той совершенно убогой обстановке. Всё-таки тут глубокое средневековье. Вспомнила, что в комнате у меня есть тайничок, в котором я прятала редкие монеты, которые давал мне отец. На них я хотела купить на них одно ожерелье, которое когда-то давно видела в столице.

Когда-то давно, когда я была маленькой, мы посещали столицу, вот там я и увидела невероятное по своей красоте ожерелье. Просить отца купить не стала, так как за день до этого мы с ним повздорили. Тогда я решила, что накоплю и сама себе куплю. Со временем цель накопления позабылась, но монеты складывать в небольшой сундучок я не перестала. А ведь сейчас, вспоминая то ожерелье, понимаю, что оно не было таким уж красивым. Наоборот, обработка камней в нём оставляла желать лучшего. Наверное, даже хорошо, что отец тогда не отдал за такое непомерно большую сумму.

Я будто на самом деле увидела один из камней, который можно было отодвинуть. Да, именно за ним и был мой тайник.

Мысли потекли дальше. Вот коридор, казавшийся мне сейчас слишком тёмный и неудобным. Вспоминая свой замок сейчас, я понимаю, насколько всё в нём было грубым, неотесанным и совершенно тусклым. Просто груда камней. Стены коридора черные от копоти, редкие гобелены потрепанные временем и годятся, в лучшем случае, на половые тряпки. А ведь на самом деле они считались весьма хорошими и дорогими. Сейчас, имея воспоминания о прошлой жизни, в которой искусство шагнуло далеко вперед, я понимаю, что даже наш серенький замок можно было переделать во что-то невероятное. Но тогда, в детстве мне наш замок казался богатым, красивым и просто чудовищно большим.

Ведомая любопытством, спустилась на первый этаж, оглядывая большую залу, в которой мы обычно кушали. Большой камин, длинный каменный стол, всё те же гобелены, черные стены и потолок.

Мимо меня кто-то прошёл, отчего я невольно отшатнулась, недоумевая. Только сейчас я заметила, что окружающий меня мир совершенно не такой, как обычно. Воздух вокруг чуть подрагивал и изредка, то тут, то там, вспыхивали и гасли вязкие пятна. На что это было похоже? Вы когда-нибудь лили в ванну шампунь или же жидкое мыло? Помните, как оно медленно растворялось в воде. Вот и здесь примерно то же самое.

Первой моей мыслью было, что я попала на изнанку, но всё вокруг было совершенно не таким, слишком реалистично. Если бы не пятна, то я и вовсе подумала бы, что снова оказалась в своем замке. Ах, а ведь мимо меня кто-то прошел. Резко обернувшись, заметила, как пятна стали закручиваться, будто я действительно потревожила своим движением воду. Немного подумала и решила, что спешить не стоит. Если это не сон, то мне просто необходимо быть осторожной.

Стоять на месте смысла не было, поэтому я медленно пошла в ту сторону, в которой, как мне показалось, двигался прошедший мимо меня человек. И как я его сразу не заметила? Тут же все настолько реалистично, что выпусти из вида человека попросту невозможно. Стоило мне подумать об этом, как прямо рядом со мной чуть ли ни материализовался еще один. Откуда они берутся?

Я в первое мгновение подалась паники, но практически сразу поняла, что меня не видят. Значит, это действительно изнанка, но почему такая... нормальная? Помню, поначалу, когда я увидела Охтарона, даже сразу не разобрала, что передо мной живое

существо, настолько облик был смазанным и неразборчивым. Это потом, я немного приспособилась и смогла даже черты лица его немного рассмотреть. Мои мысли прервались, когда один из людей стянул с себя замысловатый шлем. Он потрянул головой, позволяя длинным волосам свободно упасть на плечи.

— От этого шлема у меня уши натирает.

Я сглотнула, отступая на шаг назад. Голос был таким отчетливым, что мне казалось, я на самом деле рядом с ним. А ещё это был не человек. Это был эльф! Типичный такой красавчик эльф, с длинными, светлыми волосами и острыми ушами.

— Надень. Сменный увидит без шлема, попадёт тебе на орехи, — послышалось позади.

Я обернулась, тут же замечая в метре от меня второго эльфа. Тот был, в отличие от первого в шлеме, но вот красивое лицо и глаза цвета темной зелени всё равно выдавали в нём эльфа. А ещё рост. Оба они были почти под два метра, но всё равно не выглядели долговязыми и неуклюжими. Я бы назвала их высокими и стройными. Сейчас, смотря на них, и вспоминая тех двоих, что провожали нас до Вильгельма, я в очередной раз убеждаюсь, что Охтарон не похож на эльфа. Он, несомненно, красив, но его красота скорее мужественная, чем вот такая... идеальная.

— И сколько мы будем еще торчать в этом каменном мешке? — спросил первый эльф, с явной неохотой натягивая шлем обратно. — У меня от этого замка скоро изжога будет. Тут так убого, что смотреть тошно. Всё-таки у людей совершенно нет чувства прекрасного.

— Откуда ему у них взяться, если они живут так мало. За такой небольшой срок невозможно ничего постичь. Они только и успевают, что плодиться, чтобы их раса не исчезала. По мне так людей стоит пожалеть. Их тела слабы, слишком уязвимы и срок жизни мал. По-сути, у них есть не больше тридцати лет, потом же они начинают болеть, стареть, а затем и умирать. А учитывая, что половину из этих тридцати, они как бы дети, то на жизнь им остается всего пятнадцать лет. И за эти годы им надо сделать очень многое. Не думаю, что в таких условиях кто-то будет думать о красоте или же о прекрасном.

Эльфы замолчали, так как к ним подошли ещё двое.

— Сменяемся, — сказал один из подошедших.

— Опять в подвал, — занял самый первый.

— Не спорить, Минаниэль.

— Да, да, подвал так подвал.

Кажется, это парень весьма буйного характера, а может просто ещё совсем молодой. Немного постояв, решила пойти следом за ними.

— ... любителем этих короткоживущих коротышек.

Услышала я слова первого эльфа. Кажется, тема людей еще не окончена.

— Насчет коротышек я бы с тобой поспорил. Многие из них имеют высокий рост. Да и люди по-своему симпатичны.

— Ага, особенно те, что живут в городах. Я как вспомню, как там воняет, так воротить начинает.

— Тут ты прав. К сожалению, запах у людей на самом деле бывает отвратительным. Вот ещё одна причина, чтобы их пожалеть — им приходится слишком много мыться, чтобы хотя бы немного убирать свой запах.

— А ты это...

— Что?

Второй спустился в наш подвал и совершенно для меня неожиданно открыл дверь, о

которой я раньше и понятия не имела. Это подвал мы использовали как склад для продуктов. В нем было прохладно.

— Ну... спал с людьми? — спросил первый, явно смутившись. Я же удивилась. Ну и вопросы у него.

Второй пока что не отвечал, явно размышляя. За дверью оказался длинный коридор, который шел под уклон. После мы вошли ещё в одну дверь, спустились по винтовой лестнице, которая была такой старой, что казалось, вот-вот развалится. И внизу остановились возле громадных дверей.

— Ну, так что? Спал? — нетерпеливо переспросил первый, вставая справа от двери.

— Спал, — сознался второй.

— Да ты что? И как?

— Неплохо, только они слишком много...

Они говорили и говорили, но я их не слышала, так как рассматривала дверь. Высотой метра три, не меньше. Вверху закругленная. Черного цвета. На ней не было никакого замка, зато был рисунок. Она вся была покрыта точно такими же рунами, как на моем артефакте. Эти руны светились серебром и, как мне кажется, слегка гудели.

Подойдя к ней ближе, я положила на её поверхность руку, ощутив мраморную гладкость и прохладу. Руны от этого вспыхнули сильнее, запульсировали, будто где-то внутри билось сердце, и гул стал отчетливо слышен.

Оба эльфа, как по команде, отпрыгнули, резко разворачиваясь к двери и выставляя перед собой клинки.

— Что это она сегодня? — спросил шепотом первый.

— Стой тут, надо доложить! — крикнул второй и умчался.

— Эй! Не оставляй меня тут одного! — первый поспешил следом.

Я же аккуратно погладила дверь. Ощущения были такими, словно кто-то живой ластиться ко мне. Это было похоже на то, как вас радостно встречает ваш питомец, которого вы на целый день оставили одного дома. Я будто вживую увидела черного, громадного, радостно виляющего хвостом, пса. Он щерил белоснежные клыки в улыбке и щурил светло-карие глаза. А потом и вовсе облизал мне руку розовым языком.

Очередная загадка.

Убрав руку, отошла на шаг. Думаю, не надо быть Шерлоком, чтобы понять — это тот самый вход в пещеру с кристаллами силы. Вот только я думала, что вход в неё будет просто завален. А тут целая дверь поставлена.

Вдали послышался шум. Что ж, думаю, мне пора, вот только как мне вернуться обратно? Стоило об этом подумать, как я тут же очнулась. Открыв глаза, увидела Бьярде, который по-прежнему сидел напротив.

— Задремали, госпожа? — спросил он, подкидывая костер дров и вешая над ним котелок, в котором плескалась вода. — Думаю, пора готовить завтрак. Время почти шесть.

Я удивленно огляделась, понимая, что на улице действительно уже светло. Опустила голову, рассматривая артефакт в моей руке. Он был чуть горячим. А ведь и правда, после того, как я вытащила Охтарона, больше на изнанку не попадала. Неужели этот артефакт позволяет делать это? Если произошедшее мне не приснилось, то надо будет повторить, чтобы убедиться. Узнать, правда ли я могу влиять на реальность, находясь сама на изнанке. Как далеко я могу попасть? Но не сейчас.

Из шалаша вышел Охтарон, тут же осматриваясь. Когда взгляд его упал на меня, то он

мимолетно улыбнулся и махнул мне рукой.

— Вы уже встали? Как спалось? — спросил он, подходя и присаживаясь рядом.

— Не важно, — ответила честно. — Бьярде, а у нас есть горячая вода, чтобы помыться?

— Найдём, госпожа, — вервольф махнул рукой в сторону. — Тут недалеко небольшой ручей, натаскаем сколько надо.

Что интересно, я понимала, что вервольфов вокруг нас много, но кроме Бьярде так никого не видела и не слышала. Эти ребята мастера маскировки.

— Было бы очень кстати, чувствую себя такой грязной.

Только сказав это, поняла, что восприняла слова тех двоих про запах людей слишком близко к сердцу. Как и любой другой, мне хотелось приятно пахнуть в присутствие того, кто интересен. Мыло тут уже придумали, вот только мало кто им пользуется, считая, что оно вредит здоровью. Ну, я так не думаю, так что можно будет немного усовершенствовать его, придав приятный аромат.

А еще я только сейчас подумала, что говорили те эльфы явно не на людском языке, но даже так я их прекрасно понимала. Это как так?

Я стояла на краю большого карьера, смахивающего на алмазный. Такое ощущение, что он не природного происхождения. Диаметр, как минимум метров сто, а какая глубина, затрудняюсь сказать, так как дна не было видно.

— Вы хотите туда спуститься? — Эльф встал рядом и заглянул внутрь. — Мне не кажется это хорошей идеей.

— Что поделать, жизнь ведуньи полна опасностей. Ингредиенты можно либо покупать, либо добывать. Города тут поблизости я не вижу, да и денег у меня особо нет — приходится делать все самой. С вашей помощью, конечно же. Да спуститься туда не так уж и опасно. Здесь много выступов, за которые можно цепляться, да и спуск довольно пологий. Подстрахуемся веревкой, всё будет отлично. Вы тоже пойдёте? Думаю, вам будет немного неудобно.

— Справлюсь, — буркнул эльф, внимательно осматривая склон.

Переубеждать его я не стала, тем более склон и правда был пологим и неопасным. Охтарону даже с одной рукой не составит труда спуститься. Просто нужно будет немного придерживаться стены, чтобы не потерять равновесие.

Долго размышлять не стали. Бьярде приволок веревку, конец которой мы крепко привязали к ближайшему дереву, сами обвязались и стали спускаться. При этом я внимательно осматривала склон, пытаясь рассмотреть хоть что-то интересное. И оно не заставило себя ждать. Правда, это были не минералы, а сероватый каменный мох. Он облюбовал парочку булыжников и вольготно на них разместился. Мох этот был не так уж и редок, но обычно так много его не найти.

Пришлось останавливаться и соскабливать. Минут через пятнадцать мы продолжили спуск.

— Смотрите, это вам случайно не пригодится? — Охтарон остановился и указал на группу камней, которые выглядели весьма необычно. Цвет у них был красный, будто кто-то пролил на них кровь.

Я кивнула. Этот камень действительно весьма полезный. Порошок из него добавляют в зелья поиска. Порошок этот у меня есть, но внутренний хомяк не позволил пройти мимо.

В итоге, спускались мы не меньше шести часов. И дело вовсе не в глубине, а в том, что

даже на склонах было много чего интересного.

Подниматься наверх не стали, решив заночевать на дне. Тут оказалось небольшое озеро. Вода в нём была чистой и прозрачной.

Наверху был всё ещё день, но тут внизу, было уже темно, особенно с той стороны, куда солнце не попадало. А ещё холодно.

Пока мужчины собирали хворост и устраивали наш лагерь на одну ночь, я пошла обследовать ближайшие окрестности, всё-таки мы шесть часов спускались, организм требует к себе пристального внимания.

Когда я всё закончила, то со стороны лагеря донесся шум. Поправив платье, бегом направилась туда, придерживая подол, чтобы случайно не зацепиться за корягу и не упасть. Добежала тогда, когда шум уже стих. И вроде же не так уж далеко уходила.

— Что случилось?

Но ответа на вопрос и не потребовалось. Рядом с Бьярде лежала мёртвое животное, которое было очень похоже на крота, только вот его размеры... Примерно с крупную собаку.

Охтарон же очищал свой меч, несколько удивлённо поглядывая на мертвое тело. Тоже не видела раньше таких животных.

— Это земелы, — просветил нас Бьярде. — Роют ходы в земле. Одиночки. На вкус вполне себе ничего. Только внутренности надо выбросить, они не очень. Пахнут сильно. А мясо есть можно. Обычно не нападают первыми. Этот, видимо, вылез на водопой, и мы его потревожили.

Как потом оказалось, вервольф был абсолютно прав. Мясо было на самом деле вкусным, чем-то напоминало курицу. Так что без ужина мы не остались.

Чем ближе к ночи, тем холоднее становилось. Костер развели большой, но даже так было прохладно. Одежд мы не брали, так как не думали, что будем тут ночевать.

Сев поближе к костру, поежилась. Спереди печёт, а плечи и спина замерзают. Хорошо хоть тут ветра нет, или же дождя, а то было бы вообще весело.

Бьярде посидел с нами немного, а потом пошёл спать, предварительно убедившись, что мы пока что не собираемся. Вообще, кажется, ему было совершенно не холодно. Может, он под одеждой шерстяной? А что? Выпустил мех и ходи себе, не мерзни.

Потерев плечи, еще немного приблизилась к костру, да так задумалась, что прикосновение сзади меня изрядно напугало.

— Это я, — прошептал Охтарон, обнимая меня со спины. — Я вас погрею. Вы не против?

Знаете, я никогда не думала, что от пары простых слов, от совершенно невинного прикосновения у меня будет перехватывать дыхание. Мне даже ответить было трудно, поэтому я лишь покачала головой, зажмуриваясь.

Наверное, это даже страшно, когда кто-то другой способен заставлять ваше тело сходить с ума. Всё в нём начинает работать не так, как я привыкла. Сердце бьется слишком быстро, в районе живота время от времени что-то сжимается, в голове гудит. И воздуха, воздуха катастрофически не хватает. Это даже чем-то похоже на болезнь, Вот только заболеть ею мечтают многие, если не все, так как ощущения эти хоть и странные, но приятные и волнующие.

Раньше, ни в той жизни, ни в этой, я ничего подобного не испытывала, поэтому с неким интересом прислушивалась к себе, пытаюсь запомнить эти ощущения. Не думаю, что так реагировать я буду всегда, именно поэтому нужно запомнить, как можно лучше эти

мгновения. Эту тишину, треск костра, отступивший холод, звуки окружающей природы, теплое дыхание на коже и странное, пленяющее томление внутри.

— Я хочу вас поцеловать.

Мне казалось, что чуть ранее моё тело вело себя странно. Я ошибалась. После этих слов я едва не задохнулась. Неужели всегда так? Это очень странно. Чувство того, как грудь распирает от пьянящего восторга и какой-то нереальной радости, я уж точно не забуду.

Чуть шевельнувшись, добилась лишь того, что Охтарон прижал меня к себе сильнее, словно подумал, что я хочу отстраниться от него.

— Вы ведь хотели меня поцеловать, — прошептала я.

— И сейчас хочу. Не убегайте, — голос эльфа звучал приглушённо и низко. Он буквально вибрировал, отчего я ощущала, как внизу живота становится всё горячее.

— Я не убегаю, — фыркнула, облизывая губы. Тут же пришла мысль — хорошо, что после еды попила отвар, который должен был отпить запах жареного мяса. Этой мысли я улыбнулась, ощутив себя такой глупой и юной, хотя если сложить две мои жизни вместе, то юной я точно не была. — Мне ведь надо повернуться. Так... будет удобнее.

Рука Охтарона тут же исчезла с моей талии, и я встала, поворачиваясь. За те доли секунды, что понадобились Охтарону, чтобы снова обнять меня и прижать к себе, я успела решить, что это плохая идея. Наверное, я просто струсила.

Кажется, паника, мгновенно охватившая меня, стала так заметна, что Охтарон замер, вглядываясь в моё лицо. Но даже так, он не отпускал, прижимая так, словно опасался, что я в любую секунду сбегу от него.

Чем дальше он тянул, тем сильнее я нервничала. Возбуждение и необычное состояние испарялось. Наверное, каждая проходит через такое. Хотя и не уверена, что это так.

В какой-то момент взгляд Охтарона изменился. Ещё секунду назад он смотрел мне в глаза, а сейчас на губы. От этого стало странно неуютно. Губы моментально высохли, и мне просто нестерпимо захотелось их облизать, что я и сделала.

Наверное, именно это стало стартом, той деталью, которая решила всё.

Охтарон склонился ко мне, заставляя меня едва не умереть от перехватившего вновь дыхания. А потом его губы накрыли мои. Это было лишь легкое касание, но я могу поклясться, что ничего более волнующего в своей жизни я не испытывала. В голове зашумело сильнее, сердце на мгновение замерло, отчего мне стало даже больно в груди, а потом заколотилось, будто готовилось перевыполнить годовой план по ударам. Ноги стали ватными.

Охтарон выдохнул, коротко лизнув кончиком языка мои губы, и я перестала ощущать себя. Остались лишь я и он. Всё в этом громадном мире сжалось, подобно космической черной дыре, до крохотной точки, которая пульсировала на кончиках наших губ. Ничего более не существовало. Всё стало таким неважным, несущественным, глупым, что попросту растворилось где-то на задворках сознания.

Желание медленно затопляло меня, будто до этого я была пустым сосудом. Всё внутри пульсировало, а на кончиках ресниц застыли неожиданные слезы. Выдохнув, я приоткрыла рот, тут же утопая, будто в омуте, но был он таким пленительным, что я, словно тот глупый мотылек, летящий на губительный огонь, с радостью бы утонула в нём столько раз, сколько бы смогла.

Охтарон целовал меня поначалу медленно, будто пытался понять сам себя, или же попросту боясь напугать меня, но потом страсть разгоралась в нём все сильнее. Поцелуй

стал таким, что меня начало трясти от желания и слабости. Тело не слушалось. Я даже не заметила того момента, когда обняла его, сама прижимаясь так близко, насколько это вообще было возможно.

Не вытерпев, я в поцелуе выдохнула, но отчего-то вышел приглушенный стон. Именно он и отрезвил меня немного, возвращая в реальность. Как бы мне ни хотелось не останавливаться, но сделать это было необходимо. Чуть отстранившись, я разорвала поцелуй и отошла на шаг назад, прикрывая губы тыльной стороной ладони. Они горели.

Глянув на эльфа, была весьма удивлена переменами. Мне казалось, что Охтарон умеет хорошо скрывать свои эмоции, но сейчас он явно не думал об этом. Эльф тяжело дышал, его глаза сверкали каким-то странным безумством, а рука, до сих пор протянутая в мою сторону, едва заметно подрагивала.

— Я... — он прикрыл глаза и задержал дыхание, явно пытаясь успокоиться. Но потом резко выдохнул, сделав шаг в мою сторону, открывая при этом глаза. — Напугал вас?

Мое тело всё ещё не пришло в норму, поэтому меня немного потряхивало. Жар постепенно стихал, а дыхание выравнивалось. Хотя я не была уверена, что смогу сейчас нормально идти, так как ноги всё ещё дрожали.

— Вовсе нет, — ответила, убирая руку от лица и выпрямляясь.

Даже, если мне и было капельку страшновато, то я в этом никогда не признаюсь, ведь во время поцелуя все опасения были просто сожжены, так что не стоит о них даже вспоминать.

Наше небольшое и недолгое, но полное приключений и впечатлений путешествие закончилось. Мы вернулись в долину. Там действительно до конца все ещё не высохло, но люди не сидели сложа руки. Около моего дома образовалась целая гора бульжников, которые необходимо было обработать. Когда я спросила, откуда они их берут, мне махнули руками во все стороны. Оказалось, в окрестностях много таких камней, сказывалась близость гор.

Вот их они и выкорчёвывают, а потом перетаскивают ко мне. Почему ко мне? Как они сказали, что попутно будут сразу строить для меня замок. Я удивилась. Замок? Это сколько они его собираются строить? Но потом пришла к выводу, что пусть потихоньку строят. Конечно, не забывая о своих домах.

Так вот, учитывая, сколько людей со мной было, то, как мне кажется, камней они натаскали уже на ползатка, как минимум. Думаю, не стоит говорить, что видеть меня были рады. Люди всё-таки побаивались этого места, и почему-то видели меня единственной, кто защищает их от всех тех ужасов, что могут тут происходить с обычными людьми. Как итог, меня заверили, что впредь они всё мне сами принесут, главное, чтобы я не пропадала больше. На то, что я их вообще-то заранее предупредила, мне ответили, что лучше рисковать не стоит.

Не скажу, что мне это сильно понравилось, но решила решать проблемы по мере поступления. Надо будет уйти — уйду. Как бы ни хотелось людям, но я всё-таки принадлежу себе и потакать их необоснованным страхам не собираюсь. Я понимаю, была бы настоящая опасность, тогда я и сама бы не ушла, а так... В общем, такие вот дела.

— Да где же она? — бормотала я, роюсь в одном из своих сундуков.

— Что вы ищите? — спросил Охтарон, сидя за столом и с аппетитом уничтожая жареную птицу. Он вообще эльф? Мне казалось, они должны всякими травками, цветочками, ягодками, да фруктиками питаться. Этот же мясо за пятерых уплетает и не морщится. Мне не жалко, пусть ест, но как же мои представления об эльфах?

— Минуту, — прокряхтела я, буквально зарываясь в сундук с головой. — А! Вот она! Нашла.

Выпрямившись, я победно вскинула руку с зажатой в ней книгой.

— Что это? — флегматично поинтересовался Охтарон, больше внимания уделяя золотистой ножке, чем книге в моих руках. — Какой-нибудь справочник о зельях? Зачем он вам? Мне казалось, в вашей голове все эти рецепты и так великолепно хранятся.

— Нет, — я улыбнулась и села за стол, положив на него книгу. — Это не справочник. И даже не сборник рецептов. Вы удивитесь, но для ведуна эта книга вообще бесполезна.

— Тогда зачем она вам? — в зеленых глазах мелькнул интерес, но пока что птица перевешивала любопытство.

— Когда-то давно, лет так двадцать назад, мой отец, будучи полностью уверенным, что его ребенок родится одарённым, купил эту книгу. И не спрашивайте, как ему это удалось. Это сейчас такие книги можно купить, сложно, но всё-таки вполне реально. А вот тогда, подобного рода книги были только в библиотеке академии или же в личной собственности магов, которые их хранили и никому не продавали. Да, да, вижу, вы уже поняли. Это книга

для начинающих магов. Тут всё написано очень доступно. Так, что даже необученный новичок поймет. Даже есть с десятков простейших плетений, которые потом можно усовершенствовать, было бы желание. Даже мне, не магу, и то всё было понятно. Так что, прошу, пользуйтесь.

Отдав книгу, улыбнулась, замечая, что, наконец-то, смогла заставить Охтарона отложить в сторону свой ужин и уделить пристальное внимание книги.

— Я раньше не задумывался, но теперь понимаю, что вблизи меня никогда не было подобных книг, словно кто-то специально делал всё, чтобы они мне не попадались на глаза. Хотя, если подумать, в библиотеке правителя эльфов просто обязаны были быть хотя бы самые простенькие книги о магии. Но нет.

— Теперь вы сможете хотя бы примерно понять природу ваших сил. Читайте, если что-то не понятно, не спрашивайте, — я рассмеялась, заметив, что эльф на этих словах удивился. — Шучу, конечно, спрашивайте. Только я сомневаюсь, что эта книга вызовет у вас трудности. Даже я, далеко не маг поняла, а вы поймёте и подавно.

Поднявшись, я отвернулась, коварно улыбаясь. Теперь меня никто трогать не будет и приставать с вопросами тоже. Охтарону просто гордость не даст обратиться ко мне за разъяснениями.

Думаете, жестоко? Ничуть! Мы в долине уже два дня, а Охтарон мне работать не дает. Нет, он не распускает руки и не лезет с поцелуями, но почти постоянно находится рядом, будто его кто-то приклеил. Это не мешает, но мне нужно всё своё внимание для зелий, а он так или иначе меня отвлекает, даже просто сидя рядом. А уж если он начинает смотреть своим долгим, пристальным взглядом, то в мою голову приходит всё, что угодно, но не заклинания для зелья, а уж порядок, в котором нужно добавлять ингредиенты так и вовсе выветривается.

Вот тогда я и вспомнила о книге. Она на самом деле для начинающих магов, можно сказать, для чайников, так что на некоторое время займёт Охтарона.

Потерев руки, я с удовольствием потянулась и пошла к своим запасам. Так, первым делом надо сварить зелье для того, чтобы людям было проще стесывать лишний камень. Вот и будет мне тренировка, ведь зелье расщепления никто не отменял и хелг всё еще ждет помощи, а я всё еще не нашла причину, чтобы ему в ней отказать. Хотя, я особо и не искала.

— Вы собрались варить сейчас?

— М? Почему нет? — спросила, наливая в котелок воды и ставя его на печь.

Надо будет дверь потом открыть, иначе мы тут спаримся от жары. Но на улице варить я не хочу. Думаю, часа три на варку точно уйдёт. Главное не напортачить с одним порошком, а то боюсь, ничего не выйдет. Но я уже примерно представляю, сколько его нужно сыпнуть. Откуда? Ну, это, наверное, нечто врожденное, вроде того, как некоторые домохозяйки сыплют в суп соль на глаз, и выходит идеально.

— Ночь же скоро.

— Ничего, она мне никак не помешает. Так даже лучше, никто не будет беспокоить. Всё-таки мне нужно часа три тишины. Вы справитесь? — спросила, подняв голову.

— Конечно. Я вот, — Охтарон торопливо поднял вверх книгу, — почитаю пока что.

— Если устанете, то можете ложиться спать.

Мне показалось, что лицо эльфа на секунду изображало то ли обиду, то ли сожаление. Я так и не поняла, но могу сказать точно — он чем-то недоволен. Надо же, как я его понимать начинаю. Интересно, что его расстраивает? Спрошу потом, а сейчас за работу.

— Я вас подожду, — отозвался Охтарон, но я уже была во власти своей работы, так что не обратила на его слова внимания.

Заклинание слетало с моих губ привычно, хотя такое зелье я делала впервые. Мне казалось, что я даже вижу, как магия темно-зеленого цвета мягко вплетается в кипящий состав. Время растянулось в своей бесконечности, но в то же время летело, будто пущенная из лука стрела. Воздух вокруг едва уловимо гудел. Это состояние было очень похоже на то, что я испытываю на изнанке.

— Кажется, получилось, — осматривая тёмно-серое зелье, тихо прошептала я.

— Вы закончили?

Вздрыгнула, ощутив, что рядом кто-то есть. Обернулась, облегченно выдыхая.

— Вы меня напугали, — сказала, отворачиваясь обратно к зелью. — Остынет, попробуем. По виду вроде бы всё вышло.

— В очередной раз удивляюсь, какая вы необычная. Я видел пару раз, как ведуны варят зелья, но у вас это выходит так по-особенному, что я не смог отвести от вас глаз все это время.

— Я... — начала говорить, желая заверить его, что всё я делаю, как и другие, но потом передумала. Я ведь сама себя со стороны не вижу, мало ли, моя магия действительно видна со стороны, тогда я даже буду согласна с Охтароном. Дело в том, что обычно магия ведунов не видна ни магам, ни обычным людям. Да что говорить, мы её даже сами не видим. Но ведь моя сила, не совсем моя. Вернее, сейчас она моя, но дарована. — Моя... магия видна? — всё-таки спросила, не удержавшись.

— Да, — Охтарон приблизился и заглянул в котелок. — Странно, а магия ваша была темно-зеленой. Тогда почему зелье серое?

— А я думала, что это мне только кажется, — задумчиво потянула я, постукивая по губам пальцем. — Думаю, не стоит всем подряд показывать это, чтобы не было лишних вопросов. Мои люди их задавать не станут, а вот, если мы всё-таки окажемся снаружи, за пределами Вильгельма, то стоит быть осторожнее.

— И когда можно будет опробовать ваше зелье? — Охтарон подошёл вплотную и почти обнял меня, зажав между собой и печью.

Не сказать, что я была против такой близости, но это меня всё-таки пока что смущало, а эльф, кажется, не испытывал никаких проблем, просто смотрел долгим взглядом, и всё. Знаете, было похоже на то, как хищник смотрит за своей загнанной в тупик добычей, дожидаясь пока она сдастся и сама выползет наружу прямо ему в пасть. А ведь он светлый эльф! Эх, как же сохранить милые сердцу шаблоны и представления о том, какими должны быть правильные эльфы?

— Можем и сейчас. Принесите камень, только небольшой какой-нибудь.

Охтарон нехотя отошёл от меня и вышел на улицу. Через минуту он вернулся с камнем в руке.

— Такой подойдёт?

— Вполне.

Я взяла камень, размером с яблоко и тщательно вытерев его от пыли и грязи, осторожно опустила его одним боком в зелье. Долго ждать не стала, практически сразу вытащила, держа на весу.

Мне и самой было любопытно, что из этого выйдет. Я, конечно, почти уверена в том, что у меня получилось. Но вот именно, что «почти». Минуты через три, аккуратнo поскребла

по боку камня ножиком, едва не взвизгнув от радости. Небольшой слой снялся, будто камень был покрыт сверху в этом месте пластилином.

— Вот, — сказала, поднимая победный взгляд на Охтарона.

То, что меня тут же поцелуют, я голова не была, поэтому поначалу удивилась, но потом расслабилась. Слишком увлечёшься ему я не дала, разрывая поцелуй быстрее, чем мне самой хотелось бы, но даже это не помогло мне выбраться из объятий эльфа. И это у него только одна рука. Мне уже страшно представить, что будет, когда мы вернём ему и вторую.

— Меня порой пугают ваши способности, — прошептал Охтарон, осторожно прикасаясь губами к уголкам губ. — Я знал, что ведуны многое могут, но то, что вытворяете вы, превышает все мои ожидания. Мне кажется, ведунов напрасно недооценивают.

— Это не мои способности, — так же тихо сказала и, набравшись смелости, осторожно поцеловала эльфа в губы легким, практически невесомым поцелуем. — Это сила хелга.

— Глупости, — Охтарон приподнял мою голову за подбородок и стал выцеловывать мне шею, отчего мне показалось, что во внутренности мне плеснули кипятка. Это было слишком, поэтому я тут же попыталась высвободиться. — Он мог бы отдать её кому угодно, но выбрал вас. Думаю, что тут дело не просто в силе, а именно в том, кто её принимает и использует.

Охтарон посмотрел мне в глаза и отступил, тихо вздыхая. Я тут же отвернулась, пряча горящее лицо.

— Не стану с вами спорить, — сказала, убеждаясь, что котелок в полном порядке, а значит, все расчёты оказались верны, и зелье будет работать только с камнем и не повреждать другие материалы. Камни им на дерево и оно останется целым. Это хорошо.

Вот только с настоящим зельем расщепления ни всё так просто, ведь оно растворяет всё подряд. Для того чтобы его приготовить нужен зачарованный котелок. А его у меня нет. Вопрос: где его взять?

Повернувшись к столу, нахмутив брови, с минуту думала. Эльф, заметив мой взгляд, даже немного напрягся.

— Я так залюбовался вами, что не читал, — признался он, кажется, даже смутившись.

— О, я не поэтому, — заверила его, подходя к книге. Взяв её, пролиставала. Если мне не изменяет память, то тут должно быть самое простое заклинание на укрепление. — Надо же, и правда, есть.

— Что? — Охтарон подошел ближе и тоже заглянул в книгу. — Заклинание укрепления? Зачем оно вам?

— Вам придется всё-таки овладеть своей магией, дорогой мой супруг. Кажется, без вашей помощи мне не обойтись, — я захлопнула книгу и положила её на стол, поворачиваясь к эльфу. — Заклинание укрепления мне нужно для того, чтобы вы зачаровали мне котелок, в котором я буду варить зелье расщепления. Интересно, это тоже подстроено? Порой мне кажется, что я не хозяйка своей жизни и всё за меня рассчитано и расписано.

Я помолчала, осторожно положив ладони на грудь Охтарона. Мне хотелось прижаться к нему, но я просто смотрела, любуясь игрой света в таких необычных глазах. При свете дня они очень красивы, но когда светит лишь свеча, они становятся какими-то загадочными, что ли, завораживающими.

— И как? Вам не нравится то, что происходит? — почему-то шепотом спросил Охтарон, делая шаг вперёд, отчего мне пришлось буквально уткнуться носом ему в грудь. — Я вот пока что всем доволен и благодарен тому, кто всё это для меня подготовил, даже если делал

он это не для моего блага, а лишь для своей собственной выгоды.

Я стояла и не знала, что на это сказать, ведь Охтарон полностью прав. Даже если всё, что с нами сейчас происходит заранее спланировано, то я тоже совершенно не против. Единственное, что я так и не смогу никогда простить, это смерть отца. Король обязательно за это поплатиться, даже, несмотря на то, что и он, возможно, действовал «по плану». Увы, но доказать спланированность собственной жизни мы не можем. А это значит, что нужно просто принять, то, что есть и попытаться жить. Жить, любить, прощать, ненавидеть, рассчитывая, что однажды ответы нам всё-таки будут даны.

— Пора спать, — буркнула я, вдыхая запах Охтарона.

— Как вы думаете, может нам пора спать на одной постели вдвоём? Нет, не подумайте, просто спать. Скажу честно, мне очень не нравится спать на полу. Обещаю, приставать не буду, — Охтарон рассмеялся, поглаживая рукой меня по спине.

— Она узкая для двоих, — возразила я, прикусывая губу. Спать с ним на одной кровати? Это... очень волнующе.

— Это не проблема. Если вы согласны, то завтра же тут будет нормальная, большая кровать. Только вот места станет меньше. Вы не против?

Охтарон уткнулся мне в макушку, шумно втягивая воздух, заставив меня тем самым смутиться. Ему тоже нравится мой запах? А те двое говорили, что мы не очень пахнем. Ох, точно!

Я тут же выбралась из объятий эльфа и заметалась по дому.

— Что случилось? — Охтарон выглядел встревоженным, явно не понимая, что на меня нашло.

— Секунду, — буркнула, вытаскивая свою сумку из-под кровати. Когда мы вернулись, ингредиенты я вытащила, а вот про артефакт совсем забыла. — Вот он, — достав его, затолкала сумку ногой обратно под кровать.

— Тот артефакт? Почему вы так резко о нём вспомнили?

— Я ведь забыла вам рассказать, — начала я, садясь за стол. Охтарон тут же подтащил к себе стул и тоже сел. — Кажется, я знаю, что он делает. Помните, как я вас сюда вытянула? Скажите, ведь когда я к вам приходила и прикасалась, то вы ведь ощущали моё присутствие и прикосновения?

— Поначалу смутно, но чем дальше, тем отчётливее я чувствовал, что рядом кто-то в определённое время появлялся. Поначалу я ничего не видел, но затем стал замечать смутный образ. А что такое?

— После того, как я вас вытянула, я больше не могла выходить на изнанку. Ну, это я так называю то место, в котором я прибывала, когда приходила к вам. Либо это моё умение было дано мне лишь на время, либо по причине не нужности, оно перестало активироваться. Так вот, этот артефакт позволяет не снова бывать там. Я узнала случайно, пока мы были в походе, и забыла сказать.

— И к кому же вы ходили на этот раз? — хмуро поинтересовался Охтарон, снова забирая у меня из рук артефакт. Мне кажется, ему он по какой-то причине совершенно не нравится. Он смотрит на него так, будто его разрывает от желания выбросить его куда подальше.

— Я была в своём замке. И не надо выбрасывать! Эта вещь может быть очень полезной, ведь благодаря ей я могу бывать за пределами леса, причём об этом никто не узнает. Это идеально для, например, шпионажа.

— Вы задумали преступление? — понизив голос до шепота, будто заговорщик, Охтарон прищурился и посмотрел по сторонам.

— Всё может быть, — хмыкнула я, забирая у него подарок хелга. — Я могу, например, узнать, кому именно вы не угодили. Быть в курсе событий в мире. А ещё могу навестить нашего короля и немного его попугать. Я отлично знаю, что за смертью моего отца стоит именно король.

— Но ведь это мой отец стремился заполучить Хольм? Тогда, изначально виноват он, вы так не думаете?

— Нет. Он всего лишь хотел. Никто не заставлял короля убивать. Он ведь король, мог бы просто заставить моего отца, и он бы подчинился монаршей воле. Но его просто списали, видимо, не желая тратить время на уговоры и траты. Этого простить я не могу. Увы, но я далеко не святая. Теперь я понимаю, что хелг имел в виду, говоря, что он мне пригодится. Что ж, я благодарна за подарок.

— И как выглядит эта изнанка?

— М? Почти так же как и обычная реальность. Представьте, что вы стоите, а вас никто не видит. Это с артефактом. Всё такое чёткое и даже разговоры слышно. Раньше было намного хуже. Я едва различала в пятне, которое видела, вас. Потом, я, правда, немного освоилась и почти угадала ваш цвет глаз. Представьте, что вы стоите в текущей воде, в которую кто-то вылил разных красок. Они не смешиваются, просто текут мимо вас, иногда вспыхивая, будто взрываясь изнутри. Вот примерно так. Изнанка странное место. Я до сих пор не понимаю, что это. Остановилась на пространстве, которое плотно прилегает к нашей реальности. Кстати, коридоры, по которым передвигаются вервольфы, кажется, из той же области подпространства.

— Ми сложнее, чем кажется, — вздохнул Охтарон, пододвигая к себе книгу. — Сколько всего мне нужно будет узнать.

— Столько, сколько вы сами захотите. Информация никогда не кончается. Всегда найдётся то, что вы ещё не знали. Думаю, этим и интересен мир. Разве не так? А и ещё, я была в замке, там были эльфы и они разговаривали на эльфийском, но я их отлично понимала. Наверное, это эффект изнанки. И я видела дверь в пещеру с кристаллами.

— И какая она? — с любопытством поинтересовался эльф.

Я принялась рассказывать в подробностях. Мы немного поспорили о том, что могут значить знаки на двери и артефакты, но так как ни один из нас точно не знал, быстро прекратили спор.

— Кажется, нам давно пора спать, — опомнилась я, надеясь, что у нас есть хотя бы пару часов, чтобы поспать.

— Да, и правда. Может, хотя бы часик успеем урвать. Вы, кстати, так и не ответили на мой вопрос.

— Какой?

— Про кровать. Так что, вы согласны спать вместе со мной на одной постели?

Уже лежа в своей кровати, я пыталась успокоиться. Просто, когда я кивнула в знак согласия, Охтароне выразил свое отношение к моему ответу весьма красноречиво — мне едва удалось вырваться из его объятий. Боюсь, что с каждым днём ему всё проще подавлять моё незначительное сопротивление. Не сказать, что я сопротивляюсь из вредности или же стервозности, мне просто банально страшно. Сомнения в правильности происходящего грызут и не дают просто отдаться во власть своих желаний. Может, я просто нерешительная или же сама себя обманываю, но ничего поделать с этим не могу. Думаю, что всё произойдёт тогда, когда этому суждено быть. Да и не так давно мы друг друга знаем, так что вполне естественно повременить с подобной близостью.

Сжав в руке артефакт, глубоко и медленно вдохнула, полностью расслабляясь. Нужно пока что оставить все эти мысли и заняться не менее важными делами.

Увы, но влиять через изнанку на внешний мир, я пока что не очень могу, так что меня ждут тренировки. Сколько для этого понадобится времени, не знаю, но это лишь значит, что придется приложить капельку усилий.

Когда я провалилась на изнанку, не могу сказать, просто в один момент ощутила себя в явно очень богатой комнате. Громадная кровать с резными спинками. Бархатный балдахин бордового цвета с золотой вышивкой. Громадная шкура какого-то животного вроде медведя на полу. Шторы во всю стену, скрывающие окно. Искусно украшенное зеркало. Стол из какого-то темного материала, то ли камня, то ли дерева. Каменный камин, сейчас почти потухший. Чуть ли не во всю стену рисованный портрет, на котором был изображен красивый мужчина. Брюнет с глубокими карими глазами, лет этак сорока. Множество свеч, которые оплавилась почти до самого конца. Выглядело так, словно человек, живущий в этой комнате, боится темноты. Вся обстановка в этой комнате говорила о богатстве. Но даже так, я все равно отчётливо видела, что всё это богатство именно для этого времени. Если бы такая комната была бы у кого-то в моем прошлом мире, то её хозяина назвали бы чудачком, любящим убранство глубокой древности.

На кровати кто-то спал. Я стояла почти у двери, поэтому мне было не видно, кто именно там, но и видеть не надо было, чтобы понять, куда именно меня занесло. Перед тем как попасть сюда, я размышляла об этом человеке, думаю, что мне делать. Наверное, артефакт счёл это за желание оказаться рядом.

Подойдя к кровати, вдохнула. Да, как я и думала. Эта на самом деле комната короля.

В постели, в обнимку с двумя молоденькими девчонками спал сам король. Я нахмурилась. Королю было уже больше пятидесяти, а вот тем с кем он сейчас спал, явно не больше пятнадцати. Тут девушки в этом возрасте вполне считаются годными для создания семьи. Особенно, если ими заинтересовывается кто-то выше их по положению. А уж если сам король, то это вообще считается большой удачей и честью. Родители готовы даже совсем малолетних детей под короля подложить, так как это сулит большие выгоды. А ведь у него есть жена и наследники. Ладно, я тут не для того, чтобы размышлять о его моральном облике. Мне глубоко безразлично с кем спит король, единственное, что меня волнует — это что мне делать?

Ещё раз оглядела короля, приходя к выводу, что с тех пор, когда был нарисован его

портрет, который теперь висел напротив кровати, он не слишком сильно изменился. Так, седина немного посеребрила виски, да чуть морщин прибавилось. Вообще, мужчина он видный.

Убить его? Думаю, если научится влиять на реальность с изнанки, то сделать это для меня не составит большого труда. Немного яда в кубок, и все. Но какие это повлечёт за собой последствия. Не стоит забывать, что какой бы он не был, но он король этой страны и его смерть не сможет не повлиять на происходящее. Тут нужно учитывать все риски, я всё-таки не хочу, чтобы из-за моей смерти пострадали невинные люди.

Кто-то может сказать, что мне должно быть на них наплевать, ведь я их даже в глаза не видела. Да, я не святая, но всё-таки не являюсь бесчувственной машиной, которой безразлично, если из-за моих действий, например, разразится гражданская война, в которой погибнут люди. Пусть я их никогда и не видела, но я ведь буду знать, что это моя вина. А собственная совесть самый страшный судья.

Ещё есть вариант лишить короля того, чем он дорожит больше всего, например, убить того, кого он любит. Неплохо, но опять же, ну не изверг я, убивать невинного человека.

— А, как же сложно, — раздражённо буркнула, плюхаясь в ближайшее кресло. — И что мне с тобой делать?

И вообще, стоило бы задуматься, смогу ли я вообще убить. Всё-таки это не то же самое, что выпить чаю или же сварить зелье. Лишить жизни живое существо всегда сложно. Конечно, убить защищаясь проще или же в состоянии аффекта, но вот так, хладнокровно планируя... Это надо иметь определённый склад ума. Не думаю, что я способна на такое.

Хм, а что если вернуться к тому, чтобы лишить его того, что ему ценно, но не прибегать к убийству, а, например, лишить его короны. А что? Думаю, для короля власть должна быть весьма ценной, тем более, если он варится во всем этом с детства и воспринимает, как нечто само собой разумеющееся.

Нынешнего короля люди хоть и терпят, но не сказать, что любят. Фритхов четвёртый любит войну, женщин, балы и охоту. При его правлении не было ни дня, чтобы королевство не воевало. Да, я не люблю историю, но даже так знаю, что при правлении этой династии людям жилось весьма туго. Не зря имя Фритхов означает «ворующий мир».

Но если попытаться повернуть смену династии, то не выльется ли это в гражданскую войну? Не хотелось бы. Да и кого сажать тогда на трон? Я ведь хорошо знаю, что любая власть развращает людей. Думаю, любой другой король будет те же яйца, только вид сбоку. Да и не много ли я на себя беру, решая, что мне так легко удастся «сменить династию»? Не слишком ли я о себе возомнила?

В общем, всё это просто необходимо хорошо обдумать. Походить тут, побродить, может, чего интересного и услышу.

Удивительно, но мои мысли оказались вовсе не глупостью. Мне хватило всего неделю блуждания по дворцу, чтобы понять — люди действительно недовольны королём. Эта последняя война, в которой погиб мой отец, стала, кажется, последней каплей. В ней погибло уже много людей, а это значит, что многие потеряли своих близких. И это не всегда сыновья обычных черноногих. О, нет, были среди погибших дети и аристократов, а это не те люди, что будут спускать подобное.

Охтарону я рассказала, куда хожу каждую ночь. Он, кстати, на самом деле на следующий день, вместе с деревенскими мужиками склотил двуспальную кровать, причём выглядел при этом крайне довольным. Отказывать я не стала, так что теперь спим мы под

одним одеялом. Теперь перед тем как уснуть меня ждали долгие, томные, а иногда и весьма страстные поцелуи. Я уже поняла, что Охтарон решил «брать крепость» измором, ведь с каждым новым вечером его рука позволяла себе всё больше, а губы спускались всё ниже. Но, стоило мне отстраниться, как он тут же всё прекращал, давая понять, что всё в моей воли.

Конечно, Охтарон был недоволен моими ночными отлучками, но каждое утро, просыпаясь, я обнаруживала себя на груди эльфа, который бережно обнимал меня.

Днём же я варила зелья, ужасно радуясь, когда видела, как люди подготавливают камни. Видели бы вы их глаза, когда они впервые опробовали зелье на камнях. Я даже смутиться и испугаться успела, когда десятки пар посмотрели на меня с восхищением, к которому примешивалось столько разных эмоций, что все и не разобрать.

Охтарон же в это время послушно изучал книгу. Кажется, ему нравится.

Так вот, вернёмся к моим ночным похождениям. Я не только бродила по дворцу, будто призрак, но еще училась влиять на реальность. К моей гордости и радости, у меня это с каждым днём получалось всё лучше и лучше.

Теперь я могла с легкостью оставить в реальности предмет, который заранее брала с собой. Ещё у меня получалось что-то взять из реальности, только это должно было быть небольшим, например книга, листок, маленькая шкатулка. Если мне когда-нибудь надоест быть ведуньей, то я могу стать первоклассный воришкой, или шпионом.

Я часто подслушивала разговоры недовольной знати, которая иногда по ночам шепталась по углам, строя нереальные планы по устранению надоевшего до печенок короля. Все эти планы, на мой взгляд, были такими глупыми и нереальными.

Сегодня я решила сходить к старшему сыну короля. Я знала, что у Фритхова есть два сына и дочь. Дочь он недавно выдал замуж за короля соседнего королевства, получив за это от него помощь в нынешней войне. Старшему сыну, кажется, сейчас лет двадцать пять. Младшему четырнадцать. Королева родила его очень поздно для этого мира, и это изрядно подкосило её здоровье.

Насколько я успела узнать, младший сын рос тихим мальчиком, а старший, по шепоткам всё тех же аристократов, был никчемным и безвольным слабаком. Так ли это? Ведь, когда они говорили подобное, то делали это лишь для того, чтобы выставить королевскую семью в не лучшем свете. Мол, если уж убирать нынешнего короля, то и детишек его надо на тот свет отправлять, так как ни один из них не годен в короли. А вот я!... В общем, вы понимаете. Каждый петух пел оды своему величию и исключительности. Таким людям доверять последнее дело.

Оказавшись в комнате старшего принца, первым делом отметила скромность убранства. Никакой позолоты, кричащих цветов и мехов. Для сына короля тут было довольно бедновато. Простая кровать, стол, несколько кресел, неизменный камин. На одной стене заметила карту, которая, конечно же, вызвала у меня любопытство. Понятное дело, ни о какой четкости речи не шло, так, приблизительные очертания. Полюбовавшись немного на карту, нашла на ней наше королевство, Вильхельм, который был помечен черепами, посмеялась над этим. На других стенах были простые гобелены. В общем, комната явно больше подходила простому человеку, а не принцу.

Подойдя к кровати, стала рассматривать принца. Ну что могу сказать? Он явно был не так красив, как отец. Не знаю, какого цвета у него глаза, но вот волосы отцовские, черные. Губы довольно пухлые, нос не сильно изящный, крупный, но ровный. Скулы низкие, подбородок тяжелый, чуть выступает вперёд. Брови густые, но правильной и даже красивой

формы. В общем, вполне себе нормальный такой мужчина.

Интересно, слухи о нём правдивы? Судя по комнате, он довольно скромный человек. Осмотрелась ещё немного. Никаких кубков с вином, а ведь аристократы любители выпить перед сном.

— И? Какой же ты человек, старший сын короля, принц Вилфред?

В этот момент мужчина распахнул глаза и посмотрел прямо на меня. От неожиданности я даже отшатнулась, почувствовав, как сердце в груди кольнуло. Напугал! Глаза у него оказались, видимо, материнские — светло-серые.

— Кто тут? — спросил Вилфред, оглядывая комнату.

Он быстро сунул руку под подушку и вытащил оттуда простой кинжал, всматриваясь при этом в каждый темный угол.

Как интересно, он второй, кто смог меня ощутить. Не думаю, что Охтарону это следует знать, от греха подальше лучше промолчу. Интересно, почему так? Неужели сказалось моё слишком пристальное внимание? А может, то, что принц весьма сильный маг?

Тот кстати не ограничился только клинком, а быстро сплел какое-то заклинание и выпустил его. Подождал немного, а потом успокоено откинулся обратно на подушку.

— Показалось, что ли? — буркнул он, убирая клинок обратно. — Может, приснилось?

Больше нервировать его не стала, но после той ночи, стала часто следить за ним. Вилфред ощущал меня, нервничал от этого, постоянно просыпался, если не спал, то начинал оглядываться. Я его явно нервировала, но не могла остановиться. За несколько недель пристального внимания, мне удалось выяснить, что принц на самом деле не такой, как о нём отзываются недовольные аристократы. Да, он не был слишком активным, но природа не обделила его умом. Вилфред был сообразительным, целеустремлённым, довольно честным. У него оказался сильный характер. Магия тоже весьма наградила его, правда об этом мало кто знал.

Почему же о нём ходили такие странные слухи? Все просто, Вилфред старался не отвечивать. Почему? Почему-то он считал себя ещё не готовым отвечать за страну и людей. Ему не нравилась война, и он в тайне ото всех пытался найти пути к её окончанию.

Я заметила, что вокруг него образовалась кучка таких же молодых и не глупых аристократов, в основном это были вторые сыновья. Во всё вникнуть я так и не смогла, так как времени рядом с принцем провела не так много, но уже сейчас мне было понятно, что ему вполне можно доверить королевство.

— Не выспались, ваше высочество? — спросил Вилфреда один из младших сыновей какого-то там графа. Имя у графа было довольно громким, но таким длинным, что я не стала его запоминать. Самого же парня звали Гуннар.

— Не могу отделаться от ощущения, что за мной следят, — пожаловался Вилфред, потирая красные от недосыпа глаза.

Всё трое, находившихся сейчас в комнате сплели какие-то заклинания и выпустили их. Я наблюдала, как золотистые нити, похожие на щупальца, расползлись по всей комнате и постепенно растворились.

— Тут совершенно никого нет. Даже за пределами комнаты тоже тихо.

Было ли мне стыдно? Ни капли! Я ведь должна была знать. Так что потерпит моё присутствие ещё немного.

— А вдруг это проклятье? — выдал ещё один участник посиделок. Это был сын одного из пограничных баронов. Кажется, имя у парня была то ли Ивар, то ли Ингвар.

— Понятия не имею, Ивар. Мне даже сейчас кажется, что на меня кто-то смотрит. Это сводит с ума.

— Может, вы просто переутомились. Эта война всё-таки слишком много из вас тянет. Мне кажется, вам необходимо перестать пытаться сблечь как можно людей. Оставьте войну вашему отцу. Да, погибнет больше людей, но тогда, может, она быстрее закончится. На одни продукты для войска вы уже потратили все свои накопления. А оружие, амуниция. Ваш отец не задумывается, откуда все это, так как даже ни разу не был, ни в одном из лагерей. Но что будет, когда он узнает об этом? Он станет задавать неудобные вопросы.

Гуннар говорил тихо, размеренно и сухо. Думаю, именно он однажды, если принц всё-таки станет королем, будет при нем казначеем.

— Я понимаю, но не могу просто так всё оставить. Нам везет, что отец не бывает на войне. Плохо, что эти идиоты командующие подчиняются только его приказам, а сам отец никогда не признает советов. Ивар, как там дела с королевской печатью?

— Увы, ваше высочество, но мы пока что не можем её отыскать. В комнате короля её точно нет. Уж в том, что ваш отец глуп, его не обвинишь. Он заверяет все важные указы только в одиночестве и нам так и не удалось узнать, куда он прячет печать.

— Поторопитесь и отыщите её. Нам нужно снять с неё копию, может, тогда получится всё-таки быстрее закончить эту войну. Стратегия, которую применяет отец полностью провальная.

— Мы понимаем. Нам нужно ещё немного времени, — Ивар опустил голову и сжал пальцы в кулак. — Его кабинет мы тоже осмотрели, но и там ничего не нашли.

Они говорили и говорили, я же задумалась. Печать? Если это то, о чём думаю, то я знаю, где именно она. Как-то раз просто присутствовала, когда король что-то утверждал ею. А прячет он её банально в кровати. У него там есть небольшой тайничок. Думаю, что не каждый подумает, будто такую вещь станут прятать на таком очевидном месте.

Что ж, думаю, нужно помочь этому весьма благородному порыву, тем более новости с войны действительно приходят тревожные.

Недавно обнаружила, что, будучи на изнанке, мне совершенно не нужны двери. Преграды в реальности тут не имеют никакого значения, так что выйти из комнаты не составило труда, я просто прошла сквозь дверь. Да и забрать печать из тайника сложности не составило. Печать была небольшой. И это очень хорошо. Если бы она была более громоздкой и тяжелой, то не уверена, что у меня бы вышло. Всё-таки я пока что не могу брать или же передвигать слишком тяжелые вещи. Нет, может, в случае крайне необходимости и смогу, но пока что только так.

Вернувшись в комнату Вилфреда, немного помялась рядом со столом. И что делать? Ждать пока все разойдутся и тогда подложить тайно? А вдруг за это время королю приспичит чего-нибудь заверить? Пропажа откроется и это недопустимо. Даже сейчас нужно действовать быстро, ведь в силу всегда может вступить закон подлости.

Парни как раз склонились над картой и что-то обсуждали. Я ведь говорила, что в стратегии не сильна? А они как раз тихо разговаривали о чем-то вроде «подойти справа», «ударить с фланга», «применить обманку».

Облизнувшись от волнения, подошла к столу ближе, замечая, как Вилфред едва сдерживает себя, чтобы не отпрыгнуть в сторону. Мне кажется, он даже вспотел от усердия. Пальцы сжаты, костяшки побелели, зубы стиснуты. Он был так напряжен, что мне его стало жаль. Я ведь не хочу его пугать.

Немного нагнувшись, медленно протянула руку с зажатой в ней печатью. Странно, я сама очень волнуюсь. Задержав дыхание, взялась за самый верх печати и осторожно поставила её на стол. Пока я её держу, для остальных она не видима. Медленно убрала пальцы. Всё, назад дороги нет, я сделала свой окончательный выбор. Я сделаю всё, чтобы королем этой страны стал Вилфред.

С десятков минут парни смотрели на печать, которая буквально из воздуха материализовалась посередине стола. Бесшумно, будто воплотившейся в реальность морок. Они молчали, а потом словно по команде отпрыгнули от стола в разные стороны.

Я оглянулась, не успев даже среагировать на такую скорость. Все трое щетинились во все стороны клинками. В руках принца ещё переливалось какое-то плетение.

Минуты шли за минутами. Более никак выдавать своего присутствия я не собиралась, просто смотрела, что будет дальше. Спустя некоторое время, они медленно убрали клинки и снова выпустили во все стороны поисковые заклинания.

— Никого, — выдохнул одними губами Ивар.

— Я же говорил, что за мной кто-то наблюдает в последнее время, — так же тихо сказал Вилфред. — И что это может быть?

— Не знаю, — Гуннар подошел к столу, осмотрел печать со всех сторон, потом поднял её и показал принцу. — Но, кто бы это ни был, он явно на нашей стороне. Это печать короля. Я сейчас сниму копию.

— У тебя все с собой? — спросил Вилфред, всё ещё с подозрением поглядывая в ту сторону, где я стояла. Поразительно, насколько точно он определяет моё местоположение.

— Да, нужно поторопиться. Печать может понадобиться королю в любое время.

Гуннар поднял неприметную сумку с пола, достал чашки, небольшие бочонки с каким-то составом, кучу всяких приспособлений, очень похожих на набор юного хирурга. Я немного понаблюдала, как он снимает с печати копию, но быстро потеряла интерес.

— Не знаю, что это такое, — буркнул Вилфред. — Но это до сих пор тут. Я прямо лопатками чувствую, как оно смотрит на меня.

— Интересно, кто это? — спросил более живой и беззаботный из всех троих Ивар. — Я не слышал, чтобы кто-то мог становиться невидимым, а значит, это точно не человек. Может, демон?

— Это хорошо, что оно еще тут, я почти закончил, — Гуннар повозился ещё с минуту и потом поставил оригинальную печать обратно на середину стола. — Вот, всё готово.

Я подошла обратно к столу и осторожно забрала печать. Парни с минуту таращились на то место, где будто растворилась в воздухе печать, а потом шепотом принялись бурно обсуждать произошедшее. Я же, хихикнув, быстро вернула оригинал на место.

После этого я всеми силами помогала этой троице. Охтарону пришлось всё-таки рассказать, чем я занимаюсь. Он вначале побурчал на меня, потом и сам втянулся. Я стала приносить ему военные стратегии ребят. Он их осматривал, что-то поправлял, что-то браковал, что-то одобрял. Как оказалось, Охтарон на самом деле хорошо разбирался во всем этом. Ребята каждый раз весьма бурно реагировали на любое проявление моего присутствия. Меня это забавляло, но слишком далеко я не заходила. Мне совершенно не нужно было, чтобы они поняли кто я. Зачем? Меня и так всё устраивает.

Наверное, ребята были всё-таки не так осторожны, как им казалось, и кому-то такая затяжная война была на руку. Принца пытались отравить. Хорошо, я до этого, шатаясь по дворцу, услышала обрывок разговора, который меня насторожил. На следующую ночь я взяла

с собой несколько склянок с зельем высшего исцеления. И это спасло принца.

— Мы кому-то мешаем, — выдал Гуннар, когда принц немного отошёл и уже не выглядел таким бледным и умирающим. — Но кому? Хорошо, наш невидимый союзник был рядом. Вы ведь замечали, что он появляется только в определенные часы? Интересно, с чем это связано? — спросил он у остальных, рассматривая флакон из-под зелья. — Насколько я могу судить, этот яд довольно сильный и не всякое зелье или же заклинание сможет нейтрализовать его. К своему стыду, лечебные заклинания меня никогда не интересовали.

— Как и меня, — отозвался Ивар, и принц тоже качнул головой. — А вдруг, оно не из нашего мира и проход сюда открывается только в определённые часы?

— Всё может быть. Я не стал бы отрицать возможность этого. Теперь у нас две проблемы. Узнать, кто именно пытался вас отравить? Вторая, как нам обезопасить себя от повторного покушения?

— Нам бы знать, откуда начать копать, — невесело буркнул. — А по поводу второго... Помните, Кеннета, сына графа Ларса. Он в академии был отличным лекарем. Может его попытаться склонить в нашу сторону?

Кеннет? Нет, я не думаю, что это хорошая идея. Повертев головой, толкнула один из подсвечников. Он был металлическим и тяжелым, но в последнее время я так много тренировалась, что для меня не стало проблемой столкнуть его с подставки. Правда, перед этим пришлось потешить свечи.

Подсвечник упал, загремев. Парни вздрогнули и обернулись.

— Как думаете, это значит, нет?

— Думаю, наш друг против этой идеи, раз выказывает такое явное недовольство.

Вилфред вздохнул, потеряв виски. Наверное, у него сейчас болела голова. Подумав немного, бросила на кровать, в которой он лежал три зелья высшего исцеления. Пусть благодарят, сварить их не так просто и быстро.

Гуннар посмотрел на флакон в своей руке, потом глянул на точно такие же на кровати. Кивнув, поставил пустой флакон на стол. Я его тут же забрала. А что? Вы не представляете, сколько нам с нашим стеклодувом труда составило научиться делать именно такие флаконы, аккуратные и одного размера. Тут нужно сказать, что стекло тут делали, но такое, что страшно было взглянуть. Поэтому нечего разбрасываться ценными товарами.

— Это ответ на то, что мы будем делать с покушениями. Если они такие же сильные, то главное не уметь сразу, — Гуннар повертел флаконы и протянул их Вилфреду. — Не думаю, что будут покушаться на нас, так что держите их при себе.

— Здесь три, значит, на всех троих. Не спорь.

— Как скажите, ваше высочество. А что по поводу того, кто стоит за покушением?

— Надо найти того, то принёс вам сюда поесть.

Ох, если они сейчас начнут разматывать цепочку с самого низа, то это займёт уйму времени. Подойдя к Гуннару, осторожно прикоснулась к его рукаву. Парень вздрогнул, едва удержавшись, чтобы не отшатнуться.

— Что такое?

— Оно... меня коснулось, — немного нервно ответил он. Думаю, им всё-таки не по себе от того, что рядом находится что-то неизвестное. Полагаю, я бы реагировала примерно так же. Осторожно, чтобы не спугнуть, взяла его за руку, крепко сжимая пальцы. — Рука, — выдохнул Гуннар, — маленькая. Я чувствую пальцы, тонкие такие, будто детские. Теплые.

Мне даже немного обидно стало. И ничего не детские! В отместку, резко дёрнула,

направившись прямо к двери.

— Ты куда? — встревожился принц, замечая, что Гуннар идёт к выходу.

— Оно меня куда-то явно зовёт. Я пойду, гляну.

В итоге, тем, кто пытался отравить принца, был граф Ларс. Эта война была ему весьма выгодной, так как оказалось, что он торгует людьми с восточными странами. На любой войне бывают пленные, да и простых крестьян, бегущих от ужасов войны много. А кто их там считает.

Несмотря на все старания принца, война и не думала заканчиваться. Кажется, уже давно была позабита сама причина. Многие торгаши находили военные действия выгодными и всеми силами старались продлить конфликт. Королю было плевать. Он пристрастился к вину и планомерно спивался. Народ с каждым днём всё сильнее роптал, так как война высасывала все соки из страны.

— Боюсь, что скоро у нас будет война внутри страны. Люди больше не могут это терпеть, — сказал однажды Гуннар. — Решайтесь, ваше высочество.

Вилфред скрипнул зубами и отвернулся.

— Ты предлагаешь мне стать убийцей собственного отца?

— Если оставить на троне вашего отца, то все мы вскоре лишимся головы. Народ стонет под гнетом непомерных сборов. Аристократы теряют своих сыновей и с каждым днем становятся все злее. Рады лишь торговцы. Мы должны положить этому конец. И вы это прекрасно осознаете. Подумайте.

Гуннар, не дождавшись ответа, вышел из комнаты, забрав с собой Ивара. Я последовала за ними. Мы уже давно всё обговорили с Охтароном. Прихватив Гуннара за рукав, заставила его остановиться. Он уже привык к такому, поэтому просто молча стоял, ожидая моих дальнейший действий. Я мягко разжала ему пальцы и вложила ему в руку флакон с сильнейшим ядом.

— Он умрёт, не ощутив боли, быстро и спокойно. Просто уснёт, а утром не проснётся. Никто и никогда не узнает правду.

Гуннар сглотнул, и я заметила, как его всего трясет. Это впервые, когда я что-то сказала. До этого я тренировалась с Охтароном, так что это не составило для меня труда.

Да, я сейчас поступаю совершенно трусливо. Я могла давно отравить короля, а перекидываю эту ношу на чужие плечи. Я сама себя давно осудила, ведь буду прекрасно знать, что это всё-таки я убила его. Пусть не моими руками, но моим ядом, который готовила долгие часы. Я всё-таки пошла по самому простому пути, просто поняв однажды, что свергнуть короля без войны невозможно. Либо его убить, либо принцу придется поднимать восстание против своего отца. Это навсегда останется в моём сердце. Однажды я приму своё наказание за то, что сейчас делаю.

Гуннар опустил голову и посмотрел на чёрный флакон в своей руке.

— Ведьма, — прошептал он, прикрывая глаза.

А на следующее утро король умер в своей постели, так и не проснувшись. Вилфреда быстро короновали. Война закончилась месяца через три. Были недовольные, но юный король ловко со всем справлялся, благодаря своему уму и верным товарищам. Он никогда не упрекнул Гуннара, хотя знал, что это именно он снял с его плеч тяжелое решение. Гуннар долгое время беспробудно пил, но потом тоже впрягся в дела королевства.

Я же после того, как своими глазами наблюдала, как умирал король, всю ночь проплакала на груди Охтарона. Десятки разных чувств разрывали меня. Облегчение? Я егс

не испытала. Да, умер тот, кто виновен, но отчего-то мне стало только ещё больнее. Вина за то, что я уподобилась убийце своего отца, глодала меня будто жирный червь спелое яблоко. Я сотни раз жалела, что пошла на это, но потом вспоминала, как улыбался мне отец и слезы высыхали. И так по кругу. Это было похоже на ад, мой собственный личный ад.

Охтарон сцеловывал мои слезы, мягко прижимал меня к себе и шептал, шептал ласковые слова. Он целовал мне руки, заверяя, что все хорошо, что я поступила правильно. Обнимал, поглаживая по волосам. Невесомыми поцелуями успокаивал жар в искусанных губах.

Мечь? В ней нет успокоения, лишь черная боль, приправленная глупыми сожалениями. Опустошение, пришедшее с ней, так и осталось в сердце крохотной иглой, которая время от времени давала о себе знать, покалывая и напоминая, что все мы не совершенны и уж точно не безгрешны.

Я открыла глаза и попыталась сфокусировать взгляд. Получалось плохо, поэтому я закрыла глаза и прислушалась к себе. Голова шумит, во рту сухость, тело едва не трясет от слабости. Ощущения не самые приятные.

— Как вы?

Я поморщилась. Голос Охтарона колоколом отозвался в висках.

— Кажется, я умираю, — прохрипела я, снова открывая глаза. На этот раз картинка улучшилась.

Прямо надо мной нависал Охтарон. Выглядел он явно встревоженным. Но, стоило ему увидеть, что я открыла глаза, как хмурые брови немного разгладились. Он ненадолго исчез из зоны видимости, но через пару секунд появился снова.

— Вот, вы велели дать, когда очнётесь, — сказал, приподнимая аккуратно мою голову.

Губ тут же коснулся жесткий край чашки. Я жадно отхлебнула, чуть не подавившись. Довольно отвратное зелье, я вам скажу, но благодаря ему уже через десять минут я почувствовала себя вполне приемлемо. А ещё через полчаса смогла встать.

— Я должна посмотреть.

Несмотря на то, что я могла вполне себе нормально стоять, Охтарон ненавязчиво придерживал меня. Поначалу, конечно, попытался остановить, но во мне буквально бурлило нетерпение, так что ждать я больше не могла.

Подойдя к котелку, постояла с минуту, собираясь с духом, и убрала крышку. Изумрудное зелье с едва уловимым серебристым отливом.

Я выдохнула и счастливо заулыбалась, а потом и вовсе рассмеялась, обнимая Охтарона.

— Получилось, — прошептала я, приподнимаясь на цыпочки и целуя эльфа в приоткрытые в удивлении губы. — Многокомпонентное зелье восстановления.

— Что?

Охтарон снова нахмурился, отступая на шаг.

С того дня, как мы были в Вильгельме прошло чуть меньше полугода. Всё это время было буквально забито под завязку делами. Король, принц, учеба, тренировки, строительство.

Поселок почти завершён. Моё зелье растворения очень поспособствовало. Люди буквально за лето построили себе дома. Думаю, если человек захочет, то может совершить и невозможное. Правда, мне пришлось убедить их, что замок для меня будем строить в следующем году. Конечно, они сопротивлялись, но я лишь показала им рисунок, какой именно хочу, как все вопросы отпали. Почему? Думаете, я им какую-то хибарку показала. Как бы ни так! Лихтенштейн отдыхает! Народ проникся ко мне уважением. Пообещали, что сделают в лучшем виде.

Урожай собрали хороший. Под осень заставила их мостить все улицы тонкими каменными плитками, напоминая, какое тут болото в сезон дождей. Также рассказала, что хорошо бы сделать систему слива. Прорыли желоба вдоль улиц. Было бы вообще замечательно, если бы ещё и канализацию сделать, но времени на это совсем не оставалось. И так народ с утра до ночи работал, как проклятый, но никто не жаловался.

Я поддерживала их всеми силами, постоянно отпаивая зельями, если кто-то слишком

надрывался. Люди понимали, что нужно торопиться и не отлынивали. К осени поселок был больше похож на милый одноэтажный городок. В нём ещё было много работы, но уже сейчас людям не приходилось ютиться в одном бараке. У каждого было достаточно земли, чтобы посадить немного овощей и построить какой-нибудь сарай для живности. Пшеницу и другие злаки сажали за пределами деревни.

Быт постепенно налаживался. Ко мне часто приходили. За советом, когда болели, рожали. Когда что-то случалось. Не знаю, кем именно меня видели все эти люди, но я тихо радовалась, видя, как растёт деревня, как строятся дома и как сияют улыбки на лицах.

Понятное дело, что вся эта суета и море работы не могли оторвать меня от самого главного. От зелий. Кстати, люди не обманули. После того, как они заверили меня, что теперь будут сами мне носить ингредиенты, они на самом деле, не переставая, носили всё, что им только попадалось на глаза. Что-то было бесполезным, что-то на самом деле полезным. Каждый день я варила зелья, самых разных, начиная от лечебных, заканчивая поисковыми.

Охтарон тоже не сидел без дела. Сколотил группу из людей, и шатался по всей округе, исследуя. Бьярде повсюду следовал за ним. И не потому, что я попросила, просто как-то так получилось, что эти двое сдружились. Мне кажется, эльф даже в поселке вервольфов побывал. Мне кажется, они облазили всю долину, ближайший лес, даже в горах побывали. Пришли оттуда все израненные. Оказалось, там живут горные тролли, с которыми они и покусались. Охтарон потом неделю бурчал, что он им ещё покажет. В следующий раз, после вылазки в горы, эти двое вернулись довольными. Не знаю, как, но они задружились с этими троллями и решили с ними торговать. Ага, я тоже удивилась. Мы им мясо, они нам всё, что только можно найти в горах.

А ещё, оказалось, что мы почти на самом краю Вильхельма. То есть если стоять лицом к горам, то позади нас будет лежать дорога, по которой мы пришли в долину, слева громадный лесной массив, который тянется до самой пустыни. А вот справа... достаточно перейти долину, войти в Вильхельм, и идти по нему всего два дня. А дальше? Дальше барьер, за которым было обычное поле. Конечно, за барьер никто не выходил.

Так вот, в один момент я поняла, что готова. Вот просто проснулась с утра и поняла, что именно сегодня нужно. Это было ужасно трудно, но судя по цвету зелья, я справилась.

— Вы говорили... — Охтарон моргнул, а потом облизал пересохшие губы. Сразу видно, что эта тема цепляет его сильнее, чем он хочет показать. — Вы говорили о нескольких годах.

— Да, я помню, — улыбнулась. — Но я проснулась и поняла, что смогу. Ингредиенты я давно собрала. Заклинание было вызубрено так, что ночью спроси — повторю, не просыпаясь. Я сам не знаю, почему так, но... Неужели вы не рады?

— Не рад? — Охтарон внимательно посмотрел на меня, словно не верил, что я вообще существую и сейчас стою напротив него. — Я не могу поверить. И я счастлив, наверное. Когда мы... когда мы попробуем.

— Если у вас есть дела, то отменяйте. Предупреждаю сразу, что процесс этот долгий и болезненный. Думаю, что примерно с неделю вы будете лежать пластом.

— Почему?

— Как это почему? — сплеснула руками, поражаясь недогадливости эльфа. — Вы же не думаете, что ваша рука просто появится неоткуда, и всё? Вы вообще как представляете этот процесс?

Охтарон задумался.

— Честно говоря, не задумывался об этом.

Я отошла от эльфа и села на стул. Все-таки приготовление зелья отняло у меня столько сил, что я даже в обморок упала. Не думала, что мне придется потратить столько сил.

— На самом деле процесс восстановления утерянной конечности или внутренне органа очень не прост, — начала говорить, дождавшись, пока Охтарон сядет напротив меня. — Благодаря зелью, клетки в этом месте начинают размножаться с большой скоростью. Для такого деления нужно громадное количество энергии, часть из которой будет предоставлять зелью, а часть клетки станут тянуть из организма. Уверяю вас, отток энергии будет сумасшедшим. От этого чувствовать вы себя будете не самым лучшим образом. Это неизбежно. Но! Если бы этого было достаточно. То, что клетки будут делиться, еще не значит, что они станут делать это в нужном нам направлении, формируя именно руку. Это может выйти и просто бесформенная клякса из живых клеток организма. Вот тут опять в силу вступает зелье. Любой человек имеет ауру. Она содержит в себе информацию о нас. Кстати, эту информацию мы можем на интуитивном уровне считывать. Так вот, в том месте, где была ваша рука, аура осталась. Она, конечно ж, несет в себе информацию, что руки больше нет, но сама аура никуда не делась, поэтому у вас время от времени бывают фантомные боли. И в этой ауре есть слепок того, как именно должна выглядеть ваша рука. Где должны быть кости, мышцы, связки, сосуды. Зелье, опираясь на этот слепок, выстроит клетки в нужном направлении, придав каждой из них именно то свойство, которое требуется. Там, где должна быть кость, образуется именно кость. Где мышца, будет именно мышца. И еще зелье «убедит» ваш мозг, что вы никогда руку не теряли. Это нужно, чтобы мозг снова включил её в состав организма и начал посылать необходимые импульсы. Без этого рука, даже если будет совершенно здоровой, не станет работать. Мозг её просто «не увидит», так как «помнит», что её нет. В общем, вы поняли. Зелье также привяжет физическую составляющую к ауре, ведь если этого не сделать, то аура по-прежнему будет считать, что руки нет. Теперь вы понимаете, насколько это сложный и трудоемкий процесс?

Я замолчала, пытаюсь понять, нормально ли я объяснила или же без полулитра не разберешь.

— Я в очередной раз убеждаюсь, что вы просто невероятны. У меня даже в голове не укладывается, насколько это все может быть сложно. А вы не только понимаете, но ещё и варите нечто такое, что может сделать всё то, что вы сейчас перечислили. Мне кажется, быть магом проще.

Я рассмеялась, не скрывая, что очень довольна похвалой. На самом деле работа действительно проделана громадная и мне есть, чем гордиться.

— Ничего не проще. На самом деле, вы просто не задумывались, как работают ваши заклинания. Это очень и очень сложный процесс, в который, если вникнуть можно ненароком сломать мозги. Просто технология заклинаний давно отработана, и магам сейчас нет нужды углубляться в сам процесс. Сплел заклинание малого лечения, а как она работает, думаю, мало кто сейчас задумывается об этом. Так, об этом можно говорить долго. Ну, вы готовы?

— Что? Прямо сейчас? — Я едва снова не рассмеялась, таким Охтарон выглядел милым в своей растерянности и беспомощности. Его взгляд забегал из стороны в сторону, а сам он весь как-то сжался. — Вы уверены, что все выйдёт?

— Не сомневайтесь.

Я встала и подошла к нему, тут же обнимая за шею. Наклонившись, мягко поцеловала в

губы, практически сразу отстраняясь, но рука Охтарона не дала мне отойти далеко. Он обнял меня и притянул ближе.

— Я не сомневаюсь, — прошептал он, целуя меня в шею. Это, как и всегда было, очень приятно. — Просто волнуюсь.

— Не стоит, — подавив дрожь и зарождающийся стон, я выбралась из его объятий и отошла обратно к котлу. Кажется, скоро меня съедят, и я буду этому очень рада. Даже не знаю, как мне удавалось удерживать его на расстоянии вытянутой руки всё это время. Порой мне кажется, что у него стальное терпение, а нервы сделаны из титана. Но иногда его взгляд, который следовал за мной, становился настолько ужасающим, что у меня подгибались колени. Это уже даже не желание, это какая-то жажда обладания. Не понимаю, как так вышло. А, собственно, что не так? Почему бы и не сейчас? Это решение пришло ко мне так просто и легко, словно что-то вдруг щёлкнуло в голове и разрешило. — А знаете, давайте затопим сегодня баню. Я хочу помыться. А завтра с утра начнём ваше лечение. Как вам такое?

Если Охтарон и удивился, то не показал этого, лишь кивнул и вышел на улицу.

Да, баня моя идея. Поначалу людям не очень нравилось мыться в душной и жаркой бане, но когда я провела пару разговоров, насколько это полезно для здоровья, то постепенно люди стали ходить в неё. Особенно после того, как видели, что сама я в неё хожу постоянно.

Вытираясь, я ощутила, как у меня все содрогается внутри. Сегодня. Неужели я, наконец, узнаю, каково это? Покосившись на небольшой флакончик, вздохнула и потянулась к нему. Взяв, открыла и залпом, отменяя все сомнения, выпила. Нет, это не противозачаточные. Это зелье позволяет практически безболезненно лишиться девственности. Не хочу, чтобы мой первый раз был омрачен слишком сильной болью.

Не знаю, о чём говорили те двое эльфов в моем старом замке, но Охтарон часто признавался, что мой запах сводит его с ума. Именно поэтому я едко пользовалась кремами, хотя все они были моего собственного изготовления на основе трав.

Обмотавшись большим полотенцем, накинула сверху плащ. Никакого платья и сорочек! Тем более ничего сексуального у меня нет, так что будем соблазнять девственной обнажённостью. Хотя не думаю, что его придется долго соблазнять.

Охтарон мылся первым, поэтому надеюсь, он там не уснул. Будет весьма забавно, если он так уснул. Я прихожу вся такая готовая, а он сопит в две дырочки.

Тихо посмеиваясь, вышла на улицу. Было уже темно. Прохладный ветер тут же остудил мою мокрую голову. Хотя я и успела немного подсушить волосы, но всё-таки не до конца. Поежившись, поскакала к дому. На крыльце оказался Охтарон.

— Вы сегодня долго. Я уже собирался идти искать вас, — поделился он. — Пойдёмте, сегодня холодно.

Юркнув в приоткрытую дверь, ступевалась. И что дальше? Как предложить? Что вообще делать?

Кажется, паника была написана на моём лице такими отчётливыми буквами, что эльф тут же заметил.

— Все нормально? Волнуетесь перед завтрашним днём? — сделал он совершенно неправильный вывод.

— На самом деле нет, — выдохнула я, снимая сапоги и проходя в дом. — Я... мы... я тут подумала, что пора.

— Что пора? — Охтарон нахмурился, рассматривая меня. Начал он с головы, и опускался всё ниже, пока его взгляд не остановился на моих голых лодыжках. Я видела, как в его глазах буквально полыхнуло. Неудивительно, обычно голыми у меня бывает только кисти рук, шея и лицо. Остальное под закрытыми и длинными платьями и не увидишь. — Вы...

Моё лицо вспыхнуло. Кажется, моё сердце не может биться ещё сильнее.

Быстро подойдя, я обняла его за шею и потянулась к губам. Охтарон тут же подчинился, наклоняясь и целуя меня. Его рука тут же оказалась у меня на талии.

Поцелуй был каким-то неуклюжим, торопливым. Моё дыхание сбивалось, но потом паника и неуверенность, вместе со смущением испарились. Да, это мой первый раз за все две жизни, что я помню, но ведь это значит, мне просто необходимо насладиться по максимум, запомнив каждый момент.

— Думаю, что нам пора стать супругами в полном смысле этого слова. Вы готовы быть со мной и дальше, Охтарон Лиадон? — прошептала, всматриваясь в мерцающие в тусклом свете нескольких свечей дьявольские глаза Охтарона.

— Я люблю вас, Ульрика Хольм, и готов прожить с вами столько нам отмерили боги. А вы? Вы станете моей спутницей до тех пор, пока наши сердца бьются в наших телах?

Что видел он в моих глазах? Какой он видел меня? Ответа я не узнаю, так как не могу видеть его глазами. Но зато я могла видеть его. И сейчас, понимая, насколько важен этот миг, я видела, как магия внутри Охтарона загудела, буквально вырываясь из него, но, кажется, он не обращал на это никакого внимания. Его глаза больше не мерцали, они светились каким-то демоническим зеленым огнём. Вокруг заплясали белоснежные огни, протянулись сотни серебристых нитей, которые оплетали нас, связывая, кажется, навечно. Я отмечала это краем сознания, заморожено смотря прямо на него. Не думаю, что у простого эльфа бывают такие глаза. Кто ты, Охтарон?

— И даже после того, как они навек замолкнут, я буду с вами. Вечность вместе с вами — вот моё желание.

Стоило последним звукам слететь с моих губ, как все тело на короткое мгновение обожгло. Всё вокруг буквально полыхнуло, а потом я потерялась в пространстве и очнулась только тогда, когда Охтарон целовал меня так, словно пытался выпить меня до самого доньшка.

Моё дыхание тут же сбилось. Мне стало так жарко, что руки сами потянулись к завязкам плаща. Охтарон не давал отстраниться даже на сантиметр, прижимая меня к себе.

— Пойдите, — выдохнула я.

— Нет, больше вы меня не остановите. Прошу.

— Снять, — задыхаясь, сказала.

Это подействовало на эльфа, как удар кнута. Он вздрогнул, отстранился и попытался мне помочь, но пальцы у него дрожали, так что он лишь усложнял процесс. Кое-как, но нам удалось развязать шнурки. Когда плащ упал к нашим ногам и эльф увидел, что на мне почти ничего нет, то меня попросту смели в сторону кровати.

Ненужная тряпка быстро была отброшена. Охтарон приподнялся и жадно стал смотреть. Его взгляд блуждал по телу и обжигал. Я тут же прикусила губу и повернула голову вбок. Я сама не понимала, но в этот момент, видя, какими глазами он смотрит на меня, ощущала себя самой счастливой женщиной во всем мире. Думаю, ради этого стоило немного подождать.

— Вы прекрасны, моя милая Ульрика.

Его голос был таким хриплым, что меня непроизвольно выгнуло от удовольствия, прошедшего вдоль позвоночника. Кажется, этот голос имеет надо мной большую власть.

— Охтарон, — простионала я, протягивая к нему руки.

А потом меня поцеловали. Жарко, дико, горячо. Вытягивая всю мою сущность, все то, чем именно я была. Я плавилась, позволяя сильной и горячей руке быть там, где ей нравилось. А когда его губы стали выцеловывать каждый кусочек моей кожи мне показалось, что еще немного и я попросту задохнусь.

Тело горело, внутри все дрожало и звенело, будто натянутая струна. Он целовал ключицу, а у меня подгибались пальцы на ногах. Он вылизывал грудь, а я едва не умоляла его, то ли остановиться, то ли сделать уже что-нибудь со всем этим. Он покусывал мне живот, а я зажмурилась так, что перед глазами плясали белые пятна.

Сейчас меня не волновало абсолютно ничего. Пусть хоть весь мир катится в преисподнюю, главное, чтобы он не останавливался, а продолжал целовать меня.

— Я хочу вас, — шептал он, смотря мне на меня. Кое-как, разлепив ресницы, я отстраненно заметила, что с его глазами снова творится что-то неладное. Кажется, цвет стал еще насыщеннее, про то, что они продолжали сиять, я вообще молчу. — Безумно хочу, безумно.

Он поцеловал в губы, а потом, задыхаясь, уткнулся в шею. Приподняв его голову руками, сама коротко поцеловала, а потом обняла ногами за талию.

— Давайте же... берите.

Когда он успел раздеться, я не знаю, но его горячее и мощное тело я ощущала очень отчетливо. Первый толчок отозвался небольшой болью, заставившей меня вскрикнуть от удивления. Его хрипкое дыхание и слетевший с губ стон, буквально выключили мое сознание. Дальше я помню лишь жар, дыхание, море поцелуев и хриплый шепот, разобрать который я не смогла бы при всем своем желании.

Эта ночь пролетела для меня как одно мгновение. Не знаю, у всех ли так, всегда ли так, но в тот момент это было последним, о чем я могла думать. Сколько раз я выкрикнула за ночь его имя, я не знаю, но утром, резко, то ли очнувшись, то ли проснувшись, ощутила, как болит мое горло.

Выбравшись из-под руки, встала на подрагивающих ногах и глянула на свое тело. Стоило мне это сделать, как я застыла, непонимающе смотря на себя. Я вся была покрыта едва заметным, чуть мерцающим светлым узором. Ноги, руки, живот, грудь, всё было покрыто им, словно у меня под кожей протянули белоснежную нить, которая отчего-то светилась.

Что это? С голову ничего не приходило. Очередной сюрприз. Обернувшись, посмотрела на спящего эльфа. Не думаю, что это местный вариант какой-нибудь болезни, которая передаётся половым путём. А ведь, если вспомнить, то еще до того, когда Охтарон признался мне в любви, моё тело на мгновение будто обожгло. Ночью я об этом позабыла, а вот сейчас вспомнила.

Перед глазами начали всплывать прошедшие мгновения. Закрыв глаза, я могла вспомнить даже, как двигались губы Охтарона, когда он говорил, что любит. От этого смутилась, почувствовав, как щёки горят.

Вспомнив, что я вообще-то голая, тала быстро одеваться, решив, сбегать в баню и ополоснуться. Думаю, она не успела ещё полностью остыть.

— М, без меня убегаете?

Я едва не подпрыгнула на месте. Резко повернувшись к кровати, улыбнулась.

— Мыться. Хотите со мной?

— Приглашаете?

Я кивнула. Я уже успела натянуть верхнее платье, поэтому моё тело эльф не видел, а на лице, как я подозреваю, рисунка не было.

Откинув покрывало, Охтарон поднялся, вставая передо мной во весь рост. Я замерла. Раньше, когда я его лечила, то часто видела его обнажённым, но сейчас, почему-то он буквально источал странный, волнующий магнетизм. Воспоминания полыхнули в голове, и желание тут же дало о себе знать. Зелёные глаза хитро свернули, когда эльф заметил, что я прикусила нижнюю губу.

— Думаю, сегодня можно и повременить с делами. Как вы считаете? — спросил он, наконец, накидывая на себя штаны и рубаху. Правда перед тем, как он это сделал, я успела увидеть, что Охтарон уже вполне готов продолжить с того места, на котором мы остановились вчера ночью.

— Надеюсь, до завтрашнего утра вам времени хватит? — спросила, рассматривая ногти на руках. Реакцию эльфа я не видела, так как он стоял в этот момент ко мне спиной. — Пойдёмте уже, я покажу вам кое-что интересное.

Поторопила я его. В конце концов, кровать можно и потом заправить. Да и вообще, зачем её заправлять сегодня?

Когда Охтарон меня увидел в бане голой, то выглядел весьма удивлённым. Стало понятно, что даже если он и причастен как-то к рисунку на моём теле, то совершенно об этом не знает. Он почему-то решил, что я сама что-то там сделала. Заверил, что ему так тоже очень нравится.

Отложив решение этой загадки на будущее, я просто отдалась потоку наслаждения, которым меня буквально укутывал Охтарон. Честно говоря, я даже пожалела, что так долго отнекивалась от супружеского долга. И не потому, что мне самой очень понравилось всё, а потому, что этот безумный эльф не давал мне покоя чуть ли ни до следующего утра.

А на утро нового дня, я позволила лишь небольшой поцелуй и предупредила, что сегодня мы начинаем лечение, так что никакого секса. Охтарон пофыркнул недовольно, но очень скоро снова превратился в терпеливого и будто бы ничего не требующего мужа.

Первую неделю я едва не плакала, наблюдая, как Охтарону плохо. Он почти постоянно был без сознания. Его бросало, то в жар, то в холод. Он скрипел зубами, тянулся к пока ещё отсутствующей руке.

За эту неделю он похудел, осунулся и, кажется, даже его волосы стали серыми. Зелья делало свою работу, но организм всё равно работал на пределе своих возможностей.

Через семь дней, когда рука сформировалась, Охтарон очнулся. Открыв глаза, он посмотрел на меня. Я же заплакала. Знаю, что так надо, что без этого никак, но мне было просто физически больно смотреть на то, как ему плохо.

— Ну, ну, — прохрипел эльф. — Разве всё так плохо?

— Нет, — помотала головой, вытирая мокрые щеки. — Всё нормально. Рука сформировалась. Сейчас мы её надёжно свяжем, чтобы вы не повредили её случайно. Дальнейшее лечение займёт ещё несколько месяцев. Пока что это просто плоть, которая не будет работать.

— Но она есть?

— Конечно, — улыбнулась я, наклоняясь и мягко целуя его в щеку. — Неужели вы сомневались?

— Не скажу, чтобы сильно... — начал Охтарон, а потом и сам улыбнулся. Вышло, правда, вяло, но всё равно! — Спасибо.

— Не думайте, что я сделала это для вас, — выпрямившись, свысока глянула на мужа. — Просто я хочу ощутить, как вы будете меня обнимать обеими руками.

Когда закончила говорить, рассмеялась, заметив, как изменялось лицо Охтарона. Поначалу удивление, смешанное с растерянность, а под конец в глазах промелькнуло предвкушение.

— Увы, но вам, моя дорогая супруга, придётся смириться.

— С чем же, мой любимый супруг?

— Боюсь, сейчас, когда у меня две руки, то я уже никогда не смогу отпустить вас.

— Вот как? — я вздохнула, поглядывая на руку эльфа так, словно прямо сейчас готова была бежать за мечом, чтобы отчекрыжить её обратно. — Полагаю, что... это будет просто замечательно. Не отпускайте, иначе мне придётся идти на крайние меры.

— Это, какие? — эльф улыбался, хотя и видно было, что ему до сих пор не очень хорошо.

— Вы сами называли меня ведьмой. А ведьмы у нас кто? Правильно, те, нарушают табу.

Охтарон притворно ужаснулся.

— И вы пойдете на это?

— Нет, ведь вы и так меня любите. И это хорошо, так как мне не придется ничего нарушать.

Эльф покачал головой, как бы с опаской глядя на меня.

— И на ком я женат? За что меня так невзлюбили боги?

— Вы забыли? Их больше нет в этом мире.

Так, перекидываясь незлобными и совершенно необидными колкостями, мы провели остаток дня. Поели и помылись. В общем, я, наконец, ощутила, что напряжение последних дней отпускает меня. И это навалилось такой тяжестью, что мои глаза буквально слипались. Сидеть за полночь не стали, а легли спать, тем более что это был ещё не конец, так что силы мне ещё очень даже нужны.

В последующие месяцы Охтарон прилежно принимал от меня любые зелья, какими я

его пичкала. Снова начался сезон дождей, поэтому походы на улицу сократились до самого минимума.

Мы долгими вечерами разговаривали, а порой занимались более приятными вещами. Мы наслаждались друг другом, узнавали много нового и неожиданного. Охтарон с каждым днём открывался всё сильнее и порой казался мне таким мальчишкой, который ещё не вышел из бесшабашной юности. Меня это временами удивляло, но потом я вспоминала, что по эльфийским меркам, Охтарон совсем недавно переступил порог своего первого совершеннолетия.

Не забывала я и о хелге. Он давно уже не показывался и это меня сильно волновало. Обычно такая тишина бывает перед бурей. Ветер точно так же стихает и наступает кратковременная идиллия. От этого порой комок к горлу подкатывал, и я цеплялась за Охтарона, словно боялась, что его отнимут.

С каждым днём, что хелг молчал, я всё сильнее и сильнее налегала на зелье расщепления. Охтарон, кстати, отлично зачаровал мой котелок, поэтому я теперь могла не волноваться, что расплавию своими экспериментами его вместе с печью.

Почему-то зелье восстановления вышло у меня намного легче. Может быть это от того, что я чаще тренировалась в лечебных зельях? Вполне может быть.

Время подходило, ничего не получалось, пока однажды, открыв глаза утром, я не поняла — сегодня! Я сделаю это сегодня.

Утром мы с Охтароном сняли повязки. Мы уже давно убедились, что выздоровление идёт полным ходом. Рука работала как надо. Эльф медленно сжал пальцы на своей правой руке и так же медленно разжал их.

— Работает, — улыбнулся он, вкидывая на меня взгляд.

— А то вы не знали, — фыркнула я, поднимаясь. Меня тут же обхватили двумя руками и притянули. — Сегодня.

— Что сегодня? — переспросил эльф, медленно целуя меня в шею.

— Сегодня я буду варить. Вы не должны мне мешать. Это важно.

Охтарон замер. Аккуратно убрав руки, он кивнул.

— Я буду смотреть. Можно?

— Конечно, — улыбнулась. Наклонившись, мягко поцеловала его в губы.

Не дав поцелую углубиться, я отошла от мужа и улыбка на моём лице тут же погасла.

Секунды складывались в минуты, те, в свою очередь в часы. Зелье бурлило в котелке, поглощая всё новые и новые компоненты. Я шептала заклинание, помешивая бурлящую субстанцию. Магия водоворотом вливалась в зелье, которое с каждым ингредиентом постоянно меняло свой цвет. Я не ощущала мир вокруг, сконцентрировавшись. В этот раз магия отчего-то была пурпурного цвета. Та, что не попадала в зелье, взмывала в воздух, обволакивая меня.

За стенами лил дождь. Где-то далеко в Вильхельме Бьярде носился по лесу со своей стаей, гоняя быстрого оленя. Глубоко в горах тролли раскопали жилу с изумрудами и прикидывали, сколько люди с долины дадут им мяса за эти цветные стекляшки. В светлом лесу Великий Князь бушевал, так как ему так и не удавалось проникнуть за дверь. Желаемое было так близко, но он так и не мог до него добраться. Он роптал на богов, сыпал карами на голову своего пропавшего сына, но более всего он сейчас ненавидел проклятый род Хольм. А во дворце короля Вилфреда трое друзей спорили о том, что нужно протянуть тракт вдоль Вильхельма. Гуннар был против, а Ивар всеми руками за, так как это казалось ему жутко

интересным. Вилфред же раздумывал обо всех плюсах и минусах.

Я же ничего обо всем происходящем в мире не знала. В какой-то момент я ощутила, что в мою спину упирается горящий ожиданием взгляд. Хелг. Он всё это время терпеливо дождался. Осталось ли у нас ещё время? Ведь он говорил, что его не так много.

С каждым слетевшим с моих губ словом, я ощущала, как силы покидают меня. Нет, ещё немного, еще совсем немного. Последний компонент, два десятка слов. Магия взметнулась, а потом буквально ухнула в котелок, заставляя жидкость внутри покрыться пузырями.

Всё.

Я шагнула назад и тут же провалилась в темноту. Кажется, я потеряла сознание, но совсем этого не помню.

— Здравствуй.

Вздохнула, оглядываясь. Кажется, ничего тут не изменилось. Хелг всё так же висел, мгла подрагивала, а пятно света ни на грамм не увеличилось.

— Здравствуй. Как я понимаю, мы успели.

— Да, вы успели.

Я нахмурилась. Что-то в поведении хелга изменилось. Кажется, раньше он относился ко мне проще. Взять хотя бы его излюбленное приветствие «здравствуй, человек». А сейчас даже уважительно обращается. Что же это с ним тут за те месяцы, что мы не виделись, случилось?

— И что дальше? — задала вопрос, разглядывая светящиеся синим глаза. А ведь у Охтарона было почти так же, только свет был зеленым.

— Зелье. Призовите его сюда. Стаж, я его ощущаю. Если я освобожусь, то он тут же ринется атаковать меня. Пусть барьер вокруг мира всё ещё стоит, но в тот момент он не будет ему помехой. Я уверен, что для этого рывка он соберет все силы. К сожалению, он будет здесь, и вы можете пострадать, поэтому вам, после того, как вы снимите оковы, необходимо будет отсюда уходить. Запомните, как только я скажу, тут же уходите.

— Хорошо, — кивнула, закрывая глаза. Правильно, не правильно, я сейчас совершенно об этом не думала, так как за долгие месяцы успела всё обдумать и решить, что я всё-таки рискну. Призвать такой большой предмет, как котелок с зельем было весьма не просто, но то, что он всё-таки появился передо мной, натолкнуло на мысль, что мы находимся где-то на изнанке.

— Скорее, — поторопил меня хелг, посматривая наверх.

Скорее, так скорее и нечего меня торопить. Понятия не имею, как у хелга не расплавились руки от зелья, но вот оковы просто отлично зашипели, растворяясь.

— Уходите, этого достаточно.

— И? — спросила, не желая принимать того, что я так и останусь без ответов. — Всё так и закончится.

Хелг мимолётно взглянул на меня, а потом тяжело вздохнул.

— Я знаю, где вы будете. Я приду, а сейчас, уходите!

Оковы как-то странно хрустнули и посыпались на пол. Словно только и дожидаясь этого, потолок что-то проломило. Я вскинула голову, замечая, как на нас несётся нечто страшное. Перед тем, как вернуться в своё тело, подумала, что страж чертовски смахивает на чужого. Не хотела бы я оказаться сейчас на месте хелга.

— Как вы? — спросил Охтарон, когда я открыла глаза.

— Я это сделала, — сказала, приподнимаясь на кровати.

Охтарон смотрел на меня долгим взглядом, а потом кивнул, обнимая.

— Все будет хорошо, — поцеловав меня в висок, заверил он.

— Надеюсь, — отозвалась, вдыхая родной и любимый запах.

Следующие дни прошли очень нервно. Я постоянно вздрагивала, оборачивалась, роняла вещи и была очень рассеянной. Мне казалось, что в любой момент может произойти что-то плохое, пугающее, но ничего не происходило.

Вернее, так казалось на первый взгляд. Бьярде, прискакавший на следующее утро, тут же вывалил на меня то, что Вильхельм совершенно не читаем. И вообще, с ним происходит что-то странно. Причем смотрел он на меня так, будто знал, что я в курсе происходящего. Я же состряпала непробиваемое выражение лица, и велела быть пока что осторожнее.

Кажется, моя нервозность была ничем иным, как откликом на чувства леса. В то, что это Вильхельм ведет себя странно, так как нервничаю я, совершенно не верила.

Ожидание, одно из самых неприятных вещей на свете, но, как и со страхом, со временем чувства притупляются, исчезает резкость. Хотя изредка сердце всё-таки испуганно екало в груди, от какой-нибудь пришедшей в голову мысли

Через неделю я перестала просыпаться по ночам, а днём так и вовсе вела себя как обычно. Охтарон старался не поднимать тему хелгу. Я же хоть и старалась не показывать, но всё-таки переживала. Я даже сама не заметила, что даже немного привыкла к этому непонятно существу.

Мне хотелось знать, как он там. Получилось ли у него отбиться от того страшного и чуткого стража? А вдруг он ранен? А если ему нужна помощь, а я тут сижу и ничего не делаю?

По истечении второй недели, когда я сама себя накрутила так, что мне уже начало мерещиться, будто меня кто-то настойчиво зовёт, я достала артефакт и хмуρο глянула на Охтарона.

Охтарон в этот момент сидел мирно за столом и ужинал, уплетая рагу из овощей, поглядывая при этом на замаринованное мясо. Я завтра решила пожарить шашлык. Да, погода оставляла желать лучшего, было холодно, и всюду лил дождь, но мне вдруг приспичило. Тем более, летом к дому была пристроена легкая веранда. Вот там и будет происходить все это священнодействие.

Охтарон уже был знаком с этим блюдом и крайне положительно отнесся к такому моему душевному порыву. Он, вообще, довольно благосклонно относился к мясу, особенно жареному.

— Не говорите мне, что вы собрались...

— Не говорю, но собралась, — вздохнула. — Не могу больше сидеть в неизвестности. Мне нужно знать, что там с ним.

— Мне кажется, вы слишком переживаете за совершенно постороннего вам мужчину, — Охтарон отодвинул тарелку и подтянул к себе кружку с травяным отваром.

— Я не заметила у него половых признаков, — огрызнулась я, обижаясь. Будто мне теперь нельзя и сопереживать. Тем более что с хелгом мы стали почти друзьями. Ну, это я так преувеличиваю, конечно.

— Я больше чем уверен, что он просто маскировался. Судя по вашим рассказам, этот хелг точно мужчина, — Охтарон залпом выпил отвар и встал. Не поняла, это как это он пришёл к такому выводу? Ну да, не стану врать, хелг и у меня ассоциировался больше с

мужчиной, но на самом деле утверждать бы я ни за что не стала. Что и говорить, если у него даже голос был такой, что совершенно не понятно, кто говорит. — Подумайте, может, стоит оставить его в покое? Мир ведь не рухнул, всё идёт своим чередом.

Я вздохнула, насупившись.

— Мир, может, и не рухнул, но я не могу успокоиться. Мне надо знать.

— Вы ведь не передумаете, чтобы я вам ни сказал, верно?

— Верно.

— Тогда я буду рядом.

Подойдя, он наклонился, обнял и притянул меня к себе, целуя в губы. Я тут же ответила на поцелуй, но когда его руки начали слишком уж настойчиво блуждать по моему телу, быстро отошла от него. Хитрец! Хотел меня таким образом отвлечь. Не выйдет!

— Не получилось, — вздохнул эльф, пряча в уголках глаз озорную улыбку.

Я погрозила ему пальцем и легла на кровать. Прижав артефакт к груди, начала вспоминать хелга. Ощутила, как рядом со мной сел Охтарон, но отвлекать меня он больше не стал, поэтому, глубоко вдохнула и через мгновение, словно куда-то провалилась.

Осмотревшись, поначалу не поняла, где именно оказалась. Кругом были руины. Никакого источника света поблизости не было, но видела я всё равно хорошо. Осмотревшись внимательнее, поняла, что чем бы ни были эти обломки раньше, но находилось это здание явно в Вильхельме. Кругом были уже отлично знакомые мне гиганты.

Деревья были молчаливы, но ничего тревожащего меня я не ощущала. Лес был тих, и кроме груды обломов, казалось, тут больше ничего нет.

— Хелг, — тихо позвала я, оглядываясь. В этом царстве тишины и разрухи, казалось, что любой громкий звук разнесётся на многие километры.

Мне никто не ответил. Постояв еще немного, стала осторожно спускаться с камней. Спрыгнув с последнего камня, обошла развалины по кругу, понимая, то это раньше было довольно большим строением. Башней? Заком? Помнится, в первый раз я видела какую-то пирамиду, может, это она? Побродив по кромке леса, мне пришлось признать, что тут совершенно никого нет, но ведь артефакт ещё никогда не давал сбои. И что бы это могло значить?

Задумчиво переступив с ноги на ногу, села на один из камней и подперла рукой подбородок. Если артефакт привел меня сюда, то хелг тут, но где? Уж не под завалинами же?

Пришедшая мысль меня так удивила, что я тут же подскочила на месте, и заметалась из стороны в сторону. Так, если подумать, то погрешность артефакта бывает не более нескольких метров, а это значит, искать надо от того места, в котором я появилась.

Снова вскарабкавшись на развалины, быстро отыскала то место, в котором я стояла, появившись тут. Оглядев фронт работ, вздохнула. Ну, хелг, будешь мне должен, если ты на самом деле там и еще жив.

Чем больше камней я отбрасывала в сторону, тем сильнее я сомневалась, что мои предположения верны. Некоторые булыжники были совершенно неподъёмны, поэтому приходилось изгаляться. Мне приходилось делать так, чтобы такие булыжники оставались на месте. И в то же время, нужно было углубляться. Иногда мне казалось, что ещё немного и очередная каменная плита сейчас рухнет вниз, погребая под собой ещё и меня.

Если это и изнанка, то уж больно реалистичная! Моя спина ныла, а руки все кровоточили. Я давно потеряла счёт времени. Может быть, я бы бросила это дело, но что-то

настойчиво требовало продолжать. И я отбрасывала камни один за другим, едва не плача от боли в руках.

Я углубилась так сильно, что из-за нависающих сверху громадных плит не видно было неба. Хотя раньше я вообще наверх не смотрела и не уверена, что тут оно есть.

В какой-то момент я, покрутившись на месте, осторожно убрала подальше очередной камень, и уже собралась поднять второй, как тут же застыла. Из-под камня виднелась рука.

Поначалу моё сердце екнуло от радости, потом сжалось от тревоги. И самым последним моим чувством стало недоумение.

Почему? Очень просто. Рука не могла принадлежать гиганту хелгу. Обычная такая рука с пятью пальцами и бледной кожей. Рука, явно принадлежащая кому-то человеческим телосложением.

Поначалу я хотела поскорее раскопать страдальца, но потом засомневалась. А кто это вообще? Уж точно не хелг, уж его громадные черные руки нельзя было не запомнить. Страж? Так он вообще мало напоминал хотя бы что-то отдаленно похожее на человека. Я, конечно, видела его лишь мельком, да и преимущественно усеянную мелкими и острыми клыками пасть. Как мне кажется, у него точно не должно было быть таких рук. Я понимаю, лапы там какие-нибудь с когтями, но не это...

Постояв и помедитировав несколько минут над рукой, опустилась на колени и осторожно прикоснулась. Рука была тёплой и явно не принадлежала уже окоченевшему трупю. Хотя, кажется тела только поначалу окоченевшие, а спустя время снова становятся мягкими, но сейчас не об этом. Температура тела явно была в пользу того, что этот неизвестный, кем бы он ни был, ещё жив, хотя я не представляю, как можно было выжить после того, как тебя так сильно придавило.

Отбросив сомнения, на свой страх и риск, решила раскопать его и, если удастся привезти его в чувства, узнать, куда подевался мой старый знакомый. Надо ещё выяснить, кто он сам и как тут оказался.

Чем больше я откапывала его, тем сильнее мне было жаль бедолагу. Его явно сильно поломало. Руку, которую я увидела в самом начале, выгнуло в обратную сторону.

Первой показалась спина. Мне снова пришлось удивиться. Человек, если это человек, был голым. Все тело было в синяках и гематомах. Кое-как удалось выпутать длиннющие черные волосы. Я даже слегка затормозила, когда представила, какой именно они длины. А учитывая их густоту, то ему точно приходится с ними не сладко. Вот интересно, зачем ему такие? Хотя, если их отмыть, причесать, то я и сама бы от таких волос не отказалась. Ну да ладно, у меня тоже не плохие.

Лежал он, чуть завалившись вперёд, и его вторая рука явно в чём-то застряла, поэтому мне пришлось, откапывать чуть больше пространства. Лица его я не видела, так как оно находилось чуть выше. Поза, конечно, я вам скажу, еще та. Как он вообще умудрился застрять тут вот так?

Кряхтя, кое-как оттолкнула довольно крупный камень, надеясь, что именно им придавлена левая рука пострадавшего. То, что он ещё жив, я уже давно установила. Дыхание было слабым, но оно всё-таки было. И я пока что не заметила крови.

Так вот, сегодня день неожиданностей и сюрпризов. Прямо не знаю, радоваться или же сидеть на попе ровно и не отсвечивать, иначе можно натолкнуться на такой сюрприз, что и рада этому будешь. Хотя куда еще дальше-то?

В общем, вторая рука находилась явно в ком-то. Точнее? Запросто, сейчас сама

разберусь и поясню точнее. Присев, осторожно прикоснулась к кому-то совершенно точно не являющимся ни человеком, ни кем-то физиологически с ним схожим. Грязно-коричневого цвета, с кожей, покрытой костяными пластинами. Я постучала пальцем по этим пластинам. Кажется, они довольно крепкие. Посмотрела на руку. Кажется, кем бы ни был этот человек, рука у него довольно крепкая, раз смогла пробить нечто подобное.

Откапывать страшилище я не собиралась, тем более что оно явно было мёртвым, поэтому осторожно попыталась вытащить руку. Это мне удалось, не с первой и даже не с десятой попытки. Вытащив, осмотрела. Удивительно, но на ней всего лишь несколько царапин, и то, кажется, их сделала я, когда вытаскивала руку. Из чего его кожа, вообще?

Разобравшись с этим, быстро, ну, относительно быстро, освободила ноги и, наконец, перевернула человека. Вдохнула. Второй раз ошибаюсь. Это был ещё один длинноухий. В отличие от левой руки остальное его тело представляло из себя один сплошной синяк.

Подозрения зародились в моей голове, но я вытряхнула их оттуда, решив, что чуть позже лучше узнаю всё достоверно, но не стану сейчас изводить себя догадками.

Как я вытаскивала его из воронки, которую я выкопала в развалинах, это целая эпопея. Я лишь молилась всем богам, которые могли бы меня услышать, чтобы ничего подобного со мной больше не случилось. Я, конечно, девушка молодая, сильная, здоровая, но такие нагрузки вредны для спины и для нервов.

Но, оказавшись на вершине, я поняла, что сделанное всего лишь начало. А спустить его на травку? А вылечить? Отмыть? Что-нибудь надеть? Да и вообще, что мне с ним делать тут? Я ведь до сих пор не знаю, изнанка ли это или же самая натуральная реальность.

Поглядев вниз, а потом на остроухого, я кое-что поняла. Ему вполне неплохо лежалось до этого под камнями, а значит, очень даже удобно будет, если он полежит на камнях. Расположив его на широком плиточном камне, принялась осматривать его. Удивительно, но, кажется, у него ничего не было сломано. Да, цвет кожи отдавал неземной синевой, но это лишь поверхностные повреждения. Зелье высшего исцеления вполне должно хватить. Пузырька с собой у меня не было, поэтому я закрыла глаза и сосредоточилась. До сих пор не понимаю, как это работает, но флакон с нужным зельем снова оказался у меня в руках. Вообще, в последние месяцы мы с Охтароном провели массу экспериментов с изнанкой, но так до конца и не разобрались, что это такое.

Чтобы разжать ему зубы мне пришлось весьма потрудиться. Он ни в какую не хотел открывать рот. Но мне всё-таки это удалось. Зато к зелью присосался так, будто был в сознании. Я даже в симуляции его заподозрила, но нет.

Теперь нужно немного подождать.

Осмотревшись, село на камень и стала рассматривать того, кто либо был мне не знаком, либо каким-то образом изменился до неузнаваемости. Что могу сказать? Уши длинные, как и руки с ногами. Ноги вообще от этих самых ушей. Худой, даже тощий, но если одеть, то многие назовут его стройным. Не сильно широкие плечи, узкие бедра. Волосы, как я уже говорила, длиннющие, чернющие. Лицо? О, я уверена, за мужчиной с таким лицом бегали, бегают и будут всю жизнь бегать просто толпы девушек и женщин всех возрастов. Обычно за такой красотой кроется много драмы, будто мир компенсирует свои дары.

Цвета глаз я не знала, но и без них было видно, что мужчина просто дьявольски красив. Ровный нос, настолько правильной формы, что хотелось потрогать, чтобы убедиться, чтобы не нарисован. Губы четко очерченные, не пухлые, но и не тонкие. Брови черные, красивой формы. Ресницы любая девушка позавидует. Думаю, в такого совсем не сложно влюбиться,

но во мне от всей этой картины не дрогнул не единый мускул, даже, несмотря на то, что мужчина был голым, и я видела, что и в мужском плане его явно не обделили.

Прошло, по моим ощущениям, минут десять, и синяки на теле начали стремительно исчезать. Я с любопытством следила, как зелье работает. Мужчина вздрогнул, захрипел и закашлял. Подходить не стала. Ещё чего, я знать его не знаю, пусть сначала в себя придет, а то вдруг не разберет и в состоянии аффекта кинется. Нет уж, судя по тому, как он пробил своей рукой костяные пластины, он мне шею с легкостью свернет и не заметит.

Ещё минут через пять, он задышал спокойнее. Синяки почти исчезли. Самое интересное, что рука, которую я думала, он сломал, на самом деле сломанной не была. Я непрерывно наблюдала за ним, поэтому заметила, как его дыхание остановилось, а сам он весь напрягся. Я хотела уже представиться, но он резко сел и распахнул глаза. Я же чуть отшатнулась и разочарованно выдохнула. Глаза были зелеными. Прямо как...

— Как у Охтарона, — закончила я свою мысль.

— Ульрика? — спросил он так тягуче-медленно, словно заново учился говорить. — Я велел вам уходить, почему вы тут?

— Х... хелг? — спросила, находясь, честно говоря, в крайней степени удивления. Мыслишка такая у меня проскальзывала, но мне самой это казалось таким бредом, что я попросту отмахивалась от него. А оно вон как оказалось.

— А вы ожидали увидеть тут стража. Где, кстати, он?

Я, пока что, не обрета снова дар речи, просто указала в дыру, из которой меньше получаса назад вытащила... хелга. Да сих пор поверить не могу!

Хелг глянул в указанную мною сторону, легко поднялся и с грацией, достойной любого аристократа, который имеет тысячелетия истории своего рода, подошёл к яме. Заглянув туда, легко спрыгнул, а через минуту послышался грохот. А зажмурилась, отмахиваясь от поднимающейся пыли. Когда она немного осела, глянула на то, что лежала недалеко от меня и едва не вскрикнула. Этот теперь уже мертвый страж был просто громадным. Понятия не имею, как хелгу удалось достать его из-под завала.

Если говорить о размере стража, то он в холке был не меньше трех метров. Но судя по мощным задним ногам и менее развитым передним, то можно сделать вывод, что он всё-таки большую часть времени проводил на двух ногах. Я даже не могу сказать, на что именно он был похож. Ничего подобного я в своей жизни точно не видела.

Вытянутая морда, сверху прикрытая щитком. Голова тоже вытянутая, крупная. Шеи почти нет. Плечи широченные, но передние лапы несоразмерно тонкие, зато с такими когтями, что страшно становится. Тело длинное, обвитое жгутами мышц. Задняя часть мощная, имеет длинный хвост чем-то смахивающий на хвост крокодила. В общем, вид у него не очень приятный. Встретаться с ним живым у меня не было никакого желания.

— Это страж. Умный, терпеливый, питающийся планетарной энергией. Способен прожить столько же, сколько может просуществовать мир. Убить его так же сложно, как убить бога. У них есть лишь одно уязвимое место. Мне повезло, что удалось попасть в него, — Хелг сел рядом со мной прямо на камни, и опустил головы. — Вы достали меня и не дали умереть. Спасибо, но что заставило вас прийти ко мне.

— Вы никак не показывали то, что с вами всё в порядке. Я волновалась.

— Поэтому пошли? Опрометчиво с вашей стороны. А если бы здесь сейчас тут был жив не я, а страж, чтобы вы делали?

— Я рассчитывала, что мне хватит времени, чтобы успеть уйти.

— И привели бы стража к своему супругу. От стража не уйти, если он начал свою охоту. Он мог бы найти вас в любой токе мира.

— Тогда мне стоит радоваться, что выжили всё-таки вы.

— Определенно стоит, — хелг хмыкнул. — И не только вам, но и мне самому. Я, наконец, свободен, жив, стража больше нет. Сплошные плюсы, как вы думаете?

— Несомненно, единственное, что меня сейчас совершенно не устраивает, так это то, что вы сидите передо мной обнажённым.

— Но вас ведь это не трогает, верно?

— Верно, но это все равно потрудитесь привести себя в порядок, — я назло не отворачивалась, смотря в глаза хелга. Вот еще буду я его стесняться. Я его почти год лицезрела в обнаженном виде. Правда, он тогда был капельку другим, но не суть важно! — И вообще, вы немного изменились, не расскажите, отчего так?

— Почему же не расскажу? — хелг поднялся. Он с минуту постоял, а потом я удивлённо наблюдала, как вокруг него закружилась какая-то чернота, которая на пару секунд скрыла хелга полностью, а потом просто расселась. Хелг стоял в строгом, приталенном фраке, черного цвета. Его волосы были аккуратно заплетены в косу, длина которой достигала поясицы. На руках красовались белые перчатки, а под фраком виднелась белоснежная рубашка. Выглядел он весьма эффектно.

— Занятная у вас магия, — поделилась я.

— Такое могли делать раньше и люди, пока у них не началась очередная война, и они не растеряли часть знаний. Но не будем сейчас об этом. Может, мы спустимся? Или вам тут удобнее?

— Спустимся? Думаете, в лесу будут более нормальные условия для разговора?

— Я просто подумал, что вам может быть, неприятно находится рядом с мертвым стражем.

— Глупости, — отмахнулась я, разглядывая громадную тушу. — Мне вот интересно, ничего же страшного не будет, если я разберу его на ингредиенты? Что-то мне подсказывает, что таких великолепных образцов я не смогу достать еще очень долго, если вообще когда-нибудь смогу.

Хелг удивлённо вскинул свои чудовищно идеальные брови и посмотрел сначала на стража, потом на меня.

— То есть вы хотите разобрать его на составляющие.

— Вы мне поможете? — спросила, поднимаясь и отряхивая юбку. — Ваша история может подождать, а вот ингредиенты такого типа лучше всего обработать как можно скорее, иначе они могут испортиться. Интересно, что за зелья из них выйдут?

Рассказывать о том, как мы разбирали бедного стража на кусочки не стану. Скажу только, что этот чистюля хелг даже после окончания процедуры был, словно только что сошёл с обложки модного журнала, чего не скажешь обо мне. Он любезно очистил меня и моё платье магией. А так же упаковал разделанного стража в какие-то магические колбочки. Где он их взял? Понятия не имею, наверное, там же, где и свой фрак.

— Теперь можем и поговорить, — выдохнула, присаживаясь на один из камней, который валялся недалеко от деревьев. — Сначала скажите мне своё имя.

— Вы меня уже спрашивали его, — отозвался хелг и подпер спиной ближайшее дерево чуть в стороне от меня. — На вашем языке оно не произносится. Если говорить о ближайшем по смыслу имени, то... думаю, можете называть меня Михелем.

— Михель? — я нахмурилась, вспоминая значение этого имени. — Кто, как бог? Ничего не понимаю. Кто же вы, Михель?

Михель молчал, рассматривая руины. Интересно, что он ощущал, видя, как его тюрьма полостью разрушена? Радовался ли? Ощущал удовлетворение или же опустошение? Часто ведь бывает, что после долгого ожидания, то, что так ждал, воспринимается уже совершенно безрадостно, словно что-то обыденное и ненужное. Хотя, он ведь не человек, мало ли как он думает и какие чувства испытывает.

Он очень долго молчал. Я даже заподозрила, что он и вовсе не хочет обсуждать эту тему, или же попросту забыл обо мне. Но в тот момент, когда я уже хотела либо поторопить его, либо просто уйти, он заговорил.

— Вы знаете, откуда берутся боги? — спросил он, поворачивая ко мне голову. Я поежилась, как никогда ранее ощущая, что Михель некто далекий от человека, эльфа или же иного живого существа.

Но эти мысли как появились в моей голове, так и испарились. Я уже столько раз говорила с ним, что начинать бояться сейчас попросту глупо.

Откуда берутся боги? Честно говоря, никогда не задумывалась об этом. Раньше читала теории о том, что боги не что иное, как воплощение мыслей и желаний людей. Мол, если многие миллионы будут думать об одном и том же или же желать, то рано или поздно из их желания родиться новый бог.

Вообще, в том моём мире я особо не увлекалась этой темой. Наверное, я была обижена на бога или богов, так как меня лишили возможности ходить и это меня — несмотря, на то, что я старалась никому этого не показывать — очень сильно угнетало. Наверное, я, наоборот, должна была горячо молиться небесам, прося их о снисхождении, но я просто отринула всё, что могло касаться божественности.

Думаю, те, кто пострадал физически, причём совершенно неожиданно и незаслуженно, меня поймут. За что? Что я такого сделала, что меня так сильно наказали? Почему именно я, ведь в мире есть столько убийц, насильников, маньяков, но они могут ходить, а я же... Именно такие мысли поначалу меня одолевали, поэтому о боге я не думала.

И вот сейчас, совсем в другой жизни, в другом мире, меня спрашивают о том, о чём я никогда не задумывалась. Откуда берутся боги? Рождаются? Но у кого? Тоже от богов? А они тогда откуда берутся? Прямо замкнутый круг.

— Можете не отвечать. Я понимаю, о чём вы сейчас можете думать. Закономерный ответ на такой вопрос: рождаются. А как же иначе? Всё в мире рождается, так почему бы и богам не делать так же. Вопрос в том, у кого они рождаются? Я вам отвечу: их рождает мироздание. Вселенная, если так будет удобнее. Никто толком не знает, почему именно это происходит и зачем, просто однажды рождается новый бог. Поначалу он представляет собой лишь небольшой мерцающий сгусток энергии, который вселяется в новорожденного ребенка. Этот крохотная сверкающая искра, сливается с сознанием новорожденного и так рождается новый бог.

— И как узнать этого бога? — спросила, напряжённо размышляя о том, куда клонит Михель.

— Постойте, не торопитесь. Вы ведь хотели узнать, кто я такой. Вот и позвольте мне рассказать, — Михель смотрел на меня, не отводя взгляда и у меня мурашки по коже бежали,

так этот взгляд был похож на уже хорошо знакомый мне.

— Простите, — кивнула, сглатывая.

Михель снова молчал минут пять, прежде чем начать говорить. Тишина в этом месте стояла оглушающая.

— Поначалу юный бог ничего не знает о своей настоящей сущности. Он растёт обычным ребёнком. Его так же легко убить, как и любого другого, кто создан из плоти и крови. Но боги, даже в таком юном возрасте, это всё-таки уже боги. А они думают совершенно иначе. Они видят прошлое, настоящее, будущее, ничего не может скрыться от взора бога. Конечно, в юном возрасте он толком не понимает, не осознаёт, действуя интуитивно, на уровне подсознания. Пытаясь выжить, молодой бог неосознанно выстраивает события таким образом, чтобы избежать собственной гибели. Он меняет реальность, не имея ни малейшего понятия о том, что в происходящем виновен именно он. Всё в этот момент направлено только на одну цель — выжить до тех пор, пока не появится достаточно сил, чтобы защитить себя.

— Звучит не очень весело, даже зловеще, будто это не бог вообще, а злодей какой-то, — прошептала я, опуская голову. Глупой я никогда себя не считала, и сейчас у меня в груди то и дело вспыхивал огненный цветок из боли. Я уже знала, что этот разговор принесет мне боль.

— Но и это ещё не все. Любой бог рано или поздно сталкивается с тем, что ко всем милостив не будешь. То, что хорошо одному, другому смерть. Но боги, они слишком хрупкие, добрые и чистые, поэтому знания о том, что они совершают нечто подобное, разъедает их изнутри. А ведь они видят будущее, знают, что от каждого их решения, страдают живые существа, порою созданные ими же. А представьте, они ведь знаю, что рано или поздно любой из созданных ими миров погибает. И вместе с ними погибаю те, кого они сотворили и за кем присматривали долгие, долгие годы. Это чудовищно тяжелая ноша.

— Я, — запнулась, понимая, что на глаза наворачиваются слезы. Смахнув их, закусила губу. — Я никогда не думала в таком ключе.

— Это естественно, — Михель отмахнулся, на мгновение отворачиваясь, но потом снова посмотрел на меня. — Это нормально, так и должно быть, иначе баланс нарушится. Но сейчас мы говорим не об этом. Так вот, всё это приводит к тому, что в бога накапливается тьма. И нет, это не просто темнота. Тьма богов, это их сомнения и сожаления, которые со времени преобразуются в гнев на вселенную, ведь это именно она обрекла их на такую жизнь. Чем больше тьмы в боге, тем разрушительней становятся его действия, вплоть до того, что они начинают уничтожать созданные ими миры.

— Избежать это как-то можно? Я помню, вы говорили, что вы боролись с такими богами, и они за это наказали хелгов.

Михель грустно улыбнулся, покачав головой.

— Боролись, но как же глупы мы тогда все были. Боги... с ними может справиться только само мироздание. Сейчас я понимаю, что виноват перед моим богом. Я был молод, глуп, самонадеян и сам полон сомнений.

Михель говорил, а я постепенно начинала его всё меньше понимать. О чём это он?

— Михель, — позвала я и, дождавшись, когда его взгляд вернется в реальность, спросила: — В чём вы виноваты?

— Когда рождается бог, в это же время рождает и хелг. Вы, наверное, не знаете, но хелг означает «посвященный богу». Мы также созданы мирозданием и лишь для одной

единственной цели — быть теми, кто станет забирать тьму нашего бога себе. Его сомнения, вину, все сожаления, превращенные во тьму, это наша пища. Мы не можем без наших богов, они не могут без нас, ведь заполненный тьмой бог, просто растворяется во вселенной, переставая существовать. Мы как нечто единое, хотите, можете звать нас близнецами, хотя это не совсем так, но учитывая, что мать и отец у нас одни и те же, то и такое название сгодится. Вы спрашивали, кто я, так вот я хелг. Хелг, который в своё время позволил своему богу погрузиться во тьму.

— Но, что произошло?

— Он создавал миры, но они быстро ему наскучивали. Мы путешествовали, встречали других богов. В один момент мы натолкнулись на этот мир. Я не знаю, по какой причине тут скопилось целая плеяда богов, но ему тут понравилось. Это потом я жалел, что мы остались. Тьма... ей, оказалось, можно заразиться. В какой-то момент её в нём стало столько, что я попросту не справился. Боги обезумели. Начали уничтожать ближайшие миры. Это был хаос.

Михель замолчал, я же задумалась.

— Но ведь он знал, на что шёл. Так не означает ли это, что он пошел на это осознанно?

— Означает, — кивнул Михель, поджимая губы. — Но тогда я был так наивен, что думал, будто мы справимся, сможем образумить их.

— А что становится с хелгом, когда его бог уходит? — спросила, сжимая пальцами ткань платья.

— Как вы думаете? — с иронией спросил Михель, устало смотря на меня.

— Но вы ведь живы! — тут же возразила я, так как пояснений мне не понадобилось, я сразу же поняла, что именно тот имел в виду.

— Да, — кивнул хелг, садясь прямо на траву. — Жив. Только у меня до недавнего времени было такое ощущение, будто из меня вырвали кусок. Не самое приятно чувство, уверяю вас. Но сейчас я понимаю, что наши боги даже в том состоянии, в котором они находились, попытались спасти нас. Они привязали нас к миру, сделав нас их пленниками, живыми, но пленниками. Не знаю, многие ли из тех, кто тогда лишился своих богов, еще живы, но я больше никогда не захочу повторить такое.

— То есть, вы хотите сказать, что ваше пленение было вашим же спасением? — я покусала губу, старательно заталкивая пока что вертевшийся на языке вопрос.

— Именно.

— И освободившись, вы должны были последовать за своим ушедшим давным-давно богом?

— Все так и есть. Я стремился к этому, желал вернуться во вселенную, став её частью.

— Но вы живы?! Как это произошло? — я выдохнула, чувствуя, как у меня начинают подрагивать руки.

Михель опять долгое время молчал, смотря куда-то вдаль. Он напоминал мне статую, которая каким-то невероятным образом оказалась посреди глухого леса.

Медленно повернувшись ко мне, он улыбнулся, но я видела, как в зеленых глазах мелькнуло что-то вроде боли.

— Вы ведь видите мои глаза, верно? Помните, они ведь были другими.

— Я... — сглотнула, чувствуя, как меня начинает немного потряхивать от нервов. — Я помню. Голубые, они были чистого голубого цвета. А сейчас...

— Верно. Глаза, это отражение того, что нас наполняет. Голубые глаза... — Михель

снова замолчал, будто погружаясь в воспоминания. — Были у моего бога.

Я резко отвернулась, кусая губы и хаотично пытаюсь зацепиться взглядом хоть за что-нибудь.

— Охтарон, — выдохнул я так тихо, что даже сама этого не услышала, но Михелю и этого хватило.

— Юный бог, который родился в этом мире.

Я выдохнула и расслабилась, будто все напряжение, которое копилось во мне всё это время разом покинуло моё тело, оставив после себя чуть ли не пустую оболочку.

— Вы его хелг? — спросила, снова поворачиваясь к Михелю. — Как так вышло? Вы ведь сказали, что хелг рождается вместе с богом? Это ведь он... он все сделал так, чтобы я его спасла? Я права? Он мог там умереть, но поменял реальность, чтобы я могла это сделать?

Михель поднялся, подошел ко мне и снова сел на землю, опираясь теперь спиной на мой пенёк.

— Выслушайте меня. Вы правы, Охтарон, не осознавая того, сделал все возможное, чтобы избежать своей гибели. Он бог, пусть и очень юный, практически младенец еще. Уверяю вас, он в любом случае нашел такой выход, благодаря которому пострадало как можно меньше живых существ. Да, погиб ваш отец, но вместо этого выжило сотни других людей. Простите его. Я вас умоляю, он сам себя не простит, когда все вспомнит, а это будет значить, что тьма вползет в его сердце так глубоко, что вытащить её оттуда будет очень сложно, если вообще возможно. А он обязательно вспомнит. Боги вспоминают рано или поздно, когда силы начинают расти в них. Я думаю, вы поймёте.

Пойму ли я? Могу ли я понять, что мой любимый пусть и неосознанно, но убил моего отца? Могу ли простить его за это? Могу ли забыть о том, что мне пришлось убить короля, который был лишь ведом его волей? Если не прощать и не забывать, означает навсегда потерять его. Но ведь это он сделал!

Я никогда не молилась, но сейчас мне нестерпимо хотелось, чтобы все это оказалось неправдой, выдумкой, так хотелось, что я готова была молить богов. Вот только в этом мире бог один — Охтарон.

— Вы сказали, — заговорила, безразлично рассматривая лес перед собой, — что вместе с богом рождается хелг, но ведь вы хелг другого, мертвого бога. Так, где хелг Охтарона?

Я заметила, как вздрогнул Михель и его плечи опустились, когда я упомянула его мёртвого бога, и мне стало так стыдно. Я так забылась в своём горе и смятении, что специально ранила его. Просто так, потому что больно мне. Это плохо, ведь я не такая на самом деле.

— Когда я понял, что в этом мире появился новый бог, то, сам того не понимая, начал помогать ему по мере моих сил. Наверное, это заложено в нас — оберегать богов. Когда он осознал свою возможную гибель, то выбрал именно вас на роль той, кто уберезет его от этого. Боги видят больше нас и многое для нас так и останется загадкой, но в этот раз даже я понял, почему он выбрал именно вас.

— Почему?

— Ваша душа.

— Не понимаю, — нахмурилась, зато меня, наконец, начало отпускать. Боль была, но мне нужно немного времени, чтобы потом хорошо всё обдумать.

— Обычно души перерождаются в пределах своего мира, максимум среди миров,

созданные одним богом, но ваша душа, она не принадлежит этому миру. И ваш прежний мир создал совершенно другой бог. Понять это не сложно. Обычно миры одного бога очень похожи друг на друга. Я бывал когда-то давно в вашем прежнем мире и знаю, о чём говорю. Вы выпали из обычного круга перерождений и родились в совершенно чужом для вас мире.

— Может, и это Охтарон?

— Вполне может быть, — Михель пожал плечами. — Говорю же, они видят столько, что нам с вами и не снилось. Так вот, я помогал ему, понемногу забирая тьму, которая в нём появлялась. Помню, когда впервые это сделал, то весьма удивился. Правда, тянут все я не мог — оковы почти блокировали меня. И только когда вы освободили меня, я понял, что нас с ним связало мироздание. Его хелг не родился, наверное, потому что я был тут. Может быть так, что и ко мне вы попали лишь потому, что он так хотел.

— И что дальше? — я обняла себя за плечи. — Он получил своего хелга. А что теперь будет со мной? Вы ведь теперь можете его защищать, значит, я ему не нужна.

— Я так не думаю, — хмыкнул хелг.

— Почему?

— Ваше тело, оно все покрыто узором. Вы ведь не думаете, что это просто так? Конечно, не думаете. Это брачное плетение. Вы его жена и изменить это может только его смерть. Даже, если вы умрёте, то вам не уйти от этого. Не забывайте, Охтарон бог и воплотить душу в новом теле для него в скором времени будет так же легко, как нам с вами щелкнуть пальцами.

— Вот подлец! — возмутилась я, понимая, что мне просто перекрыли все пути к отступлению. Теперь, даже если я его не прощу, то это не изменит того факта, что у этого пройдохи будет очень много времени, чтобы выпросить прощения. Надо же, как все просчитано. И обвинить его на полном серьёзе не могу, так как он сам не помнит, что это всё от его желания, и просто уйти, не выйдет, так как Охтарон явно дал понять, что отпускать меня не намерен.

Михель весело рассмеялся. Он хохотал так долго, что я даже заволновалась. Все ли с ним хорошо?

— А ваш внешний вид, почему вы изменились? — поинтересовалась тогда, когда Михель всё-таки перестал смеяться.

— М? То, что вы видели раньше, это из-за нехватки тьмы. Помните, вокруг пятна света была темнота, в которой всё буквально тонуло? Так вот, это была оставленная мне моим прежним богом пища, которая поступала ко мне так медленно, что её хватало лишь на то, чтобы не умереть. Когда вы меня освободили, то я собрал всю тьму, поэтому принял свой обычный облик. Но самое интересное, знаете, что?

Михель приподнял голову и посмотрел на меня.

— Что? — поинтересовалась, разглядывая Михеля. Странно, он ведь такой красивый, а у меня даже ничего не екает. Что-то мне подсказывает, что это узор виноват. Это что — узор верности, что ли? Однажды Охтарону придется за многое мне ответить!

— В ближайшее время я не могу быть рядом с Охтароном, поэтому вам придется приглядывать за ним.

— Почему?

— Он пока что совсем ребенок и своей силы не осознает, на этом этапе лучше, если я буду подальше от него, так его сила быстрее начнёт расти и, как бы, взростеть. Моё присутствие его расслабит. Это не допустимо. Вы ведь присмотрите за нашим юным богом?

Я закусила губу, которой уже сегодня изрядно досталось. Честно говоря, как бы я не старалась сейчас возненавидеть Охтарона, но это у меня так и не вышло. Полагаю, что это тоже его влияние. Мне даже страшно становится, ведь я не могу с уверенностью сейчас сказать, что мои чувства это именно мои, а не навязанные богом. Хотя, если смотреть с другой стороны, наши тела и способность чувствовать нам дается богами, так не значит ли это, что мы вообще изначально ничего своего не имеем?

Посмотрев на свои руки, отстранённо отметила, что царапины на них зажили, даже грязь куда-то делась.

— Что это за место? — спросила, давая себе еще немного времени.

Михель тут же разгадал меня.

— Здесь изнанка и реальность очень плотно соприкасаются.

Он замолчал, не мешая мне думать. Я же не знала, о чём мне вообще думать. Мысли скакали в голове, перескакивая с места на место.

— Барьер над Вильхельмом?

— Спал. Вы, кстати, действительно полноправная хозяйка Вильхельма. Я создал этот лес для того, чтобы окружить своё местонахождение защитой. Пусть башня была не совсем в реальности, но живы созданий нельзя недооценивать. А потом я просто отдал управление над лесом вам, так как у меня стояла задача, чтобы вы, во что бы то ни стало, выжили в нём. Не волнуйтесь, создания леса никуда из него не разбегутся.

— Это вы их создали?

— Я. С помощью своих жиденьких сил.

— Значит, вы тоже можете создавать?

— Конечно. Моих сил может хватить на многое, но мир я создать не смогу, как бы не был силён, это привилегия лишь богов.

— И вам не обидно?

Михель глянул на меня так, что я поняла, что сморозила глупость.

— Может, во вселенной и существуют хелги, которым не нравится такое положение вещей, но я точно не из их числа. Конечно, мне бесконечно больно от потери, но я также бесконечно счастлив, что у меня теперь есть бог. Это трудно объяснить. Увы, но более понятно сделать это я не в силах.

— А моя сила? Она принадлежит вам?

— М? — Михель нахмурился, вспоминая, а потом улыбнулся. — Нет. Я всего лишь немного вплеснул вам своей силы, но она быстро выветрилась. Зато это позволило подстегнуть ваш собственный потенциал. Не знаю, почему бог вашего прошлого мира не дал людям магию, тем более что создал их потенциально сильными магами. Вы, кстати, тоже маг, только, эти способности у вас находятся практически в зачаточном состоянии. Если постараетесь, то станете весьма сильным магом. Лет так через двадцать.

Я сидела и молчала, пытаюсь вспомнить, что еще хотела узнать у Михеля, но мысли прятались, будто пугливые мыши.

— Я... — начала говорить, но Михель меня перебил.

— Вы не ответили мне. Скажите, вы будете присматривать за Охтароном? Потом, когда он войдёт в силу, вы сможете сделать, что захотите, кто знает, вдруг он вас отпустит, но пока что, будьте с ним.

— Хорошо, — ответила после долгого молчания. — Я буду с ним.

— Берегите нашего бога.

— Он не ребенок, — фыркнула я, вспомнив здорового Охтарона.

— Ошибаетесь, — покачал головой Михель, улыбаясь. — Вы это поймете, а сейчас вам пора. Вы уже больше суток без сознания, Охтарон начал сильно волноваться.

— Стойте! А вы куда? Когда мы снова встретимся?

— Куда? — Михель поднялся и посмотрел по сторонам. — Куда глаза глядят. Время придёт, и я вас сам найду, не сомневайтесь. А сейчас, до встречи. Поспешите, юный бог сходит с ума от тревоги.

Я резко вздохнула и открыла глаза. Надо мной нависал Охтарон, у которого на лице была написана паника.

— Мне от тебя никуда не сбежать? — спросила хрипло, рассматривая знакомое до последней черточки лицо.

Охтарон тут же нахмурился. Он свел вместе светлые брови и сжал плотнее губы.

— Что-то случилось? — спросил он, мягко проводя кончиками пальцем по моей щеке и по губам.

Я чуть улыбнулась и покачала головой.

А за стенами всё сильнее расхотелся дождь, буквально обрушивая на землю тонные воды. Где-то далеко протяжно и тревожно завывали волки, но их было слышно даже через шум дождя.

— Все хорошо, — ответила через пару минут. Охтарон тут же расслабился. Наклонившись, он мягко поцеловал меня в губы.

— Я не сомневался, — сказал он и уткнулся носом мне куда-то в висок.

Я лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок, перебирая пальцами светлые пряди волос Охтарона.

— Все будет хорошо, — добавила я, поднимая вторую руку и обнимая его. — А что не будет, и с этим справимся.

Свеча резко разгорелась сильнее, а потом затрещала, разбрасывая в стороны маленькие искорки.

Эпилог

50 лет спустя. Вильхельм. Долина Начал

Я стоял в отдалении, и смотрела, как в долину вереницей едут караваны. Переведя взгляд с дороги, посмотрела на замок. Его отстроили уже давно. Сейчас он возвышался над городом величественными пиками башен. Даже издали он казался громадным и немного зловещим. То, зелье, которое я сварила еще в первый год пребывания в долине, дал весьма интересный эффект — камень, обработанный им, чернел.

Замок был черным, как и город Начал. Понятия не имею, почему люди и городу и самой долине дали такое просто название, но после того, как барьер спал, и мы начали взаимодействовать с внешним миром, это название быстро распространилось и прижилось.

Черный город утопал в зелени — сейчас был почти конец лета. По дорогам, мощённым всё тем же черным камнем — людям он почему-то пришёлся по вкусу — гуляли люди. Город не был окружён стеной, как это обычно бывает. Замок стоял в небольшом отдалении на холме и был виден с любой точки города. Поначалу его называли Замок на Холме, но потом название со временем отчего-то превратилось просто Замок Хольм.

О, мой замок был сейчас весьма известен в мире. В этом ничего удивительного нет. Когда мы начали торговать, то мои зелья шли с большим успехом. Постепенно приходила известность. Не скажу, что меня это радовало, но деньги тогда были очень нужны, да и развивать долину надо было, поэтому пришлось покрутиться.

И вот сейчас я стою в отдалении и наблюдаю за тем, над чем мы столько времени работали. А ведь когда-то давно первые переселенцы жили просто в общем бараке, занавешивая свои спальные места от других простыми, связанными из травы лоскутами. Сейчас осталось очень мало тех, кто шел тогда, много лет назад по Вильхельму, боясь каждого подозрительно звука. Ингрид умерла почти двадцать лет назад. Даже все мои умения не смогли помочь ей.

Бьярде давно обзавелся семьей и уже дедушка. Я не раз уже бывала в из «логове». Несмотря на свой почтенный возраст, этот старый волк постоянно приходит ко мне, когда мне требуется его помощь. А, еще тогда, когда его кости снова ноют на дождь и ему нужно моё зелье, но я не сержусь. В своё время он многое для меня сделал, поэтому всегда готова помочь.

За эти годы я приняла столько родов, что уверяю вас, половина города первое, что они увидели в этой жизни, было моим лицом. Сейчас, правда, в городе есть другие ведуньи и ведуны и меня уже не зовут. Почему-то в последнее время всё больше бояться.

С арахнами мы в последствие очень сдружились. Я любила потом бывать у них. Оказалось, что у них очень короткая жизнь. Мне потребовалось несколько лет исследований, чтобы сварить зелье, которое помогло им.

Михель за эти годы так и не показался ни разу. Признаюсь, я даже немного скучала по нему. И нет, никакого сексуального подтекста. Просто скучала, как по... например, брату. Он не появлялся, не давал о себе знать, и сколько бы я не прислушивалась к разным слухам, ничего о нём нигде не всплывало. Попыталась отыскать его с помощью артефакта, который он мне когда-то дал, но после его исчезновения, он больше не работал, а потом и вовсе в один

момент рассыпался клубящейся тьмой, которая просто растворилась в воздухе.

Да, стоит еще рассказать о моём старом замке. Не сразу, но нам удалось отобрать его у эльфов. Ох, и крику тогда было, но замок вернулся к нам. Дверь, ведущую в пещеру с кристаллами силы, я открыла. Если говорить кратко, то она была просто громадной. Поначалу ничего видно не было, но потом стали зажигаться факелы в самых неожиданных местах, пока не осветили всю пещеру. Так вот, это было просто невероятно. Кристаллы всевозможных цветов покрывали всё, что только можно. Пол, стены, потолок, всё! От света факелов они сияли всеми цветами радуги. Это место стало одним из моих любимых, так тут было красиво и завораживающе. Кристаллы трогать мы не стали, просто снова закрыв дверь.

Да, и с эльфами у нас из-за этого по-прежнему натянутые отношения. Великий Князь отказался от Охтарона, заявив, что он не его сын. Жена его после этого сильно заболела, так как своими словами он её буквально втоптал в грязь, обвинив в измене. Она оказалась вполне хорошей, мы даже предложили ей переехать к нам, но она отказалась. Но полечить её мы подлечили. С Князем они всё-таки развелись. В последние годы его власть начала ослабевать, зато стал пользоваться популярностью старший из детей Алмиэль. Я не раз общалась с ним и понимала, что правитель из него должен получиться вполне себе хороший. Не то, что нынешний истеричный Князь. Общий язык с ним я так и не смогла найти. И эта неприязнь у нас была взаимной.

Последнее время я стала замечать, что с Охтароном что-то происходит. Стоило мне понаблюдать немного, как становилось понятно — он начинает осознавать. В нём что-то неуловимо менялось. То взгляд станет другим, то улыбка совсем не похожей на ту, к которой я так привыкла.

Простила ли я его? Возможно. Мне было по-прежнему больно осознавать, что это всё он, пусть и неосознанно, но любовь, проросшая в моем сердце так глубоко, попросту не давала мне выбора. Иногда мне было тошно от самой себя. Я казалась себе предательницей, которая забыла своего отца и счастливо живёт с тем, кто виновен в его смерти. А потом я понимала, что отец в любом случае желал бы мне счастья, а моё счастье было рядом с Охтароном. Узор на теле почему-то с каждым годом становился только ярче, пока не стал светиться в буквальном смысле слова ночью, словно меня всю разрисовали фосфорной краской.

Этому было только одно объяснение — Охтарон обретал свои силы.

Я не знала, пока еще не решила, как всё будет дальше, и ужасно страшилась тех дней.

Ах, еще я стала магом. Конечно, до величия мне еще очень далеко, но сейчас отрастить руку я могу и, не прибегая к зелью. Оказалось, магия вообще моя страсть, как и зелья. Я могла часами разбираться, ковыряться, экспериментировать, пока Охтарон не утаскивал меня поесть и поспать. Но даже спустя столько лет, было еще так много, чего я должны была узнать и изучить, что будущие годы не казались мне скучными или же унылыми.

— А ты знаешь, что в том замке живёт Ведьма?

Я вернулась в реальность и обернулась. Я стояла в тени раскидистого дерева, поэтому с другой стороны видно меня не было. Чуть наклонившись вперёд, увидела двух подростков лет четырнадцати, не больше.

— Знаю, — ответил второй. — Кто же не знает этого. Ты совсем дурак меня о таком спрашивать?

— Постой ты, — осадил его первый. Я же выпрямилась, отступая еще на шаг в тень. — А то, что у неё есть метла, на которой она летает, знаешь?

— Бреешь?

— Да ты что! Я тебе хоть чем поклясться могу.

И что тут такого? Ну да, есть у меня метла. Я её ради смеха сделала, обмазала летучим зельем и пару раз прокатилась. Не понравилось. Ветер волосы треплет, и сидеть совершенно неудобно. Проще заклинание полета сплести.

— Клянусь, — невозмутимо выдал второй. — Сколько раз видали, как она летает над долиной.

— А ты сам её видал?

— Видал. Не метлу, а Ведьму, то есть.

— И чего?

— Чего, чего? Моя бабка рассказывает, что с того дня, как люди впервые вошли в Вильхельм она ни грамма не изменилась. Волосы так же черны, кожа гладка, тело стройно. Ну, видал я её, красивая такая, но жуткая.

— И чего жуткого?

— Да, не знаю я! Чего прицепился. Жуткая, значит, жуткая. Ведьма одним словом! Вот увидишь, сам все поймёшь. И муж у неё эльф. Бабка говорит, что он в долине вообще не знамо, как появился. Вечером не было, а утром уже в доме у Ведьмы весь израненный лежит. Здоровый такой. Сам видал.

— Ну, эльфы нынче не такая уж редкость.

— Эт да. Бабка говорит, раньше и этих длинноухих и не видывали никогда, а сейчас на каждом углу. Бабка говорит, хотя Вильхельм у Ведьмы отобрать, но наша Ведьма им быстро поотрывает. Раньше, бабка рассказывает, Вильхельм дурным лесом считался, пока Ведьма сюда людей не привела. Рассказывают, что вся живность ей подчиняется. А еще по ночам в лесу волки воют. Бабка рассказывает, что вертуны это.

— Кто?

— Вертуны. Полулюди, полуволки. Увидишь туман густой, знай, вертуны там бродят.

Ага, народ Бьярде и, правда, стали называть вертунами из-за вывернутых назад коленей. Название тоже быстро пристало и так и прижилось.

— Подслушиваешь?

Я улыбнулась, оборачиваясь.

— Я не виновата, что они меня не увидели. Я тут была первой, — обняв Охтарона за шею, потянулась за поцелуем.

Оу тут же подчинился и притянул меня ближе, целуя глубоко, но в тоже время нежно.

— Ты еще долго собралась тут стоять? Нам пора, карета ждёт.

Я невольно скривилась. Терпеть не могла кареты. Даже то, что люди стали использовать что-то вроде рессор не прибавляло мне любви к этому пыточному транспорту.

— Может мы заклинанием? — умоляюще заглянула в глаза мужу.

— Нет. Нам надо приехать в столицу бодрыми и свежими.

— Ты думаешь, что если меня трести десять дней в карете, то я останусь бодрой и свежей? — спросила я, фыркнув и уткнувшись в грудь Охтарона.

— Но не такой уставшей, если мы пойдём с помощью заклинаний. Ты ведь знаешь, что Никлас будет ждать на открытие академии, и если увидит тебя уставшей, то мне перепадёт по самое первое число.

Никлас это наш с Охтароном сын. Ему в этом году исполнилось шестнадцать и он, имея магический дар, тут же устремился в столицу королевства. Мы долго тянули с рождением

ребёнка, как обычно из-за меня, но всё-таки мне пришлось сдаться. Видели бы вы, с каким лицом Охтарон каждый день прислушивался к моему растущему животу. Это было весьма забавно.

Так вот, Никлас получилась вылитая копия папочки, только волосы мои, жгуче черные, но сочетании с зелеными глазами... В общем, не сладко нам пришлось, так как за ним с самого детства увивались поначалу девочки, а потом уже и девушки. Я даже не представляю, что будет сейчас, когда он еще подрос.

Даже сейчас, в свои шестнадцать Никлас был уже выше меня на полголовы. Не знаю, это ли все решало, или же что-то другое, но он жутко охранял меня от всевозможных расстройств. И Охтарону часто перепадало на орехи, когда мы с ним сорились. Никлас всегда принимал мою сторону, за что Охтарон называл сына «мамочкиным сыночком». Тот не обижался, наоборот, обнимал меня, целовал в щеку и говорил, что всё именно так.

Не знаю, передалась ли сила Охтарона нашему с ним сыну, но временами я с замиранием сердца представляла, что нет. Что тогда? Мы с Охтароном будем жить долго, и нам придётся смотреть, как умирает наш сын? Именно это в своё время стало причиной того, что я долго не решалась рожать.

Сын был добрым, смелым, но жутко упрямым и вредным. Кажется, в нем смешались все наши с Охтароном черты.

Будущее не выглядело безоблачным, но мы столько всего пережили, что иногда казалось ничем уже не удивить.

— Я обязательно ему пожелаю, — сказала я, улыбаясь. — Скажу, что про меня ходят жуткие слухи, но про тебя не говорят ни слова. Если у тебя длинные уши, это еще не значит, что ты хороший, а я плохая.

— Я не виноват в том, что ты постоянно что-то взрываешь. Кто вообще надоумил тебя летать на месте? Было понятно с самого начала, что будет неудобно. А, я забыл упомянуть, как однажды из нашего замка во все стороны разлетелись жутко каркающие вороны. Что ты вообще такое сотворила?

— Плетение копии, — буркнула я. — Я не виновата! Просто силы не подрастала, вышло слишком много.

— Мне ты можешь не объяснять, я то знаю, что ты милая, добрая и самая любимая, а вот люди... Не обращай внимания. Слухи быстро улягутся, вот увидишь. Ну, если ты, конечно, прекратишь свои эксперименты.

Я подняла взгляд на Охтарона.

— Думаю, что ничего страшного в этих слухах нет. Подумаешь, я ведь и, правда, ведьма. Слухом больше, слухом меньше, какая разница? Тем более у меня еще столько задумок, что удержаться я всё равно не смогу.

— Я так и думал, — Охтарон рассмеялся. — Делай свои дела, а на остальных не смотри. Если кто-то будет против, то быстро подскажем ему, где выход из нашего леса.

Он снова меня поцеловал.

Был тёплый солнечный день. Здесь, в долине, всюду пели птицы. Издалека доносился шум города, а вдалеке отчетливо было слышно реку. Охтарон мягко обнимал меня за талию и притягивал к себе. Я давно научилась жить с тем, что так никогда и не смогу принять правильного решения.

В какой-то момент Охтарон напрягся и медленно отстранился.

— Что такое? Нам пора? — спросила я, смотря на Охтарона. Он же смотрел на что-то

позади меня, поверх моей головы. — Что там? — Обернувшись, сама застыла, во все глаза смотря на того, кого я меньше всего ожидала увидеть здесь в этот солнечный день. — Охтарон, это...

— Я знаю, кто это, — ответил Охтарон.

Я же, как стояла, так и застыла. Знает? Он знает? Это могло означать только одно.

— Ты вспомнил?

Охтарон опустил на меня взгляд, который мгновенно изменился и стал таким больным и несчастным, что я даже не поверила, что он способен так смотреть.

— Прости, — сказал он, я же выдохнула. Старая рана вскрылась, словно гнойный нарыв. Я дышала, чувствуя, что мне отвратителен и этот солнечный день и эти проклятые птицы. — Я так люблю тебя. Прощу, прости.

Я шагнула назад, но Охтарон не дал мне сделать больше ни шагу, он вихрем налетел, обнял, начиная тут же целовать, шептать слова, которых я не слышала.

Мне было так больно, словно мою грудную клетку вскрыли ржавым и тупым ножом. А потом в единый миг всё прекратилось. Я даже задохнулась от удивления. Была боль, а потом её вдруг не стало, словно кто-то нажал на переключатель.

— Всё будет хорошо, — шептал Охтарон, чуть покачивая меня в объятиях. — Поедем к Никлаусу, он и влетит мне. Ты бы знала, как наш сын тебя любит. Хотя ты, конечно же, знаешь. Я знаю, что ты переживала из-за того, что я такой. Ты боялась, что он станет человеком из-за того, что ты сама им когда-то была. Но ты зря переживаешь, моя маленькая. Он такой же, как я. Он будет жить так долго, как сам того захочет. И ты вместе с нами. Мы тебя никогда не отпустим.

Услышав это, я заплакала. И не знаю, что в тех слезах было больше, счастья или же печали о том, что и моему сыну выпала хоть и долгая, но такая сложная жизнь.

— Как давно? — спросила, всхлипывая. — Как давно ты знаешь?

— Недолго, — Охтарон отстранился и, взяв ладонями моё лицо, стал целовать мои слезы. — Всего пару лет. Я так боялся. Так испугался, что ты оставишь меня. Я столько раз хотел сказать, но мне не хватало смелости. Такой трусливый у тебя бог в мужьях.

Охтарон хрипло засмеялся, но веселья в том смехе было самую капельку.

— Какой уж есть, — буркнула я, немного успокаиваясь. — А сейчас дай мне, наконец, поздороваться с тем, кого я не видела так давно. Здравствуй, Михель.

Взглянув на напряжённого хелга, я вяло улыбнулась. Он совсем не изменился, всё такой же дьявольски красивый и идеальный, но во взгляде виднелось неуверенность и растерянность.

— Здравствуйте, Ульрика, Охтарон. Я рад видеть, что с вами обоими всё хорошо.

Охтарон старался не смотреть на Михеля, лишь изредка хмуро поглядывал с любопытством. Я шмыгнула носом, а потом вспомнила о том, о чём мы все благополучно забыли.

Вскинув руки, схватила одной за рукав Охтарона, а второй Михеля за руку и потащила их в сторону замка. Нас ждёт Никлас, ведь скоро у него поступление в академию, а поговорить, помириться, поругаться мы можем и по дороге.

Да и вообще, для этого у нас еще много времени, а вот поступление бывает раз в жизни и оно ровно через десять дней.

Налетевший ветер взметнул в воздух листья, а вдалеке засмеялись дети. На холме возвышался черный замок Хольм. Да, на улице опять было солнечно, а в ветвях деревьев

пели птицы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net